

Александр БАЗАРОВ

ДУРЕЛОМ
ИЛИ
ГОСПОДА
КОЛХОЗНИКИ

16

АБ

63.3(2)6
Б17

Александр БАЗАРОВ

10

ДУРЕЛОМ или господа КОЛХОЗНИКИ

КНИГА ВТОРАЯ

252330

Бережневская ЦСБ
Пермской области

АБ

Издательство «Зауралье»
Курган, 1998 г.

03

Светлой памяти моей мамы
Завьяловой Таисии Ананьевны

Дурелом, или Господа колхозники.

Выздоровляющему не вредно показать историю его болезни.
Урал, первое десятилетие (1930—1940) колхозного рабства.
Раскулачка, ссылка, бабы в борозде и зек-энтузиасты, голодуха,
чертогон вредителей и врагов народа — вот главные
симптомы эпидемии, имя которой — коммунизм.

ISBN 5-87247-022-3

© А. Базаров

Воспоминания о жизни матери, Таисии Ананьевны Завьяловой, в колхозе и ссылке. Текст очень размыт и нечитаем.

Ребячье мясо

В России натуральным результатом любого общественного переполюха, называемого революцией, перестройкой или просто реформой, всегда был голод. Независимо от политического вектора событий и расклада сил, ибо расточительные счета отечественных реформаторов неизменно оплачивались деревней. Конечно, были продовольственные кризисы и по причине неурожая, но последние не ломали тенденции, а усугубляли её. Вернее сказать, что и скупость земли проистекала чаще не из природного зла, а из основной стати национального менталитета - чудотворной бесшабашности.

Николай Бердяев прав отчасти, мы не только ждём чуда. Упорным стремлением сначала бездумно отчуждить, а потом надеяться на положительное чудо Россияне обязаны, вероятно, неудачному сцеплению социальных хромосом. К следствиям того отнесём народную мудрость про бедность, что не порок, работу, которая не волк и в лес не убежит, привычку к голоду либо тяжёлому перееданию, пока бог подаёт. Попытки выйти на свежую, не жгушую национального самолюбия версию вечной нищеты сбегаются в политико-агрономическую демагогию о зоне рискованного земледелия. Пусть иноземью смешно, но на собственный рассудок действует успокоительно. Полупатриот отыщет здесь махровую самобытность, патриота полного даже вздует национальная гордость - и отчаянный же мы народ, однако!

Взять хотя бы первую советскую голодуху. Большевики "дали" крестьянину землю. "Право частной собственности на землю, - записано в "Декрете о земле", - отменяется навсегда... Вся земля обращается во всенародное достояние". Высокий слог большевистских тезисов обесцветил экономическую суть. Более половины пахотных земель страны, находившихся в частно-трудовой и наделно-общинной собственности, выстраданных в послереформенных коллизиях и столыпинских переселениях, перешло в собственность государства. Было, прямо сказать, реквизировано.

Крупные хозяйства стали жертвой первых революционных агроувлечений. Преобразованные наспех в госхозы, они дали густые всходы социалистической бесхозяйственности. Государственные батраки затосковали, барин и кулак хоть и спрашивали работу, но кормили лучше. Распределенные между безземельной и малоземельной деревенской нищетой наделы, что большевики ставили себе в особую заслугу, благосостояния нации не повысили. Жлоб паровоза не сгондобит, говаривал один из умных персонажей Андрея Платонова. Люмпенская версия справедливости - "всем поровну" - дороже нам собственного рассудка и заповедей Христовых. Хотя давно пора понять, босяку лучший надел на Кубани в тягость, что ваучер он пропьёт в день получения оного.

Ублажённые большевиками сельские пролетарии скорёхонько проели в коммунах национализированный харч и эволюционировали в пропагандистов. Поля пришли в запустение, трудолюбия и личного хозяйственного опыта явно не доставало. А до продуктивного влияния марксизма-ленинизма на агротехнику ни академическая наука, ни академики народные еще не добрались.

Земельный кодекс РСФСР, принятый в 1922 году, продублировал идеи "Декрета о земле". Государственная собственность на землю допускала какую-либо хозяйственную возню только вокруг форм землепользования. Что-то в идее землевладения Ильича позаим-

ствовал у гениальных предшественников, что-то у эсеров, но главное взял из личного житейского опыта.

Краткосрочная ссылка неприятно озадачила его - уважающая частную собственность и свободный труд Сибирь плодила "крестьян сытых, крепких и не склонных к социализму". Для материализации революционных идей требовался мужик голодный, квёлый, трусоватый и хорошо отзывающийся на кнут. Вообще наши вожди с подозрением относились к зажиточным районам страны, будь то Украина, Северный Кавказ или Урал, и видели в их благополучии озлобляюще неоспоримый контраргумент. Когда власть впадала в лютость, этим пасынкам доставалось больше всех.

Выходом из первой советской голодухи мы обязаны отнюдь не идее замены разверстки продналогом, озарившей вождя на четвертом году новой власти. И канонизирующей Ленина как святого, спасшего народ от голода, в который нас черти затащили. Государственной милостью при дефиците можно лишь варьировать пропорции между голодным очень и просто голодным. Извечная проблема России, заметил как-то великий сатирик, производство, а не распределение. Распределят и съедят те, кому съесть положено. В мае 1922 года власти под давлением голода продали святыни - разрешили аренду земли и наёмный труд.

Уже на следующий год заброшенные было земли пошли в активный хозяйственный оборот частного предпринимателя. По большевистской терминологии - кулака. В 1925 году условия аренды и частного найма значительно упростили. Деревня задышала. Опухший от голода и безделья сельский революционный сухостой нашел себя полезным в батрачестве, ел честный трудовой кусок и вряд ли догадывался, что власть готовит ему новую историческую миссию.

Голод в России особенно неприятен потому, что наступает как-то скоро. Даже тогда, когда его вроде бы ждёшь. В этом смысле вторая советская голодуха показательна. Ещё в Рождество двадцать девятого ели до упора, в феврале тридцатого убойна шла вместо хлеба. Предчувствия дурные, правда, были. Докумен-

ты ОГПУ свидетельствуют - у всех! Откроем наугад папку со стуком, к примеру, железнодорожным.

“Смотрите, что делается в “свободной стране”, - неосторожно возмутился кондуктор станции Курган Алексейчук, по агентурному делу - Подстрекатель, - какое издевательство над народом, грабят, убивают. На будущий год не будет хлеба, потому что власть всех ограбила...”¹ “В политике я не смыслю, - откровенничала, гоня котяшечки счетов, бухгалтерша товарного двора, - но лично думаю, что Сталин псих”. Станционный врач Шагалова под впечатлением мук ссыльных, среди которых крутилась сутками, устало поведала молоденькой сестричке: “Всё, теперь пролетариат обречён на смертельную голодовку. Голодная смерть самая страшная, люди будут пухнуть и умирать. Надежды на колхозы нет, ибо там одни лентяи. В скором времени все колхозы развалятся, если не всех, то часть кулаков возвратят к месту прежнего жительства и разрешат им развивать хозяйство”.²

Эскулапу эскулапово. Складно же говорила про голодную смерть, нет, понесла несуразное про воскрешение кулачества. И теперь, спустя почти семьдесят лет, его по коду ДНК приходится культивировать.

Про врача не знаю, а вот начальник станции Козырево сменил форму на телогрейку зека. “Совсем с ума сошли, - хоть по пьяному делу, но было сказано, - ни одного доброго человека нет, обобрали и разорили всех, выбросили добрых людей из домов, скот заморили, людей мучают. Нет нам свободы, свобода только таким голодранцам, которые раньше под забором валялись.”³

У железнодорожников всегда стрелочник виноват, и у ОГПУ он на подозрении. “Порядка нет, - сокрушался почти про себя макушинский стрелочник, переключившая балансир, - придётся нам, как в древней Руси, поехать к варягам и сказать: земля наша велика и обильна, приходите и князьте нами”. Кому знать, что у его подслеповатого напарника был отменный слух. За контрреволюционный эпос автору цитаты сразу дано три года безусловно.⁴

На строгую социалистическую диету уральские горожане пересели в двадцать девятом, в едином строю со всем Союзом. С нормирования продуктов начинается всякий социализм. Это общество повального дефицита, завернутого в блестящий фантик плана. Вот и здесь введение карточной системы партийный пленум назвал “важнейшим условием улучшения снабжения рабочих”. На карточках, талонах и более интеллектуальных формах нормирования всего - от хлеба до мыла (внутрибригадные лотереи помните?) - Урал просидел большую часть своей социалистической истории. Привыкать, однако, и в тот раз было трудно. Долго снились гастрономические кошмары недавнего НЭПа. Ассортимент и цены дореволюционных лет плавали в памяти не пережитым фактом, а ослепительными пятнами иллюзий наркомкайфа.

Первыми заголодали северные провинциальные городки и деревня. Ареал сельской весенней голодухи определяли не погодные условия, положили зубы на полку районы, особо отличившиеся в зимних хлебозаготовках. Вчерашние передовики обивали пороги областных контор с единственной и невыполнимой просьбой. Ну кто же везет хлеб в деревню? - делали круглые глаза в области. Полугородская мешанская братия страдала по иной причине. Строжайший запрет на частную торговлю хлебом загнал в гроб внутривнутрирегиональный рынок. Напрасно каменных да железных дел мастера всматривались в горизонт, хлебные и мясные обозы стерлись с него навсегда. Лишь изредка голубые дали оживлял стон очередной партии спецпереселенцев.

Тридцатый год. Практически конфискованный уральский продукт поплыл за границу, поэтому местная распределительная инициатива вылилась в поиск “внутренних резервов” и выяснение исторического вопроса - кого стоит кормить. Выполняющим норму работникам самых важных предприятий положили по 850 граммов хлеба в день и полтора кило мяса в месяц. Обмануть родную власть было трудно, на заводах создали закрытые рабочие кооперативы, номенк-

латура питалась через спецраспределители. Власть же с точки зрения обязательств не ценила.

Драму зимних выселений бог компенсировал хорошим урожаем. Но, как у нас водится, не в коня овес. Чем выше урожай, тем меньше паёк. "Ход заготовок на Урале, - телеграфировал в ноябре месяце Микоян, - дает возможность, если не ослаблять хода заготовок, перевыполнить годовой план на 8-9 миллионов пудов в порядке организации встречных планов в районах и колхозах. Прошу принять все меры к недопущению ослабления темпов заготовок".⁵

Указания Анастаса Ивановича выполнили. Колхозам вздёрнули планы. Хлеб, розданный колхозникам по натуроплате, заставили тут же вернуть, обвинив правления колхозов в буржуазном самовольстве. В газеты запустили жирную идеологическую утку о страстной тяге колхозников к встречным планам.

Паёк городской день ото дня тошал, одновременно деградируя в витаминах, жирах, углеводах и прочей кормовой химии. Иждивенческие четыреста граммов хлеба в сутки могли легко обратиться в эквивалентный вес солёных огурцов или квашеной капусты. Во всё то, что можно сорвать с зазевавшегося деревенского мужика во время облавы самозаготовок. Театрально пустую сентенцию о ценности бытия - "быть, или не быть - мы наполнили конкретным житейским содержанием - "что сёдня дают?"

"Разве это голод, - успокаивал моих земляков в тридцать первом опытный "двадцатипятидесятник" с Поволжья, - вы еще ребячьего мяса не ели". До настоящей голодухи Уралу предстояло процветать целых два года. "Отмечено массовое недовольство рабочих Петуховского механического завода (500 человек), - бьет тревогу сводка ОГПУ в Уралобком ВКП(б), - 30 человек рабочих этого завода заявили об увольнении с работы. Действия этих рабочих поддерживаются другими рабочими в количестве 150 человек. В литейном цехе рабочие от жары и истощения падают во время работы".⁶

Из деловой партийной макулатуры тех дней, большая часть которой представлена слезными прось-

бами подать на пропитание и изощренными отказами в том, вытяну ещё один документ, освещающий будни уральской столицы. "В Свердловске на 42 постройке "Уралжилстроя" 54 каменщика, не получая хлеба несколько дней, ушли со строительства. На постройке сезонных бараков "Жилстроя" 27 и 28 мая хлеб совершенно не выдавался, на почве чего 800 человек рабочих угрожают бросить работу".⁷

Сейчас, в момент подготовки данной главы, уральские земляки из высоких соображений государственной экономии месяцами не получают зарплату. Но молодым историкам остается только посочувствовать. Не законсервированные секретностью блестящие факты настоящего достанутся им не в первозданной чистоте, а густо засиженными мухами журналистского жанра.

В марте тридцать первого облисполком Урала принимает решение о полном учете городского населения с целью выдачи единых заборных книжек на продовольствие. Одновременно в Москву, тому же Микояну, направляется пулемётная очередь телеграмм-прошений. "Фактически отпущенный Наркомснабом фонд не покрывает на 19 тысяч тонн установленного контингента. Создаётся совершенно нетерпимое положение на заводах и стройках".⁸ В переводе на общедоступный язык это означает, что более 50 тысяч уральцев-горожан не должны есть в течение года.

И про бесхлебье "великих строек" тут не зря сказано. Дело в том, что в конце тридцатого Наркомснаб разработал списки городов и социальные категории для нормированного распределения продуктов. В первый список внесли крупные промышленные города. На Урале - Свердловск, Челябинск, Нижний Тагил, Надеждинск, Златоуст, Пермь (только Мотовилиха). Во втором эшелоне хлебной очереди стояли промышленные города поменьше. Замыкало очередь захолустье, выпавшее из планов индустриализации. Те Шадрински, Кунгуры и Троицки, которые привыкли жить божьей милостью.

Витрине социалистического мира - Москве и Ленинграду - установили особо льготный товарный режим. В силу удачного геополитического положения Уралу разрешили выделить четвертую категорию - для районов преимущественно туземного населения. Эти могли рассчитывать на помой да случайный кусок, пролетевший мимо четырех миллионов голодных ртов. Впрочем, туземцам нынешняя цивилизация опаснее голода, советская - вдвое.

Социальные категории формировали строго по классовому признаку. Самый высокий паек полагался индустриальным рабочим крупнейших предприятий и строок. Отнесенные ко второй категории работники небольших заводов имели укороченный паёк. В третью соцкатеорию высеивалась прочая советская публика, исключая деревенщину и классово подозрительных. На Урале под государственное обеспечение попало 2,3 миллиона человек. Из них полмиллиона рабочих первой категории, 240 тысяч - второй и полтора миллиона служащих и иждивенцев.⁹ Мимо кормовой ведомости, повторю, пролетели деревенские и лишенцы.

Примерно в ту же пору секретарь Уралобкома ВКП(б), анализируя централизованные наряды на продовольствие, уловил в них рост доли серого зернофуража, о чём, как бы наивно, испросил разъяснений. Хотя всем известно, что ржа пролетарского организма не берет, а наоборот, создает большее в сравнении с хлебом пшеничным ощущение сытости и продуктивной работы желудка. И то, что в ржаном хлебе воды намного больше, никому рассказывать не надо. Москва и секретарь пришли к единому решению, ежегодно дублируемые директивы предписывали отоваривать ржаниной карточки нижних категорий, а в городки, приближенные к деревне, завоз пшеничного хлеба запретить вовсе.

Два предголодных года прошли в судорогах, отличаясь от гололада классического лишь тем, что ужасающая нищета оставалась тут фоном принудиловки, тогда как в тридцать третьем всё свелось к борьбе за выживание. Арел условно сытых быстро таял. Пер-

выми отлетели от государственной кормухи слабые - иждивенцы третьей категории, в решающем году пятилетки паёк урезали до пронзительного стыда, а в завершающем тридцать втором сняли со снабжения совсем. Судьбу иждивенцев разделили провинциальные интеллигенты, и этим на прощание посоветовали бить челом в местные органы Советской власти.

Жалобы обречённых, снегом осыпавшиеся на все областные конторы и канцелярии московских вождей, сразу отправляли в мусор. Постановление ЦК ВКП(б) о работе с письмами трудящихся выйдет несколько позднее, достали, видимо, и их; при облсоветах создадут отделы жалоб, и те выдадут на-гора многотомье окаменевших слез.

Но история великодушно сохранила редкие, художественной ценности письма заголовавших первыми. Такие, как коллективное письмо пятерых детишек кыштымского учителя Семёна Кичина дедушке Калинину с приложением очаровательных рисунков от каждого из соавторов. Или изящного старославянского слога прошение в тот же адрес от дьякона Свято-Троицкой церкви (тоже Кыштым, в двух кварталах от многодетного учителя) с заманчивым предложением спасти душу всесоюзного старосты в обмен на заборную книжку. Интриговать не буду, Михаил Иванович состоял в убежденных атеистах и посему сентиментальной жалостью к детишкам не был ущемлён.¹⁰

Скинув с централизованного снабжения около миллиона человек, уральские власти от головной боли не избавились. Документальная сторона диагноза безупречна относительно юридических лиц. Телеграмма из Шадринска. Молния. Уралсовету и Уралобкому ВКП(б). Апрель 1931 года. "На складах нет муки. За вторую половину марта и апрель выдачи пайков нет. Срывается рабочее снабжение. Положение с мукой катастрофическое. Хлебозавод остановлен". "Хлеба нет, - это телеграфно из Кособродска, - все работы остановились. Рабочие расходятся".

"Положение с продовольствием в колхозах, - падает в ноги секретарь Бродоколмакского райкома, - катастрофическое. Из-за отсутствия хлеба срывается

сенокосение, прополка, вспашка пара, борьба с вредителями. В случае невысылки хлеба ставите в прямую угрозу срыва всех работ". Голод, колхозники бегут с полей - вот содержание сотен телеграмм в Уралобком из сельскохозяйственных районов.¹¹

Чёрт с ними, с колхозниками и интеллигентами. На их вопли можно просто не отвечать. И отмалчивались. В холодный пот вгоняли гиганты индустрии, закатывалась первая пятилетка, и за срыв планов могли сорвать голову. "Положение катастрофическое, - трафаретно сообщает телеграмма из легендарной Магнитки, - работы сорвались. Рабочие расходятся".

Более детальный письменный отчет констатирует массовые забастовки на стройке, недовольство плохим питанием и нечеловеческими условиями труда. "Бетонный завод №1 вместо 500 замесов дает 150-170. Люди устали и болеют. Не хватает даже лаптей. Земляные работы зимой проводятся вручную кирками и клиньями, причем на 15 рабочих приходится только один клин".¹²

"Заставьте дать хлеб на сплав, - взывают с лесозаготовок сначала к тресту "Ураллес", - вода уйдёт и лес останется. На наши телеграммы молчат. Преступление делаем перед партией остановкой экспортного леса". Трест ни гу-гу. "В"Ураллесе" есть вредители, - телеграфирует через неделю, теперь в Уралобком ВКП(б), проситель и, поднявшись с колен, заканчивает, - ответа не будет - телеграфирую выше!"¹³

Чего выть на луну? Замолчали все, ибо делить было нечего. Онемела красно-престольная. "Недообеспечение городов и поселков Урала поставками Наркомснаба, - жаловался Микояну председатель Уралсовета Ошвинцев, - достигает 60-20%. В итоге систематическое недообеспечение хлебом целых регионов. Сокращается снабжение рабочего населения Урала и фабрично-заводской продукцией. Просьба улучшить снабжение Урала".¹⁴

В наркоматах печальные депеши с мест использовали утилитарно. Москва слезам не верит, а любит тех, кто голодает втихаря. Уральскому руководству сей изм дался не сразу. Очередным дуэтом жалоб

(Уралобком - Уралсовет) столицу все-таки достали. Чтобы не мучила изжога и не нылось, Уралу предписали в месячный срок отгрузить на Дальний Восток пять тысяч тонн ржи. Дело было в ноябре тридцать второго, жизнь стоила меньше горсти зерна, а до голода настоящего оставалось дотянуть ещё четыре недели.

Тем временем, напомним, грунтовыми и железнодорожными венами из региона высасывались последние жизненные силы, хлебозаготовки кипели под лозунгом: "Сдавай всё, а то будет как на Северном Кавказе!" Местная власть кланчила не дать, она кланчила оставить малую часть вывозимого за границу хлеба. За три предшествующих голодных года страна экспортировала его в Европу 12 миллионов тонн.

Вторая советская голодуха началась довольно обычно - с пленума ЦК ВКП(б), который вошел в партию под титулом "январский". За ним последовал первый всесоюзный съезд колхозников-ударников. Всеобщее уныние отменили, и эмоциональный тонус общественной жизни подскочил до нервного приступа. Газеты, вчера ещё давившие как клопов саботажников и хищников, пошли радужными пятнами восторга.

На пленуме было отмечено, что, как и завещал нам великий Ленин, деревня провалилась в социализм. Производство по всем товарным группам сократилось в раз, раз и раза. Можно бы привести статистические данные, но я не верю ни одной официально опубликованной советской цифре. По данным статсборника тех лет, взятым напрокат современными академическими изданиями, поголовье скота, к примеру, за первую пятилетку сократилось всего в полтора раза. Фальшь это неблагонамеренная. Достаточно легкого знакомства с низовыми хозяйственными документами начала тридцатых, чтобы это понять.

С двадцать восьмого вся сельхозотчетность дала течь, а в тридцатом и вовсе пошла ко дну. Государство интересовало лишь одно - масса содранных с деревни продукта и денежных средств, каковая определялась не культурным налогом, а репрессиями. Что говорить про Союз и области, рай-

оны совершенно не знали наличного поголовья скота! Массовый падёж и замаскированный под него забой ничьей колхозной скотины делали всякую отчётность и условной, и изысканно фальшивой. Дабы не подставлять шею под топор за бесхозяйственность, вошло в моду принудительно переписывать частный скот в колхоз. Коровушка жила и питалась дома, но статистически пребывала о двух головах - колхозной и единоличной.

Противоречие материализовалось в конфуз весной тридцать третьего, когда четыреста тысяч уральских коров мобилизовали на посевную. На поля удалось выгнать лишь (поверим на слово секретарю Уралобкома ВКП(б) Кабакову) сто шестьдесят тысяч. У многих районов занаряженного скота не оказалось. Нет, отчетно он имел место быть. Но не заведёшь же в ярмо статистическую тень коровы, которая уже боронит.

Статистическое шулерство сопутствует хозяйственному бардаку. В великий пост зрелого социализма, когда праздником семьи являлся добытый по талонам и в драку кусок варёной колбасы, отчетно мы обжигались, как в купеческом клубе. Валовый выход скромного рассчитывался по методике привесов, освоенной самым неударённым скотником - взвешиванием опоенной, как верблюдов, скотины. Потом скотина ссала, потела, к весне тощала на тухлом силосе до арматуры; статотчётный же пузырь благополучия утешал тех, кто верил больше центральным газетам, чем собственному брюху.

Тому партийному пленуму человечество обязано изобретением политотделов. Констатировав успехи исторического масштаба: все стало нашим, деревня получила колхоз, а почти каждая деревенская баба по колхознику в дом, - партийцы сошлись в едином тактическом мнении, что колхозники мало работают и много жрут. Нуждаются, короче, в мерах активного воспитательного воздействия. С этой целью при МТС создали спецорганы с неограниченными педагогическими средствами - политотделы. Им поручили руководить партийно-комсомольскими ячейками подопечных колхозов и отвечать за выполнение хозяйствен-

ных планов. Политотделы грубо вмешивались во все колхозные дела и были по сути деревенским вариантом ЧК.

Начальник политотдела назначался ЦК партии, одновременно являлся заместителем директора МТС, имел личное оружие и право расправы. Местным райкомам он не подчинялся, отчего полуторогодовая история политотделов вылилась в собачью склоку с райкомовской братией. В штат политотдела входили ещё два заместителя по работе с партийной и комсомольской клиентурой, женорг и редактор многотиражки. Трое из них в любой комбинации могли при надобности стать политотдельским судом.

Помимо заготовок в задачу политотделов входило искусственное культивирование коммунизма в деревне. Земляки натерпелись к тому времени всего, однако инициаторами массовых карательных действий почти всегда были люди пришлые, уполномоченные на то районной или областной властью. Местные активисты до глобальных задач не вышли рылом, посему поступали инстинктивно, ради лёгкого куска хлеба и дешёвого гонора. Истинные партийцы, способные озлобляться на почве мыслительной диалектики, попадались редко.

Патриархальное деревенское воззрение, осторожное и жалостливое, противилось колючим догмам новой религии. Сельская партийная прослойка, если таковая и была, исчерпывалась одним-двумя приبلудными элементами, сбежавшими из городских беспайковых контор на корм подножный.

"В какой партии состоите? - В партии политиков. Какую работу ведёшь с колхозниками? - Когда начнёшь говорить с колхозниками, дак они говорят - ты лучше молчи. Партучёбой занимаешься? - Нет, потому что огня никогда нет. Что ты делал во время уборочной кампании в бригаде? - Ничего не делал. Что ты делаешь на ферме? - Ничего не делаю, сколько ни говорю - меня никто не слушает".¹⁵

Легендарным типажам соцреализма и коллективизации так говорить не пристало, приведены дословные показания типичного, но реального лица. Чаусова

Якова, коммуниста-колхозника артели имени Сталина Бродоколмакского района. Секретаря-оди-ночки эпохи социалистического палеолита. Может, на Дону была другая советская власть, из многих сотен дел по поголовной чистке 1933-1934 годов на Урале (о ней разговор в главе о массовом вредительстве) я взял средне-серенький факт, но не нашел ничего хотя бы контурно героического. Если, разумеется, не подкладывать под героизм самодурство властью облечённых или отчаяние обречённых.

“...Антонов (секретарь ячейки) пытался вначале изнасиловать Голикову (член бюро ячейки) на глазах её сестры Горбуновой, а потом пытался изнасиловать Тихонову (кандидат в члены партии)... Пьяный ломился к колхознице Чернышовой Дарье и Темниковой Дарье...”

Дело происходило в Чесменском сельсовете Троицкого района, где коллективные пьянки и дебоши деревенского триумвирата - секретаря партячейки (Антонов), председателя совета (Шатров) и председателя колхоза (Иванников) вкупе с рядовыми партии и сочувствующими криминально оживили застывшее в голоде село. Было разобрано на дрова и пропито 50 домов выселенных, после раскулачки дров в зиму не заготовляли, тащили со складов реализуемое и внутрь потребляемое, списывали с колхозников до половины трудодней. В ответ на возмущение коммунаров председатель “Красного партизана” говорил: “Привыкли траву жрать, жрите и дальше!”¹⁶

Событий глухой и славозвучной веши хватило бы на полносюжетный исторический роман. С глубоким жизнеутверждающим финалом, ибо тот же председатель, отвечая на вопрос партследователя: “Почему ВКП(б) является вождем всех угнетённых пролетариев-трудящихся?”, - оказался идейно непорочным: “Она опора рабочего класса по освобождению своих подчинённых!” А на выходе из чистилища пообещал сделать колхоз большевистским, колхозников зажиточными и в ближайшее же время перестроиться.

Тут неграмотному Нагульнову, по-уральски говоря, делать вообще не хер. Лихой вышел бы роман.

Правда, одухотворить тугой переплёт жестокости, блядства и казнокрадства до поучительных образов соцреализма под силу только очень талантливому человеку. Здесь Уралу, увы, не выпало.

Уж так ли всё плохо было в тех тридцатых? - вправе усомниться читатель. Конечно, нет. Была у каждого жизнь, подаренная богом для счастья. Документы безучастно фиксируют и судьбы тех, память о которых теплит сердце искренней жалостью. Колхоз “Октябрь” опять Бродоколмакского района, скотница и случаем член партии Бабыкина Хеврония.

“Детей пять человек, - взято из ответа партследователю, - самому большому тринадцать лет, самому малому полтора годика. Не могу их обеспечить, паёк дают по полфунта мякины... Живу одна, муж осуждён за то, что был животноводом и падал скот, дали десять лет, сидит в Димитрове”. Про партучёбу и кто такой был Карл Маркс, полувдову не спрашивали. Колхозники в голос показали, что баба почти круглые сутки вертится на работе, оставив детей на соседей. Да, о хорошем. У каждого на счастье свой аршин. Пятеро детей - не только забота, это и радость. Вытянула ли их Хеврония Васильевна? Впереди детей ждали две голодухи и война посередине.¹⁷

Правление колхоза наградило ударницу тремя метрами ситца. Из-за отсутствия мануфактуры на складе по причине недостачи у кладовщика Хевронию премировали пимами, содранными с колхозника, отказавшегося ехать на лесозаготовки.

Богатство сельских кадровых натур не познать, и прочитав всё многотомье личных дел. Партийная чистка 1933-1934 годов показала, что подавляющее их число совершенно не способно к выполнению главной партийной задачи - выколачиванию хлеба из мужика. Деревня после раскулачки оробела, колхоз заставил быть лодырем, не стыдно стало воровать. Но чтобы в открытую грабить односельчан во имя чужого кармана, до этого земляки не дошли. Надо было сделать деревню полностью советской. Политотдельцев обявили создать при каждом колхозе партийную и комсомольскую ячейку, или, на худой конец, внедрить в

жмотистую массу парторга-одиночку. Предстояла работа, сказал бы тот Ильич, что классик, архисложная. Искать светлый идеал в тёмной тюремной камере.

“Я обнаружил у конюха, - пишет о том миссионер из Ольховского района, - тринадцать фунтов подсыпки в теске, с чем он направлялся домой. Он немедленно снят с работы и отдан под суд... Нужны глаза, которые далеко видят. В Кызылбаевском сельсовете большая часть преступников. Когда я занялся подборкой беспартийного актива, то оказалось очень мало таких людей, которые не были бы под судом. Все подсудимые. Кто за кражу лошадей, за хищение колхозного имущества, за воровство хлеба, за убийство. В данное время заключено на десять лет 23 человека за воровство хлеба. Но это для остальных не служит примером”¹⁸.

Сорвемся теперь с высот политотдельских на стылый февральский навоз. После пленума и съезда ударников все сразу озаботились посевной. Контуры той кампании, самой, по моему мнению, колхозной в истории, двоились в любом трезвом уме - чем пахать землю и что в неё бросать. Засыпать семенные фонды по осени не дали. Власти готовы были живьём жарить всякого, покусившегося на заготовки, в которые, кстати, ушло более 60% урожая.

И местного мужика понять можно. В тридцатом за заботу о семенах он был зван буржуазным самодом, год спустя - оппортунистом, а теперь мог загреметь в хищницы с выталкивающим со света белого приговором. На трудодень в среднем по Уралу отвалили по 800 граммов того, что совестно назвать хлебом, абсолютно все колхозы задолжали по натуроплате МТС и государственным платежам. В зиму и то, что с грехом пополам отложили на весну, объели, как неогороженную копну.

Тот, кто засыпает семена в марте, должен молотить не снопы, а колхозника. И инструментом обладать соответствующим. Областной суд и прокуратура во исполнение директив трёх правозащитных союзных организаций (Наркомюста, Верховного Суда и Прокуратуры СССР) издадут свой приказ. “Для усиле-

ния работы органов юстиции по вопросам борьбы за сбор семян, ремонт тракторов и своевременную подготовку к весенней посевной кампании, - борьба вместо засыпки впечатляет больше, - командировать в районы судебные бригады...”¹⁹ Сельхозрайоны Урала разбили на три крупные угла и запустили в каждый по комплексной бригаде. Отсутствовал в них только палач в буквальном смысле слова. Руководили операцией три самых отпетых юриста, двое через четыре года получают расстрел, а третий успеет застрелиться до вызова на Лубянку.

Сеять надумали много, чтобы выйти к изобилию в обход колхозной бесхозяйственности. Значит, и семян требовалась прорва. Уральский план предусмотрел рост посевных площадей почти в полтора раза, на треть в сельхозрайонах плюс земли призаповедские и таёжные. Холодным душем пролились на колхозников и единоличников плановые клинья. Что они при этом молвили, никого не волновало. Единоверцам-то рот затыкали. “В Краснополяном районе, - ходовой документ эпохи, - некоторые низовые партработники возражали против немыслимого увеличения посевных площадей. Но проходивший в это время пленум райкома, разбив пораженческие настроения, вынес своё решение...”²⁰

Пораженцев повылазило - ну в каждом районе! Низовому парткадру повсеместно приказали поднять массы в поход за пшеницу (буде рожь - тоже брать!), пусть массы попутно изучают как травить проклятую кобылку и до распутицы вывозят на поля удобрение. Сказано - сделано. В кружки агроминимума записали всех не глухих, до каждого двора по всем полезным компонентам - навозу, птичьему помёту и золе - довели обязательные задания.

Обмшелым камнем лежит на дне отечественной истории самородок первой советской целины. Все высокие слова и память достались той кампании начала пятидесятых, что разворотила тёплые казахстанские степи. Какой разговор, трудно было, но потом боль мышц сменилась душевной золотухой брежневской “Целины”. В натуре, что за легенда под

треск ДТ или НАТИка? Скука, круиз с женой по ленинским местам. Если бы бабам вручную корчевать пни, да потом боронить по хрустящим апрельским лужам, да под храп усталых туберкулёзных коров, - это была бы легенда. Она была за двадцать лет до целины всеизвестной.

“Наркомснаб утвердил план снабжения мукой на февраль 1933 года, - обращается Уралобком ВКП(б) к зампреду СТО Куйбышеву, - 35 800 тонн, в том числе 1 800 тонн для спецпереселенцев. Последующими указаниями поставки снижены, а обеспечение спецпереселенцев не предусмотрено...”²¹ Два с половиной килограмма на человека в месяц - слабая надежда на то, чтобы душа не отлетела от тела. Столица отобрала и надежды.

Справедливо полагая, что вымрут не все, было решено перевести ссылку на самообеспечение. С этой целью - мы рождены, чтоб сказку сделать былью! - весной тридцать третьего запланировали широко развернуть производство зерновых там, где даже господь такого не полагал. В местах таёжных. Чутошный слой подзола вкупе с суровым климатом уравнивался богатым, вроде бы, славянским опытом подсечного земледелия - выжили ведь! Решающим стал довод классовый - кулак он и здесь, стервец, обростёт.

Ссылные тропы потеряли прежний рисунок. Сквозные партийные директивы призвали “пересмотреть расположение вновь завозимых спецпереселенцев, исходя из интересов сельхозпроизводства с тем, чтобы уменьшить долю их для Казахстана и увеличить долю для Севера, концентрируя их на Северном Урале не только по Тоболу и Оби, но и по Каме, и в районах между этими реками”. По черновым расчетам, каторжный яровой клин уложился между 58 и 61 параллелями северной широты.²² С планированием тундровой озими дело отложили до осени. Комендатуры ссылки и лесотресты получили план сева в разрезе площадей и культур.

Воспроизводить единоличника в ссылке было бы глупо. Социализм по-чёрному оформился в неуставные артели. Тот же материковый колхоз, но безо вся-

ких демократических декораций. Колхоз в чём мать родила. Коллективизация бывших кулаков прошла без осложнений. Основной трудовой кадр как валил лес, так и продолжал валить, на поля он выходил в летнее межсезонье. При комендатурах посёлков создали подсобные хозяйства, использующие маломощный иждивенческий корпус. Ползала, к примеру, пожилая женщина в тайгу за грибами. Ползай, милая, дальше и чаще, но по плану и в общий котёл. Социализм, мамаша, это прежде всего учёт! Тыкала ребятня картошку по тайным пустошкам, пусть теперь садит легально по госплану посева и заготовок.

Ещё раз назову решение о самообеспечении ссылкой смешным, но не трагикомическим. Сработал-таки классовый довод! Переселенцы своё отголодали страшнее условно свободных, но выбрались из нужды намного быстрее. Войну прожили жутко. После неё, когда получили вольную и потянулись на юг, на сто процентно колхозной деревне встретили такую голодуху, словно вернулись на пятнадцать лет назад. Седые нестарухи плакали от жалости к изуродованной малой родине и нищете тех, что помнится, кричали им в лицо злые слова и несли чужую чушь о светлом будущем.

Третье направление посевного фронта в том году развернуть не удалось. Долго думали, стоит ли искушать класс-гегемон частным интересом. А враз да переродится. В Свердловске со дня на день ждали московских хлебов, провинция уповала на область. Летом, однако, пригородные и придорожные пустоши зазеленели лоскутами самодеятельных посадок. Нелегальная картошка горожан зацвела вдоль и поперёк Союза. Так бы со всеми проблемами, подумали вожди и, пропустив вперёд директиву про обязательные госпоставки овощей по всем хозяйствам, издали уже в декабре месяце разрешающее постановление.

“Идя навстречу пожеланиям рабочих, - говорится в нём, - обзавестись небольшими огородами для работы на них собственным трудом в свободное от производства время...” Идеологически документ безупречен до последней точки. С пяти соток много вероятнее

нажить грыжу, чем захворать капитализмом. Пролетариату выделялось полтора миллиона участков. Урал авторитетом края опорного и голодного выпросил 250 тысяч.²³

После озадачивания уполномоченные по семенам вылетели к местам промысла, не успев погладить галифе. Над уральской деревней заклубилась пыль очередного шмона. Пятидневные информации ОГПУ отстукивали предельный пульс кампании. Познакомимся с засекреченной сутью одной из них.

“Москва. ОГПУ. Ягоде. Прокофьеву. 5 марта 1933 года. ...Областной план засыпки семян по состоянию на 3 марта выполнен на 50%. Ишимский и Троицкий районы заявляют об отсутствии семян. Продолжаем вскрывать факты хищений и укрытия хлеба. За последнюю пятидневку по четырём районам найдено индивидуально похищенного хлеба 2 500 пудов, скрыто в колхозах пяти районов 12 800 пудов... По всем фактам виновные привлечены к ответственности...” Информационную сводку подписал начальник ПП ОГПУ на Урале Раппопорт.²⁴

Я продолжаю утверждать, что материалы ОГПУ являются наиболее достоверным источником экономической информации. Тогда откуда же сотни тысяч пудов (если подсчитать по всем пятидневкам марта-апреля месяца) уворованного индивидуально хлеба? Где же суды со страшным указом “семь восьмых”? “Соображать надо! - было сказано юристам народным. Гепеушники держались в манерах блатного перед младшим, впервые и неудачно укравшим братом, - “Колосочки-горсточки!”

Тут и в самом деле надо снять шляпу и внять. По директивам, регулирующим распределение урожая, засыпка семян предшествует натуроплате по трудодням. При этом не имеет значения то, когда директива писана. Категорический императив социализма - колхозник должен есть последним. Прибывая к месту засыпки, опергруппа ГПУ интересовалась в первую очередь наличием семенного фонда. Таковых у большинства колхозов не было.

При подобном раскладе событий всё имеющееся у колхозников зерно легко квалифицировалось как похищенное, а владелец становился хищенцем. Злостным хищенцем, если успел съесть большую часть полученного.

Практически весь наличный хлеб подлежал конфискации. Но кометного шлейфа жутких приговоров по дедушкиному указу за удаляющимся обозом не виделось. Явной подсудной вины колхозника в “досрочном” получении хлеба не было. А для руководителя, нарушившего закон, дедушкин указ не по чину. Вредитель шел по статье 58 УК.

Во что обошлась выброска семян рядовой деревенщине? “12 марта в 4 часа утра явились к колхознице Сухоголовой (слепая). Зайдя в дом, члены бригады закричали: “Чего долго дрыхнешь? Одевайся, ты направлена на лесозаготовки!” При обыске всё съестное в доме было взято, после чего “стали издеваться над хозяйкой, пускали дым в глаза, подносили горящую папиросу и тыкали пальцем в глаза, смеясь: “А она ведь мигает!” Так издевались до двух часов дня”.²⁵ Ужас погромов тридцатого вернулся на деревенские улицы. Ночные повальные обыски снова вошли в моду, за три года жизнь научила и колхозника прятать кусок, припасённый даже на утро.

О каких моральных нормах толковать, когда голодный грабит голодного посереде ночи? Всё удобное на месте изымалось с большим усердием, чем государственно полезный продукт. Беспощадно отбирались даже пищевые суррогаты.

Если жива душа, представьте состояние многолетней крестьянской матери в тот момент, когда налётки раздражённо рассыпали по полу последние фунты травяной муки, намятой во спасение от голода самими ребятишками. После обыска бабы порой лезли в петлю. О том, почему в доме не было мужиков, разговор в главах последующих.

На угрозу немедленного ареста и ссылки с конфискации был уполномочен каждый врывающийся в чужой дом. От себя добавляли обещание поставить к стенке. Райкомы и райисполкомы щекотали нервы

директивными шедеврами. Саботажников семфронта кое-где вычищали из колхоза без возвращения имущества и скота, в других углах распускали колхозы совсем, но много чаще раскулачивали (колхозников!) и распродала имущество в погашение задолженности по семенам. Вот ещё одна находочка, в этот раз от родной пролетарской власти.

“Принимая во внимание наличие противодействия против мероприятий Партии и Правительства, выразившееся в категорическом отказе от засыпки семматериала и агитации среди отсталой части населения колхозников и единоличников против засыпки семян..., лишить земельных приусадебных угодий”.²⁶ Под многоточием разумеется список крестьян Петуховского района, у которых по завалинку обрезали огороды.

У каждого погромщика, выступал ли он пьяной рожей деревенского активиста или в качестве трезвого юридического лица, имелось документально оформленное право на производ, выданное той же народной властью. Да, имеется в виду подворный обязательный план выброски семян. До его выполнения любая подлость в отношении хозяина не мутила советской совести. Чуть позднее контрольная комиссия ВКП(б) по Уралу признает - “в целом ряде районов при даче заданий по самообязательствам колхозников в семенной фонд допущены левацкого порядка перегибы, заключающиеся в том, что размер обязательств был во многих колхозах выше, чем колхозники получили из урожая 1932 года по заработанным трудодням”.²⁷

Вас не умиляет “дача заданий по самообязательствам”? Ничего, это вещь очень тонкого вкуса. Комиссия рекомендует вернуть партбилеты тем коммунистам, которые лишились их за срыв семенной кампании. Документ высшей секретности, в противном случае справедливости требуют искренне пострадавшие.

Что такое социализм в деревне? - часто спрашивали школьников тридцатых. Колхоз плюс трактор! - бойко отвечали пять из пяти. Возмужав от бесхлебья и безденежья, они придут к уравнению антисоветскому - колхоз минус МТС. Колхозов к интересующему нас

моменту было уже много. Появились тракторы, даже отечественные, однако не в той пропорции, с которой вымирала лошадь. Поэтому с каждой полевой кампанией деревня проваливалась в неожиданную щель между постылым прошлым и механизированным раем будущего.

Перед посевной секретарь Уралобкома ВКП(б) обратился к Сталину. “При наличии благоприятных условий в 1932 году сев продолжался с 25 апреля по 20 июня. Он тем более может затянуться в 1933 году, если не будет пополнен тягловой силой... Уралобком просит отпустить к весне 1933 года дополнительно 2 548 тракторов”. Подчеркну - дополнительно, в связи с расширением посева. В письме Сталину от 7 декабря 1932 года Кабаков, ссылаясь на то, что нагрузка на лошадь составила 20-25 гектаров, а сельское хозяйство Урала самое маломеханизированное в стране, попросил 8 тысяч тракторов.²⁸

Тонкие цифры конечной заявки создают впечатление тщательного расчёта. Прикинем и мы. По принятой тогда пропорции пересчёта тракторной тяги в лошадиную (1:15) выходило, что у вождя просится эквивалент 150 тысяч лошадей. Как раз того табуна, что издох на лесозаготовках и в колхозах.

Будь Урал печальным исключением в Стране Советов, секретаря бы посадили, а тракторы дали. Нет, нас держали не в передовиках, но в надежных. На Украине, Северном Кавказе, в Казахстане было не лучше. Короткие отношения с вождем не помогли, а может, последний понял, что к чему. Развернутых тракторных колонн, присно памятных по кинематографу художественному и документальному, уральцы не дождалась. Вместо них на исторический горизонт по всей картушке компаса выползли супруги тощей коровы и унылой бабы.

Наркомземовские бумаги, перепевая директивы партийные и советские, приказывали выгнать на посевную всё наличное коровье поголовье. В бой пошёл последний ресурс социализма. Колхозным бурёнкам по высокому статусу обобществлённой особи надлежало быть авангардом, частные коровы колхозников и

единоличников попали под мобилизацию. Я не творю макрополитической истории, моё дело - не высохшие лавровые венки вчерашних кумиров, а идущая кубометрами серая житейская труха, потому вполне довольствуюсь скромным букетом дуростоя провинциального.

“С 10 мая привлечь к посевным работам весь рогатый скот, находящийся в единоличном пользовании и у колхозников... Имея ввиду, что ещё значительная часть коммунистов и комсомольцев не обучила своих коров, чем помогают кулацким саботажникам сева, райком ВКП(б) постановил: к невыполняющим настоящего постановления принимать меры колхозного воздействия согласно колхозного устава, а кулацких дезорганизаторов предавать суду”²⁹.

Это продукт двойной руководящей тяги Петуховского райкома и райисполкома. Если нежный аромат отдельного факта не даёт ощущения истории, можно сложить десятки подобных директив всех местных учреждений, имеющих право помыкать чужой коровой и бабой (в архивах они сохранились), умножить на сотню сельских районов Большого Урала и приплюсовать директивы областные. Получим шлакоблок концентрированной листовой дури, способной воспроизвести кайф раннего социализма.

Общие масштабы уральской скотомобилизации подсчитать нетрудно. Помните про клянчимые у вождя тракторы и 150 тысяч лошадей, павших в завершающий год первой пятилетки? Вот и хорошо. Теперь умножим этих покойников на четыре. Согласно методике перерасчёта лошадиной тяги в коровью, утверждённой Наркомземом. Получилось 600 тысяч коров! Эта цифра и была первоначально размазана по районным разнарядкам.

Колхозную скотину вдели в ярмо сразу по получении директив. Коровы то изумлённо глазели в неожившую жёлтую степь, то инстинктивно дёргались к клочкам прошлогодней вымороженной травы. Под провисшей на холках шкурой четверти лошадиной мощи не угадывалось. Частный скот выглядел справнее, но мороки хватили с ним досыта.

Упирающихся колхозников сломали об устав. Мало сказать, что коммунар, которому своя скотина ближе социализма, есть нарушитель устава, он кулацкий саботажник. Сей блестящий силлогизм я уворовал из памятки, вручаемой каждому выезжающему на скотомобилизацию. Саботажников следовало отдавать в руки правосудия. Суд не суд, но на испуг не худо проверить каждого. Тех, кто не струсил, из колхоза вышибали, а скотину переписывали в неделимые фонды.

Впоследствии власти легко посетовали на перегибы, но коров никому не вернули. Процессуально точнее так, если грабёж был замечен издала и претензии потерпевшего надлежаще оформлены, или его жалоба вернулась из московских канцелярий с предписанием ублажить истца, следовало вернуть стоимость отнятого. При наличии у колхоза свободных денег.

Последнее обстоятельство придавало справедливости анекдотический смысл. Чаще саботажника опять принимали в колхоз безо всяких с его стороны материальных претензий. На единоличника никаких послаблений не проливалось. В случае отказа от гужовинности он попадал в саботажники полноценные.

Нет худа без добра. Вместе с частной скотиной на поля, чего никак не ожидали пролетарские власти, вышла вся бабья рать, включая бабёе единоличное. Ну какая хозяйка отдаст свою кормилицу в похабные колхозные рученьки? Деревенский житель знает, что весна - время растёла, что ставить в ярмо сырую или стельную корову бесчеловечно. Отчёты с мест стали похожими на зооветеринарные анализы.

“По колхозу “Новая жизнь” Степновского сельсовета, - доносит уполномоченный Куртамышского райкома, - до сих пор коровы единоличного сектора не используются. Причина в следующем. Есть корова у председателя сельсовета, он бывший председатель колхоза, его корова не работает в поле. Против работы коровы он говорит, что корова стельная и начинает выменеть. На самом деле корова не выменует, потому

что пустая. Это подтверждают ряд колхозников и единоличников.

У секретаря сельсовета Силина корова также не работает в поле, а сельсовет и в ус не дует по последней мобилизации, считая авторитет секретаря выше всей посевной кампании в колхозе".³⁰

Ссылки на стельность коров приказали считать оппортунистическими уловками. Уполномоченных, с другой стороны, научили визуально, осмотром подхвостки, определять состояние животного. Надобность в мужицких консилиумах отпала, теперь посланец партии мог, заглянув куда надо, принять объективное и принципиальное решение.

"В Зауралье ещё слабо дело с дисциплиной в колхозах, - писал Сталину и Кагановичу секретарь Уралобкома партии, - с поголовным вовлечением в производственную работу колхозного актива. Производим сильный нажим... Проводим жёсткую линию по привлечению коров, привлекаем колхозниц к работе на своих коровах... По Зауралью выведено на посевную 120 тысяч коров".³¹

Саботажникам наступили на хвост. Директивой наркома земледелия было предписано: "1. Мобилизовать всех работников против снижения темпов сева. При всех условиях пахать и даже сеять вручную. 2. Заставить райкомы отчитаться в репрессиях против лодырей. 3. Отобратить подписки от председателей колхозов, а последним от бригадиров, в том, что полную норму они будут выдавать тем, кто выполняет полностью норму работы, полноремы - за полноремы работы и не выдавать ничего тем, кто выполняет меньше полноремы".³²

Партийные и комсомольские уполномоченные, гепеушники и судебнo-прокурорские каратели, сельсоветчики и временщики-председатели привычной всеношной пыткой давили хозяина. Обещали немедленно отправить в тюрьму и впридачу разорить дотла, если к утру не выведет корову на боронование. Председатель Уралоблсуда Чудновский в тридцать седьмом, за две недели до расстрела, скажет, что в

Ишимском районе он выгнал на поля две тысячи коров, которые после работы доились кровью.

Уполномоченный по соседнему Мокроусовскому району Крупинин двоюродную колхозную скотину тоже не жалел, но предпочитал больше измываться над её хозяевами и ленивыми местными партайгеноссе. Вроде большевик, а расправу с подхода чинил в манерах Петра Великого - сермяжных тряс за бороды, людям должностным - драл уши. После чего по-советски сдавал их в райГПУ. За первый месяц сева он намолотил 98 уголовных дел, отправив за решётку 108 человек.³³ Жалобы битых им сельсоветчиков и повернувшихся под кулак отмечают, кадровый работник матом мог сбить с ног жеребца, а рукоприкладствовал до лютоcти.

С подачи податливых агрономов-марксистов сев был объявлен сверххранним, что обещало невиданные при капитализме урожаи. Давя копытами утренний апрельский ледок, лошади скоблили подтаявшую грязь полей, после чего на сверххраннюю пашню выползали коровы. Картина, если отвлечься от географических широт и температур, напоминала фрески о хозяйственном быте времен Рамзеса Второго. С той лишь уничижающей отечество разницей, что парокорью борону следовало не только сопровождать, но и тянуть.

Тому причиной цепь историко-анекдотических событий. Лошадь очень умное животное. Русская кобыла, к примеру, и борозду держит, и дорогу домой по глухой ночи найдёт. Лошадь казахской национальности вообще универсальна: хоть над ковылём лететь, хоть дойти. Корова же умом слаба от природы, при попытке научить её чему-нибудь путному христиански терпит побои с матом, однако интеллекта не морщит. Развернутая тогда кампания срочного коровьего всеобуча биологии не отменила. Грызло Марте в пасть не оставишь.

Самые сметливые из коммунаров, отметив внешнее сходство коровьего хребта с рулевой тягой первых "Универсалов", когда та идёт по капоту, намерились было придавать тяглу нужный вектор движения скру-

чиванием хвоста в ту или иную сторону. Тягло не вяло. После обязательных краткосрочных курсов редкая особь могла тянуть борону самостоятельно - на пару со своей хозяйкой. Неволя заставила менять технологию, одна баба супряжь тянула, другая погоняла. И впрягать, в целях экономии баб, стали по две коровы, установив для агрегата, естественно, двойную норму.

Счетверённый агрегат исторически себя не оправдал. Математических выкладок дать не смогу, но косвенными доказательствами мысль подопрю основательно. В реестре ударниц тридцать третьего, к этому мы подберёмся позднее с другой стороны, много колхозниц, боронивших в одну коровью силу. И совсем нет ударниц среди работавших в супряге. Да и всеуральский рекорд о чём-то говорит. Он установлен бригадой из 8 делегатов в артели "Смерть Капиталу" Варненского района. На собственных коровах они боронили по полтора гектара в день.³⁴

Спустя четыре года использование коров на посевной найдут злостным вредительством. Обвинение в высоком юридическом смысле тогда чего-нибудь стоит, когда опирается на безупречную логику криминальных фактов. А факты, вскрытые летом тридцать седьмого, таковы. У двух коров восемь ног, у двух баб ещё четыре. Итого двенадцать ног. А у бороны, таскаемой этим агрегатом, всего девять зубьев! Выходило, что топтали больше, чем боронили. К тому же коровы и бабы часто валялись с ног от усталости. Изошрённое вредительство поставили в заслугу германо-японской разведке и в вину её многочисленным местным агентам.

В тридцать третьем ног не считали. Тут больше светило сесть за неиспользование живого тягла. Били некоторых. А как же? Почему в Ишимском районе под ярмом ходили даже глупые тёлки, а в Троицком, к примеру, - из четырёх тысяч пожилых коров боронили только шестьсот?

Сев из сверххранних как-то незаметно перешёл в сверхпоздний. Первых авангардных коровёнок, избитых и обессилевших, вывели с полос под слёзы жалости. В глазах скотины висел туман, раньше бы

сказали, что она впала в охоту, теперь они туманились от неохоты жить. Сострадание мерцало даже в местных деловых бумагах. Хамство же! Колхозник, привязав полуживую корову к телеге за рога, тянет её в село волоком на боку.

Хилым душой деревенским большевикам раскиснуть не дали. "Колхозы, окончившие сев, несмотря на категорическое запрещение, всё же продолжают устраивать после сева отдых лошадям, тракторам, коровам. Этими вредными оппортунистическими настроениями в первую очередь заражены сами руководители колхозов, сельсоветов, работники МТС и отдельные районные работники... Немедленно переключить всех освободившихся коров, лошадей и тракторы на борьбу за большевистские темпы подъёма зяби".³⁵

Людское тягло жалели и того меньше. Колхозной бабе - самому живучему из существ - единственно опасны внешние соболезнования. Взглянув на себя со стороны, она может разреветься или закатить истерику. Потому нужны ей не мировоззрения, а сплошная работа. Партийцам расписывать похабные детали бабьегона (днём под ярмом, а ночью под уполномоченным!) было не с руки, за героизм всё равно не примут.

От великого до смешного один шаг. Сказал бы кто-нибудь гениальный, сколько шагать назад - от смешного до великого. От юмора, к примеру, такого. Баба с лошадей, обе мобилизованные, ходят в плуге и одновременно по восьмому месяцу беременности. Как, допустим, в колхозе "Красный Север" Кишертского района. На том "Севере" кобыла не выдержала и ожеребилась досрочно, прямо в борозде. А бабе хоть бы хны, опросталась в срок. Какими огородами бежать отсель до светлого будущего?³⁶

"Переключить бороньбу с коров на женщин!" - заперстрело в директивах районов, где сев стал совсем поздним. Перестроились круто. Ярмо заменили удобными сыромятными ремнями. По мощице в переполде на мягкую пахоту, баба шла за полскотины или осьмушку лошади. Так как в одиночку борону не уво-

лочь и мужику, бороили агрегатом в четыре души. Дневная норма выползала за гектар. Тем, кого минула участь сия, или кто слаб в кривой геометрии, объясню в примитиве. За трудодень надо было пробежать под бороной каких-нибудь 12 километров. Где-то так, за основу я взял расценки серенького Куединского района.

Сверху использование женщин в качестве тягла запретили. Но в тридцать четвертом коров стало меньше, на дикость стали смотреть сквозь пальцы и требовали лишь одного, чтобы лямку тянули бабы социально чуждые. Таковые сразу оказались в дефиците, поэтому по требованию колхозной общественности в ярмо пошли колхозницы, вошедшие в артель без скота. Инициативу в райкомах не поддержали, объяснив бестолковым, что по марксизму-ленинизму чем человек беднее, тем он прогрессивнее. Чистый пролетариат, мол, начинаете эксплуатировать!

Слезу вышибает кадр послевоенной хроники, где ребенок идёт за бороной, которую волокут женщины. Слезу искреннюю. Баб, боронивших задолго до войны, в кино не снимали. В самом деле, чего тут реветь? Беда от собственной дикости не беда, а всего лишь золотой исторический опыт.

Сеяли, когда осот был по колено, а пырей по пояс, - это видели многие колхозники Урала, но научились молчать. А Казанцев, думая, что так только в "Труженике" и Бродоколмакском районе, возьми да и брякни такое на собрании. Да с возмущением. Отвезли его, языкастого, в ГПУ и сразу дали пять лет за антисоветчину. К месту и коммунистом быть хорошо. Будь Казанцев хотя бы сочувствующим, трепался бы на чистке в порядке самокритики и задаром.

"На одну полосу сеяли пшеницу, всходов не оказалось, давай сеять просо. Когда сеяли, выборонили мешок пшеницы в борозде. Сеял вручную старик. Нашли его, сказал, что не сеял, а хотел съесть, но забыл, где спрятал..." С соседа-партийца, сказавшего такое, пока и волос не упал. Дедушка получил десятку за злокачественный склероз.³⁷

В большинстве уральских колхозов, это было государственным секретом, сеяли "пятирядкой", вручную. Так приказал нарком Яков Эпштейн. Приказал сердито, но не очень обдуманно. На местах живо сообразили, что значит отдавать мешок зерна голодному мужику, уходящему за горизонт. Тут ума вождя не надо, наверняка колхозник кинет горсть-другую себе в пасть. Ещё хуже - унесёт домой. Поэтому в севачей отбирали как на партийный съезд, в их среду дополнительно внедряли доверенных до способности донести. И всё-таки ошиблись. Колхозник оказался много хуже.

В сельскохозяйственной зоне Зауралья, сообщал в ЦК ВКП(б) секретарь Уралобкома, совершенно не возошли посевы на трети посевных площадей. Низкую всхожесть он объяснял засухой. Она была, только совершенно ничего не взойдёт в том случае, если не сеяли. Дома все и про всё знали. Невиданное трудолюбие севачей сразу насторожило, те готовы были работать от зари до зари. Гепеушники и члены судебных опербригад не верили театрально широким порывам мужицких душ, стерегли коммунаров на пути домой, налетали с внезапными проверками. Полуистлевшие папки уголовных дел того времени помнят многое...

Рельефные силуэты севачей, уходящих босыми и в тлене одежд к закату, смотрелись библейски. В свежих кущах пели райские птицы. Казалось, над полями юргамышского колхоза "Переходная жизнь" бытие снова смыкается с красотой и истиной... Разъезд ГПУ, вызванный бригадиром Колтышевым, разворотил идиллию до мерзости. Эпические сеятели, выяснено проверкой, занимались трудовым извращением и разводили пустыми горстями. По факту изощрённого хищения зерна тут же завели дело.³⁸

После окаменевшего хозяйственного дурелома хочется отдохнуть душой. Уйти в мечты или во что-то духовно обогащающее. Пасть в густые колхозные хлеба, взросшие на навозе соцреализма, и слушать жаворонка. Почитать, на худой конец, "Правду" или "Савраску". В ту пору наша печать жевала тезис вождя

и первого колхозного ударника - сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными. Вопрос о том, как мужика, теперь уже колхозника, перегнать в большевистский ректификат, заслуживает отдельной главы. Посудачим о мечтах желудочных.

На пленуме и на съезде ударников было твердо решено - в течение года путём расширения посевных площадей в который раз скинуть с плеч зерновую проблему. Украшением всякой продовольственной программы является её теория, где вооружённый марксизмом интеллект рвёт в клочья наспех сотканную мешковину природы.

Пропагандистские хлеба вылетели в дудку, когда по полям ещё носилась вьюга. Под будущее зерновое изобилие Уралоблисполком составил план ускоренного развития общественного питания. Общий котёл, общий стол и одинаковой ёмкости ложки, словом общепит, со времен тихо сдвинутых утопистов считался идеалом справедливости. Планом предусматривалось строительство сотен хлебозаводов, пекарен, фабрикухонь.

Чтобы каждый вкушал на людях и строго положенный ему паёк, обещалось в 1933 году обеспечить население Урала печёным хлебом промышленной технологии. Русскую печь вместе с тёплым калачом обозвали патриархальщиной, отдающей оппортунизмом. К концу тридцать седьмого обещалось накормить всех уральцев через общепит. Спрогнозировали необходимое количество детских и взрослых стандартных обедов, распределили их по стоимости, теоретически сбалансировали по калорийности. Чтобы убедить себя и остальных, на заводах разместили заказы на миллионы тарелок, кастрюль и ложек.³⁹

Похлевать вволю казённых щей не привелось. Кто-то из двоих, Маркс или Господь, грубо ошибся в теории. Вместо сытого общепита опять получился общеголод. По законам исторического материализма голода у нас быть не должно, а наоборот - царить благосостояние и всестороннее развитие личности. Не должно быть, значит не будет, решила партийная история и в тех местах, где всесторонне развитые на-

чинали жрать пропастину и самих себя в буквальном смысле, трескучей сорокой проскакала по трубам "великих" строек.

Под шум и гам посевной кампании централизованный паёк Уралу урезали ещё на 40%. Списки на хлебообеспечение пошли в раскрой. По категориям и городам. Сразу и с визгом отлетели провинциальные маленькие городишки, получив на прощание спасительный совет заняться самоснабжением. Этот же совет получили вместо пайка коллективы малозначительных предприятий больших городов.

Что означал режим самоснабжения? Разрешалось часть централизованно поставляемых промтоварных фондов или собственной сверхплановой продукции обменивать в деревне на продовольствие.

Сверхпланового продукта, разумеется, не было. Предприятия местной промышленности сидели на страшном дефиците ресурсов, всё до последнего рубля и гвоздя, сжирали стройки пятилеток. Собственных товарных излишков нет, выли в сторону заката обречённые на самовыживание и молили увеличить товарные поставки. В ответ Москва отгрызалась упрёками в нахлебничестве и делала красивые жесты.

Поступающие в централизованном порядке дополнительные промтоварные фонды, обобщал тоску заготовителей начальник Облвноторга, представлены в основном вещами неходовой в деревне группы. Парфюмерия, велюровые шляпы, бижутерия советского вкуса да дворянских замашек интимные тряпки женского туалета, к коим деревенские бабы не имеют привычки. Товарные, двумя словами, неликвиды.

Дуру гнал вноторговец, не по делу поднимал хай. Большая часть просителей получала стандартный по содержанию и форме ответ, списанный, видимо, с какой-то важной директивы, - "каждый руководитель должен с полной ответственностью осознать, что обеспечить рабочих хлебом он может только путём проведения самозаготовок, увеличения получения хлеба за счёт фондов - дело безнадёжное". "За 1932 год, - этакое писалось не раз, но цитирую телеграмму Кагановичу и Микояну от 23 марта 1933 года, - план

завоза Уралу по планируемым промтоварам выполнен на 69,6%, а за первый квартал 1933 года - на 53%".⁴⁰

Самозаготовки, можно догадаться, обратились в вымогательство местного разряда. На деревню, как воронья на падаль, слетелись заготовители из разных ЗРК (закрытых рабочих кооперативов) и пребывающих в посту городских учреждений. Сами снискать хлеб насущный они не могли, поэтому услужливо асистировали партийным уполномоченным, умеющим профессионально бить деревню по осердю. Хлеба самозаготовителям не доставалось, но в претензии они не лезли и были рады той же бочке кислой капусты, купленной по дешёвке на торгах, где распродавалось имущество недоимщиков.

Взволновалась было снятая с пайка городская провинция. Волнами жалоб и просьб ударила она о стены обкомовские. И брызгами боли застала в перевязанных тесёмками архивных томах строго секретной голодухи. Начнём с бумаг деловых.

"Недопоставки" зерна за первый квартал 1933 года, телеграфировал в область секретарь Троицкого райкома ВКП(б), составили 120 тысяч пудов, район превращается в зону повального голода". Двоесмыслие "недопоставок" станет ясным, если сказать, что району было занаряжено 180 тысяч пудов. Вместо полкило на человека в день, скажу ещё доступнее, по сто пятьдесят граммов. С каждым днём, сообщается далее, увеличивается прилив детей-беспризорников из сельской местности в город, особенно из прилегающих районов Киркряя.⁴¹ Так тогда называли Казахстан.

"Положение со снабжением нашего завода за третий и четвёртый квартал 1932 года и начало 1933 года, - впадал в тоску секретарь Молотовского горкома, - чрезвычайно катастрофическое". Принцип социалистического распределения, а заодно и критерий способности к руководству - кто больше выпросит, - нагонял на столицу Урала большую волну. В адрес обкома ВКП(б) ежедневно поступал мешок зывающих к милосердию телеграмм от местных партийных органов. Надо было что-то предпринимать.

Паникёров собрали на специальное инструктивное совещание и зло предупредили, чтобы впредь кадиллом не размахивали, а больше занимались поиском внутренних резервов и классовых врагов. В ЦК ВКП(б) и Уралобкоме, мол, всё знают, но трагедии не ломают. Да, люди мрут везде, но надо сделать так, чтобы первым отходил к богу социально чуждый или бесполезный элемент. Забивать деловую переписку сообщениями об обычном голоде запретили, препоручив это дело ОГПУ и прокуратуре.

Вверх разрешалось обращаться только по фактам вопиющей голодухи, чтобы последние можно было подвести под внимание указанных органов. Какой же дурак будет писать о вопиющем с твёрдой уверенностью попасть в подсудимые? Теперь, когда положение становилось "чрезвычайно катастрофическим", мелкономенклатурный кадр не потел в каракулях отчёта, а фехтовал доводами идейными. Каждого недовольного можно было обозвать социально опасным и, опираясь на теорию нарастания классовой борьбы, завершить обвинительный силлогизм классическим выводом избача колхоза имени Сталина Ординского района Петра Хромцова: "Чем больше вас сдохнет, тем скорее мы построим социализм!"

На голодный роток не накинешь платок. Послушаем теперь глас беспартийной голодной биомассы. "Вот уже 21 февраля, - пишет врач Брединского медучастка, - а за январь не выдали ни фунта хлеба. За февраль обещают 4 килограмма на всю семью... В закрытый распределитель я, как врач, не подхожу по политическим соображениям". "Наблюдается массовое истощение и заболевание среди просвещенцев... Из 27 просвещенцев, прошедших медосмотр, все до одного болеют от истощения..."⁴²

Это сейчас профсоюзная шпана охамела. Тогда райпросы, союзы работников культуры и сантруда интеллигентненько плакали в платочек и пытались разжалобить кротостью. Ладно врачи, тем и большевик, и буржуй анатомически равны. Но учитель-то всегда был в авангарде пролетарской культуры. От понятого при раскулачивании до последнего защитни-

ка исторических ценностей социализма в нынешней школе. В системе распределения он привык быть предпоследним. В затылок ему дышал лишь представитель чистой культуры.

“Учитель у нас, - обещал вечно живой Ильич, - должен быть поставлен на такую высоту, на которой он не стоял, не стоит и не будет стоять в капиталистическом обществе”. Провинциальные и ещё гимназические кадры Ленина не штудировали, да и вряд ли бы это помогло, зато хорошо помнили дореволюционные оклады и магазины. Голодное лакейство, требуемое от них властями, вызывало тактичный протест.

В школах Висима, доносит заинтересованное лицо, дети на уроках часто спорят между собой, доказывают, что при царе жизнь была лучше. Тут же ходит подозрительный разговор. Раньше был царь Николашка - мяса бери хоть ляжку, пришёл Ленин - стало всего мене, пришёл Сталин - давать ничего не стали! К отчёту автор приложил четыре страницы антисоветских анекдотов. Обкомовские адресаты, закрывшись в кабинетах, хватались за брюхо. В ГПУ, куда поступила копия отчёта, полагалось не смеяться, а бдить. Анекдоты про Семён Михалыча и Михал Иваныча отдавали хорошим одесским вкусом, и это значило, что составлены они умным старорежимным человеком. По линии дознания делу дали ход, сфокусировав внимание на пожилых составляющих педколлектива.

Методическая помощь обернулась запретом на всякие дискуссии и введением обязательного конферирования уроков. Всё гениальное просто. Если это так, тогда и наша простодырость местами гениальна. Педагогическое открытие, называемое конферированием, заключалось в присутствии на уроках лучших представителей местного рабочего класса. Пролетарий мог материться даже во сне, быть ни разу не грамотным, существенное значение имела его идейная первородность.

“В связи со снятием со снабжения городского контингента города Чердыни, - сообщал заместитель ПП ОГПУ по Уралу Тучков, - имеют место волынки. 8 января учителя не вышли на конференцию, требуя

накормить. Служащие, пожарники, учителя толпами с детьми ходят в районные организации с требованием хлеба... Для ликвидации этих непорядков по нашей линии указания даны”.⁴³ События в Чердыни не назывёшь забастовкой, так - слабо выраженная истерика таёжного интеллигента. Ни тут, ни в Уфалее, Златоусте и других городах, где голодные просвещенцы как-то шевелились, особых усилий не понадобилось.

Отечественный интеллигент духовно тонкошкур как июльская картошка. Он помнит деда крепостным рабом, если сам не ходил в юности под кнутом. Рявкни на такой первоцвет осивушенным матом и он облезет до пролетарского нутра или тихо двинется умом. Зачинщиков голодного ропота обяжали глубоко и письменно раскаиваться, а основная педмасса поняла, что лучше голодать дома, чем сидя.

Крестные ходы во власть, называемые волынками, большевиков, тем не менее, ярили. Пугал не голод сам по себе, пугала возможность организованных выступлений. Боялись даже тогда, когда народ согнали с улиц. В письмах второй голодухи - от учеников и целых классов, учителей-одиночек и педагогических коллективов, в высокого слова штучных посланиях и изготовленных графаретно от имени общественности - старательно вылавливались те моменты, где угадывался хоть какой-то намёк на предумышленную организацию.

Всенародный голод есть социализм. Это истина индивидуального и молчаливого потребления, ибо прилюдные разговоры о нашем голоде есть контрреволюционная агитация, пресекаемая статьей 58-10. А если ещё затевать что-то коллективное, мера пресечения сдвигается под солидную дробь 58-7, тоже лагерь, но с запахом вышки.

Свою покорность и трусость мы осознаём. Пригласят нас завтра на эшафот, обязательно спросим - со своими верёвками приходите или повесят за государственный счёт. Храбрость даётся нам на краю могилы, и потом она называется героизмом. Жил - юлил, а в петле взял да и дёрнулся! Весной тридцать третьего угроза голодной смерти затмила земные страхи.

“Послано три письма с ходатайством о хлебном пайке, - доставали Уралобком воткинские пенсионеры, - ответа нет. Знаем, что Советская власть не может оставить тысячу четыреста пенсионеров голодом. Вы в “Уральском рабочем” говорили, что не должно быть ни одного обиженного. Мы обречены на голодную смерть”.

Что тут говорить, жутко. Вчера ещё ветерана усаживали в президиум торжеств и грели восторженными взглядами. Вызубренные воспоминания о революционном прошлом, казалось, обеспечат почётную сытую старость. Начал было уважать себя. Собственная реальная биография пасынком слонялась по задворкам памяти. “Просим расследовать, - взывали идейные ветераны, - какие враги народа устраивают вопиющее безобразие и дать им по заслугам. За февраль и январь не получили ничего. 2 марта 1933 года”.⁴⁴

В авангарде нынешних крикливых демонстраций и шёпотно ползучей по подъездам компропаганды прёт миллионноротый, сброшенный с персональной похлёбки номенклатурный ветеран. Социализм для него свят, весь смысл общественного благополучия тут укладывается в единственный практический вопрос - кого своевременно расстрелять. Про то, кто виноват и кому следовало бы дать по заслугам, в Уралобкоме ВКП(б) тогда знали все. Протоколы допросов тридцать седьмого свидетельствуют, что в домашних разговорах, по пьянке и в тесных номенклатурных компаниях вождя крыли в хвост и гриву.

“Пусть себе мрут колхозники, - говорил (по показаниям одного из секретарей райкома) Кабаков в ответ на донесения о голодухе и высокой смертности, - не важно, что у нас умрут несколько сот человек. Под сталинским руководством весь народ вымрет. Мы должны продолжать борьбу”.⁴⁵ Во многих следственных делах, особенно по обвинению руководителей сельского хозяйства, вторая советская голодуха ставится в вину области и районам. Стремление столицы не делить ответственность, а скинуть её на покорные плечи провинции естественно и понятно.

Мучительная агония событий, называемых голодом, ускорила по теплу. С государственного пайка скинули иждивенцев, теперь всех. Старики и дети третьей потребительской категории давно жили на режиме известной и выносливой цыганской лошади, которой, к сожалению, бог не дал веку. Добежала очередь до пролетарского отродья. “Моя семья сидит голодом вот уже восемь суток, - пишет рабочий одного из заводов Уфалея Хромушин, - детишки просят хлеба, а его нет. И вот сегодня я начал было их душиить, но руки опускаются... Решил обратиться к вам, если не дадите, то видимо придётся умирать с голоду”.⁴⁶

“По имеющимся у нас сведениям, - более спокойно реагирует на обстановку сытое ГПУ, - рабочим ряда предприятий Уфалея на 15 апреля совершенно не выдаётся паёк”. Понятно, что лояльно подышающих пролетариев, вроде токаря Хромушина и восьми его иждивенцев, в актив агентурной работы не впишешь.

Иное дело сообщения такого плана. “Зарегистрированы факты настроений отдельных коммунистов о выходе из партии, роспуск различных провокационных слухов, а также резкие отрицательные настроения среди беспартийных рабочих”. С материалом, поступившим из Аши, можно продуктивно следственно поработать. “До чего мы докатились, люди едят кошек и собак... Вот до чего народ довели. Хлеба кругом завались, урожай был хороший, а кто в этом виноват - не поймешь”.

Любопытные да приметливые - подручный для дознания контингент! “Всех правил Советского Союза, - под сапогами иной раз хрустели самородки антисоветчины, - надо давно расстрелять за то, что всех рабочих заморили голодом, дойдём до того, что будем есть друг друга. Заморили всю Россию с голода, придётся ораться за оружие... Всё равно жизни не будет”.⁴⁷

Ляпнувший такое стрелочник (да, опять стрелочник, но другой дороги) пустил под откос свою судьбу. Это у них, видимо, профессиональное. Под стук колёс тянет на мысли фундаментальные. А у нас в ту сторо-

ну думать вредно, либо с ума соскочишь, либо срок схлопочешь.

Ситуация мало изменилась и после того, как у пролетариата отрубили иждивенческий хвост. Хлеба всё равно не хватало. Нужно было рубить второстепенные конечности. В начале марта сбросили со снабжения все подсобные цеха и заводы великих строок. От голода взвыли любимцы индустриализации. В обзоре рабочего снабжения чёрной металлургии Урала констатировалось, что рабочие в отрасли обеспечены пайками только на 60% и почти все иждивенцы занятых не получают продовольственных карточек.⁴⁸

Единственным стимулом работы на государственном предприятии является физическое выживание, которое при благоприятных условиях покрывается зарплатой. Более поздние этапы социализма рожают дополнительный мотив - возможность постоянно красть. Понимая это, пролетарская власть ставит в основание экономической системы всеобщую трудовую повинность, обязательный труд на социалистическом предприятии. Наши голодные годы окрашены самыми крупными мазками советского уголовно-трудового права.

В самом деле, снятие с пайка всей семьи морально освобождает работника от государственной службы. Принуждать его к бесплатному труду - значит, обратить в абсолютного раба, отобрать у него семью и право на самостоятельную защиту семьи от голодной смерти. Гуманизм коммунистической власти неведом. Поэтому к труду жестоко принуждали, а если и сокращали штатный состав, то по соображениям отнюдь не духовным. Выбрасывали тех, кто уже физически не мог работать.

“За апрель месяц Отдел подсобных предприятий, 26 предприятий, остался без пайков. Тысячи детей и иждивенцев рабочих остались голодом. Дирекция объясняет это тем, что Москва урезала контингент снабжения по Пермской железной дороге на 51 тысячу пайков, поэтому второстепенным предприятиям в снабжении отказано. На 15 апреля с предприятий уш-

ло до 40% рабочих”.⁴⁹ Цитировал письмо железнодорожников в Уралобком ВКП(б).

“Ещё раз ставлю Вас в известность, - жалуется руководитель треста “Уралтальк”, - что питание рабочих угрожающе плохое. В последнее время на руднике имеются случаи, что рабочие падают на работе от голодного истощения и даже умирают... Если не будут приняты меры к нормальному и полному снабжению наших рабочих, не будет увеличена норма иждивенцев, то в недалёком будущем рудник останется без рабочей силы”.⁵⁰

Промышленный Урал застывал в голоде. Маленькие предприятия и городские учреждения усохли до юридического скелета. Работники разбежались по деревням в поисках случайного куска. Великие стройки надсадно дышали, перемалывая в прах остатки подневольных энтузиастов - спецпереселенцев и заключённых. Бунты и очереди по бесполезности сошли на нет. Опорный край державы впал коматозное состояние, когда есть Советская власть и плюс больше ничего. Голый социализм. Советская статистика восходящим трендом лжи закрыла приступ экономического инфаркта и могилы пролетариев, почивших во второй советской голодухе.

Когда не сыт класс-гегемон, говорить о нищете социально чуждых неуместно. Разве что отбросив классовый принцип. Спецссылка заголодала сразу. От кулацких замашек отвыкли ещё на пути к месту идейного выздоровления. Обобранные активистами путных мест и охраной ссыльные эшелоны с первых дней пребывания на Севере сели на подножный корм. Суровая участь выпала первым партиям, снятым зимой тридцатого. В континентальном социализме голод улавливался ещё только интуитивно, а Обь-Иртышский ареал ссылки уже практически голодал.

Тому способствовали два случайных обстоятельства. Первое - чисто организационное. В карательной политике коммунистов всегда до последнего патрона просчитан начальный ошеломляющий эффект. За ним следует обычная социалистическая неразбериха, усугубляемая национальным авось. Всесоюзная ссылка

тридцатого была спланирована централизованно только до основных перевальных пунктов, на Урале - Соликамск, Надеждинск, Тобольск. Далее полагались на демографический и хозяйственный экспромт.

Как уже говорилось в одной из глав, баржи переселенческих партий долго и медленно мотались по бассейну средней и северной Оби, других рек Урала. Не хватало, как всегда, плавсредств, топлива, охраны и прочего. Смешно, но важно было то, что ссыльных не знали куда деть. Мужиков легко отдавали случайным просителям дармового тягла, основной кулацкий массив размазывали по редким посёлкам и туземным стойбищам.

Лесотресты пока разрядок не имели, поэтому важную политическую кампанию в голову не брали. Потом, летом, когда получили наспех сработанные планы расселения, ссыльных стали снимать с берегов и теми же баржами вывозить в места обетованные. Тюремные струги подходили к унылым осенним берегам, и сусанины из ГПУ или местного райкома уводили классово чуждых вглубь тайги.

Печальные экспедиции остановили заморозки. Спецпереселенцам приказали строить посёлки там, где прихватила поздняя осень. "Пункты для постоянного поселения и устройства посёлков, - читаем отчёт в Уралобком ВКП(б), - выбирались и намечались наспех, ориентировочно, без действительного учёта сырьевой базы, обеспечивающей работу спецпереселенцев на более длительный срок. Места под застройку посёлками заняты неудобные, болотистые..."⁵¹ Зимой выяснилось, что некоторые посёлки совершенно не имеют питьевой воды, другие весной были смыты паводком.

Большая часть спецпосёлков приобской ссылки ушла в зимовку безо всякой транспортной связи с внешним миром. Это было не обстоятельством, а приговором. Потоки спецпереселенцев сколь-нибудь документально прослеживаются только со второй волны, с карательной операции 1931 года. Отсутствие информации о каторжанах-первопроходцах косвенно свидетельствует о том, что власти не знали географии

расселения и полагались исключительно на волю исторических закономерностей.

Второе обстоятельство, раздувшее пожар приобской ссылкой голодухи, можно отнести в вину капризной северной погоде. В самом деле, власти уже к сентябрю месяцу составили план снабжения ссылки, в котором каждому работающему каторжанину обещалось по 800 граммов хлеба в сутки и половина того всякому иждивенцу. Дограмма рассчитанные нормы суточного потребления масла, овощей, рыбы и иных деликатесов советского стола способны сбить с крыла доверчивого историка. Убедить его в вере, что власть знала всё и делала всё возможное. Слезу умиления выжмет не нищета, пять граммов масла в сутки - что съесть муху во шах, средне-мизерная доза пронзит душу справедливостью дележа.

Платонические химеры советской статистики ныне имеют больше прикладное, ностальгическое применение. Как розовое воспоминание о тонне руды и хлопка-сырца на душу населения. Живая ссылка выглядела так. Планы снабжения каторжан просто перекинули на кормовой баланс лесотрестов. Подобная практика приходится двоюродной тёткой недавним директивам государства о повышении зарплат за счёт собственных средств предприятий-покойников. Лесотресты, понятно, полезли в пузырь, продовольственных фондов не хватало своим вербованным полубадам. Будь лесотресты трестами зерновыми, им бы не закрыть голодные рты спецссылки. Лесная и интегральная (приполярная) кооперация делила съестное покусочно.

До случайного, терпите, ещё семь вёрст, но всё по столбовому пути. Хлеб отпускался в тайгу строго под план лесозаготовок, под кубометры. Большая же половина ссылки, старые да малые, к ударному лесоповалу была мало пригодна. Многие из них вымрут, грустно прикидывало руководство лесотрестов, но сколько до того успеют съесть.

Подлость и жестокость для вождей, принимавших решения под бой курантов, есть политика. Для прозябающих внизу жестокость всегда остаётся жестоко-

стью. Полагаясь на то, что уж кого-кого, а ребятишек пролетарская власть не кинет на голодную смерть, администрация лесозаготовок (не советская, а хозяйственная) разрешила хлебообеспечение и работающих каторжан, и убогих. Да и область накануне обещала отгрузить хлеб целевым назначением для иждивенцев ссылки.

К новому году, аккуратно в самый разгар лесоповала, хлебные фонды съели. Больше того, заметно вгрызлись в фонды года тридцать первого. Советская власть тотчас отреагировала. Постановлением президиума Уралсовета от 28 января 1931 года выдача нетрудоспособным членам семей особого пайка за счёт лесозаготовительного фонда была запрещена и содержание их относилось за счёт того же пайка, получаемого за свою работу трудоспособными членами семьи".

Тут следует вспомнить, что трудоспособные каторжане были вывезены из посёлков в тайгу на весь лесозаготовительный сезон и материально помочь оставшимся не могли. Директивой Уралсовета крестьянскую ссылку перевели на голодный режим. Повальная смертность и детский исход стали первым её итогом. Лиц, подписавших приговор ссылке, в тридцать седьмом суду расстреляли, а в пятидесятых реабилитировали за отсутствием состава преступления. Мелочные наследники святых сатрапов, расталкивая старьё, отсидевшее сроки и пережившее ссылку, ломаются с исками справедливости.

После выхода директивы руководителей лесотрестов вздули за перерасход хлебных ресурсов. Куда это годно, в Петропавловском, к примеру, леспромхозе умудрились поставить на довольствие около двадцати тысяч дополнительных душ. Не пролетарская диктатура, а какой-то сплошной собес! Моральные нюни растратчиков отметались с зубов. А в ответ на каверзные упрёки - не с неба, мол, свалились тысячи голодных и оборванных переселенцев - власть представляющие многозначительно скрипели зубами.

За перерасход денег, отпущенных на хозяйственное обустройство ссыльных, ругали вяло и как-то без душевного нажима. Объяснения руководителей того

же Петропавловского лесхоза, пустивших означенные двести тысяч (по червонцу на ссыльного брата) на покупку вещей для себя, конской сбруи и облигаций, вызвали у вышестоящих лёгкое раздражение. Ну к чему этот идейный выпендрёж с облигациями? Делали бы как все, выводили бы спокойненько затраты по строительству бараков и бань-вошебоек под стоимость боярских покоев.⁵²

Стало ясно без опасных слов, что социалистическому отечеству мёртвое бревно много дороже живого кулацкого индивида. И в поштучном измерении, и в принципе. "Вы только приезжайте, - смело приглашал членов политбюро ЦК ВКП(б) каторжанин Федосий Матвеевич Лобода, - и посмотрите на переселенческие посёлки - 75% оставшихся (многие удрали и многие умерли) пухлые, а причина основная - голод. Можно видеть картину: подросток идёт раздобыть где-то кусок хлеба или даже украсть, ибо голод не свой брат, по дороге падает и умирает и кроме того валяется несколько дней как бревно.

Когда везёт состав, гружёный пиломатериалами, ведётся точная статистика, которая выявляет, что сопровождающий состав виновен в том, что растерял брёвна и ему могут поставить в начёт, а мёртвые люди пусть себе валяются. Виноватых нет. Вы запросите комендатуру, пусть она даст сведения, сколько у них имеется налицо, сколько сбежало и сколько умерло. Она даст, но сведения не будут отражать действительность. Когда меня сюда привезли, здесь было очень много людей... Я не обращаюсь к коменданту, ибо большинство из них только способно говорить: "захочу - посажу, с голоду заморю".⁵³

Теперь слушаем ту же арию в исполнении профессионального дуэта - оперуполномоченного ПП ОГПУ на Урале Кирюхина и начальника областного комендантского отдела Баранова. "Наступивший продовольственный кризис окончательно ослабил мускульную силу спецпереселенцев, в особенности же на дальних посёлках, в связи с наступлением весны и бездорожья, оторванных от какого-либо общения с ближайшими населёнными пунктами, вследствие чего

переселенцы буквально голодали, употребляя в пищу мясо павших животных, мох, берёзовые листья и другие листовые суррогаты, не имея возможности приобрести продукты питания...

Не получая медицинской помощи, надлежащего питания и нормальных условий, к концу лесозаготовок они окончательно стали нетрудоспособны и в большинстве своём инвалиды".⁵⁴ Похоже, не правда ли, на записки проезжего закордонного путешественника. Напомню, цитировался отчёт главных руководителей уральской ссылки, которым должно шкурой отвечать за содеянное.

Обо всём необходимом и естественном продолжу абзацем ниже, пришло сказать о воле второго случая. В марте тридцать первого Уралсовет принимает ещё один шедевр лицемерия - постановление о самообеспечении ссылки. Подумать только, самоснабжение стариков и детей в тайге да ещё в самый лютой период года. Нет, в Уралсовете осознавали подлость, но куда важнее колебаний души был инстинкт самосохранения, хотелось документально отмазаться от гслодухи.

Продовольствие, обещанное прямым назначением иждивенцам ссылки, так и не поступило. Но винить в том Советскую власть запрещалось. Комендантам спецпосёлков рекомендовали с подчеркнутой печалью убеждать голодающих, что хлеб де был отгружен, но где-то далеко в пути баржи вмёрзли в лёд. А буде тому вера, говорить, что и совсем затонули. Инстинкт сомнения - "а были ли баржи-то?" - отдаёт классикой, но бессодержателен, как вопрос врача из старого анекдота: "Потел ли покойный перед смертью?"

На 1 января 1932 года на кормовом балансе уральской ссылки числилось 484 679 человек. Доверять этой цифре рискованно в той мере, что измерять прибыль нынешнего частного сектора по собираемому налогу. В светлом прошлом утаивали мёртвые и беглые души. Статистика ссылки оперирует только нальным поголовьем. И то абы как, не затрагивая причин высокого "естественного" отхода. Чем, например, закрыть дыру в сто пятьдесят тысяч душ ме-

жду оприходованными пересылкой каторжанами и полумиллионом оставшихся на начало 1932 года?

Тут арифметика ложна до оснований. Документы областного комендантского отдела и ПП ОГПУ отмечали постоянное несовпадение между отчётным населением ссылки и дислокационными данными. Излишек выявлялся не бухгалтерской сверкой документов. Хлеб отпускался под отчётный контингент, поэтому выпавшие из него спецпосёлки заявляли о себе голодным воем. Если таковой неприятно впечатлял, ПП ОГПУ обращалось с ходатайством о выделении хлебных фондов к старшему брату - Главному управлению лагерей.

Вообще следует сказать, что это солидное заведение часто помогало ссылке. Не ищите искру милосердия во взгляде Сатаны. Всё дело в режимных тонкостях советского бытия: отобрать пайку у заключённого проще, чем у каторжанина на поселении. Да ещё под благую инициативу.

"Отношение к спецпереселенцам, - время частных, - в течение всего 1932 года было действительно варварским и преступным. Уже тот факт, что за 1932 год было 10 тысяч смертей и 6,5 тысяч дезертирства, говорит об этом достаточно ярко. Систематический недовоз продуктов питания во второй половине 1932 года привёл к значительному истощению людей".⁵⁵ Рядовое сообщение из Надеждинска.

"Отмечается значительное ухудшение снабжения продовольствием повсеместно, - тут про Кизеловский район, - последствия - резкое обострение цинготных заболеваний, принимающих тяжёлый характер с трансформацией, делающей нетрудоспособными на значительный отрезок времени и стойкую нетрудоспособность".⁵⁶ Обстановка в промышленно развитых районах Урала, Надеждинск и Кизел в их числе, квалифицируется отчётами ОГПУ как относительно сносная. В таёжной ссылке терпелось куда хуже.

"Говорили, что к концу пятилетки дети будут кушать конфетки, оказалось, что с картошки протянули пожки". Повсеместного хода антисоветские афоризмы, вроде этого, не объяснить инерцией озлобления. Го-

сударство и в завершающем тридцать втором играло в прятки со ссыльными стариками и детишками. Хлебные фонды на зимний лесозаготовительный сезон долго, с 73 до 59 тысяч тонн, уточнялись Наркомснабом и конторой "Уралхлеб".

Когда фонды выбрали и до нового года успели съесть, Центролесосекция СНК СССР огорошила телеграммой, что 16 тысяч тонн иждивенческого хлеба входят в общие фонды. Так что, голубчики, будьте добры и докармливайте чем хотите кулацкий сухостой. Судорожные поиски внутренних резервов в голодном краю - дело безнадёжное, пришлось довольствоваться редкими подачками ГУЛАГа. Его украшение - Вишлаг провис над Северным Уралом, связав медвежьи углы метастазами лаготделений.

Лесная кооперация заголосила о дополнительных поставках продовольствия, но получала в ответ директивы о том, как правильно разделить давно съеденное. "Питание спецпереселенцев недостаточно по количеству и качеству. Родилось за год 87 человек, умерло 347... Констатируются факты обнаружения больных с отёками и изъязвлениями роговой оболочки с последующим выпадением радужной оболочки глаза и слепоты, часто встречается аменорея (отсутствие месячных у женщин), изложенное квалифицируется как недостаток питания... Особенно скверно с питанием переселенцев на лесозаготовках, где оно недостаточно по количеству и качеству. Полное отсутствие мяса и жиров..."⁵⁷

Россыпью частных фактов искрятся секретные документы ОГПУ, сводных данных нет ни по умершим от истощения, ни по покойникам эпидемическим. Данных и не было, никто не знал числа живым, сводки ОГПУ и леспромхозов по одному и тому же контингенту разбегаются в 30-50 тысяч душ. Следственные дела тридцать седьмого дают понять, что большинство высших партийных работников Урала только с голодомором осознало масштабы трагедии. Уходящие в небо упрёки и холодный страх улавливаются во всех донесениях о голоде.

Ужасом вымирающего народа обратились безрас судно крикливые слова и истерические поступки. Каждый, куда смешнее - руководители партийных и карательных органов, скидывал вину на крайнего. "Ты думаешь, Россия простит нам это, - трезвея от страха, шептал партсекретарь одного из ссыльных районов разъездному облпрокурору после осмотра спецпосёлков, - из могилы достанут и воронам кости выбросят!"

Партийный секретарь думал о нас слишком хорошо. В коровьей памяти потомков стёрлось всё по вчерашний ужин. А облпрокурор, попав через четыре года в лапы НКВД, кто теперь скажет - под пытками или из подлого умысла, заложил своего провинциального собутыльника с потрохами. Интимная беседа, таким образом, стала историческим фактом.

Когда не хватает хлеба даже на пайки работающим, есть ещё один эффектный выход. Поставь задачу корректно, то есть математически бездушно, и решение найдёт мало-мальски грамотный человек. Ну правильно! Надо сократить число работающих. Тут можно работать по известному в кругах проектантов методу усечения дерева.

На лесоповале главный тот, кто дёргает пилу. Остальная суетливая публика фонирует - обрубает ветки, катает-кантует, относит-подносит. Словом, по чину обязана первой и не есть. Нельзя сказать, что в тридцатых к этому дошли своим умом. Больше ума - больше скорби. Повторюсь в практических целях. Выверните известный афоризм наизнанку, дабы понять, что суетливое наше от вечной скорби живота рождено. Шагнём из света евангельских мыслей в темень секретных фактов.

Первоначально годовой план заготовок для Ивдельского леспромхоза утвердили в миллион фестметров. Под план, исходя из дневной нормы выработки, полагалось рассчитать снабжение. В тайгу завезли тысячи пил, топоров, поворотных крючьев и необходимый сплавочный такелаж, по лесомассивам выстроили 99 барачков и куреней. Однако трест "Уралсевлес" неожиданно стал корректировать зада-

ние в сторону снижения и в самую лютую пору февраль программу Ивдельского ЛПХ закрыл совсем.

“Большинство трудоспособных переселенцев в связи с сокращением, а впоследствии и снятием производственного задания, оказались без работы”. Часть трудоспособных каторжан вырвали из семей и перенесли в другие леспромхозы и тресты. “В результате неиспользования такого огромного количества трудоспособных спецпереселенцев, - гневно бичует бога - кто бы вы думали?, - начальник ПП ОГПУ на Урале Раппопорт, - начиная с января месяца резко ухудшилось и материальное положение всей ссылки района...

Даже при наличии продовольствия на складах многие спецпереселенцы были поставлены в условия полуголодного существования: ели древесную кору, разные суррогаты, павших лошадей и т.д. Есть случаи, когда отдельные из них ели даже убитых лошадей, болевших сапом. Многие занимаются нищенством в окрестных селениях”.⁵⁸

Безработному кулаку, понятно каждому нормальному советскому человеку, нет места в очереди за пайком. В аксиомах грешно сомневаться. Сосредоточимся на попутных обстоятельствах, благодаря которым в отечестве мутировалась уникальная социальная особь - безработный каторжанин. В первую ссыльную зиму по всему дикольсью Урала квадратились штабеля лесоматериала. И требующей мужицкого пота деловой древесины, и наколотых детскими руками дров. Летом вывезти заготовленное не сумели, посёлки и деляны, вспомним, выбирались наобум.

Как свидетельствуют документы секретной бесхозяйственности, проблемы навалились ко времени весеннего сплава. То выяснилось, что реки текут не в ту сторону, то до воды не добраться, то совершенно неожиданно передохли лошади. Свысока про таёжных лошадей я излагал. Бытовые подробности общего впечатления не испортят, разве что добавят ощущение ирреальности.

“Транспорта ЛПХ, - речь про тот же Ивдельский леспромхоз, - в 1931 году было получено 444 лошади-украинки, из коих пало 272 лошади... Осенью 1931

года ЛПХ получено из Кургана 1 086 лошадей, из которых пало по дороге 500 лошадей, а остальные пали уже на месте или были просто уничтожены как сапные. Из этого количества 1 085 лошадей имеется налицо всего 146 по акту, составленному в марте 1932 года руководителями организаций, в присутствии ветврачей, должны быть уничтожены не позднее 1 апреля сего года как якобы сапные”.⁵⁹

Штабелями занялся короед, и дальнейшая заготовка леса на самых отдалённых участках потеряла всякий смысл. Леспромхозам разрешили вести работы под возможный объём вывозки. Фонды продовольствия, естественно, пристегнули к кубометрам вывезенным. Оставшись без работы и хлеба, каторжане могли спокойно умирать.

Факторы, осложнившие фатальное течение событий, гнездились не в душе, а в голом расчёте. Значительная часть каторжан оставалась трудоспособной, и пребывание таковой в безделье даже принудительном не лезло ни в какие моральные шлюзы. Началась перетряска трудоспособного кулачества между леспромхозами, лесотрестами и всеми шестьюдесятью районами ссылки. О трудовых свершениях энтузиастов-каторжан речь в следующей главе.

Порой и палач валится с ног от усталости. Что говорить про ссыльных, жаловались на чистке коммунисты-вертухаи, нас просто задёргали. Не чужда, выяснилось, палачам и государственная скупость. “При системе перебросок, - сожалеет документ отдела спецссылки ПП ОГПУ, - нерентабельно затрачиваются государственные средства, а предприятия не получают надлежащего производственного эффекта”.

Комендатуры спецпосёлков, отправляя за околицу очередной этап кормильцев, молили область во избежание голодной эпидемии забрать и остальных. Жгла жуть остаться крайним. Для руководства леспромхозов кулацкая миграция обернулась хронической головной болью, все вопросы бытоустройства дважды и трижды сосланных власть великодушно доверила местным хозорганам.

Шальной ветер нынешних перемен ободрал до сруба ещё один замечательный советский феномен, который в местах и годах ссыльных получил если не рождение, то крещение-то наверняка. Я говорю про общественное питание. Впадая в материалистическую схоластику, можно утверждать, что индивидуальный гастрономический вкус есть предтеча расшатанности мировоззрения.

Позывы желудка первичнее шороха мысли. Сие безо всяких зигзагов выводит на идеологический императив - чтобы все одинаково думали, надо их одинаково кормить. Убить биологические аномалии в человеческой особи трудно. На что Полиграф Шариков, скороспелый человеческий полуфабрикат, и тот явно предпочитал харчеваться с профессорского стола. О личности с полным букетом врождённых недостатков говорить излишне. Вкусивший раз ананас - потенциальный идейный предатель.

Привести мысли в текучее состояние, желчно вещал когда-то Гегель, много труднее, чем бытие. Массовое внедрение общественных кормух в ссылку опередило чистую теорию и возникло из соображений суетных. При индивидуальном распределении каждый трудоспособный, получив паёк, нёс его домой. Элементарно здоровый человек догадается, кто в семье ел первым. Тут-то и зарыта собака.

“Из месяца в месяц всё возрастает смертность, и кривая её идёт вверх. Если в 1932-ом исключительно преобладающими причинами смертности были заболевания простудного сезонного порядка и лёгочные, то в 1933 году на смену является новая причина смертности - истощение. После уменьшения нормы пайка иждивенцам с 8 до 5 килограммов (в месяц - А.Б.) последние стали обузой работающим и поедали в значительной мере его паёк, уменьшая тем самым его паёк и ведя к постепенному истощению... Более того, в феврале было выдано только от 3 до 1 килограмма”⁶⁰

Начало сообщения, поступившего от комиссии, проверяющей Чердынский и Нырбский районы, примите за эпическое изложение событий голодного три-

дцать третьего. С тоническим ударением следует читать вторую, улавливающую криминал, часть выдержки. Попавший в семью кусок съедали лица, не имеющие прямого отношения к строительству светлого будущего. Иждивенцев отклеили от работающих системой общепита. Паёк погнали через общий котёл, и распределение стало абсолютно социалистическим.

Голод стремительно набегал. При заводские столовые с функциями подсобных предприятий вводили аврально, на лету совершенствуя механизм. Во всех столовых спецконтингента сразу же и по максимуму (от 25 до 50%) вздёрнули наценку. Ропота не последовало, при многомесячных задержках зарплаты возмущаться в адрес благодетеля-кредитора бестактно. Общепит объеживал кулацкие массы, но часто кормил в кредит. Хозяйственное начальство разрешало кредит в той мере, насколько он был полезен производству. Можно было манипулировать нормой выработки и иными условиями посадки за общий стол.

Качественных характеристик своей работы общепит не имеет. Он хорош именно тем, что в общий котёл можно загнать всё даже визуальное тошнотворное. Обзоры о продовольственном снабжении ссылки с лёгкой укоризной говорят о том, что обычно называется свинством. Гнилые перемороженные овощи, крупы наполовину с мышинным калом, антисанитария и варварские условия приготовления, рассчитанные на пролетарскую грубость потребности, - тут и метод превращения продукта в среднесоветскую баланду, и моральная мука для тех, кто привык сносно жить, благодаря святому отношению к куску хлеба.

“Столовая Капитальная 2, - натюрморт по мотивам Кизеловского района, - обслуживает до 1000 человек. Вокруг столовой грязь, очереди за получением громадные. Спецпереселенец должен простоять 3-5 часов для того, чтобы получить обед, тогда как перерыв предоставляется только один час. Посуды в столовой нет, получают в банки из-под консервов, в кружки и т.д., помещение столовой настолько маленькое, что есть можно только на улице... Качество обедов в большинстве случаев неудовлетворительное”⁶¹

Если, прочитав сие, подумаете, что в Кизеловском районе жить было страшно, ошибётесь. Когда такие отчёты поступали в отдел спецссылки ОГПУ, там радовались. Хоть в подвале, лишь бы дали. Положение в Копейских угольных коях, к примеру, "чрезвычайно катастрофическим" тоже не назовёшь. "Использование рабочей силы хищническое, рабочие, вышедшие из забоя, направляются на субботники по разгрузке и погрузке. На требование накормить перед этим один из прорабов сказал, чтобы ели своё говно, вы сосланные. Недостача продовольствия иждивенцам привела к истощению рабочих".⁶² Факт простого выживания повсеместно принимался за удачный исход дела.

Роль общего котла исторически неопределима в культивировании социалистической дисциплины и ударничества. С похлёбки можно было ссадить за невыполнение завышенной нормы и неважное качество труда, за работу на субботнике (он же ленинский, то бишь бесплатный), за каторгу сверхурочную, где паёк и не запланирован, в порядке текущего штрафа и просто за кривой взгляд на десятника.

В пору массового детского мора начали было откровенно детские столовые. Старуху с кривой, однако, обмануть не удалось, голод вокруг общего стола оказался даже суровее голода всухомятку и в одиночку. Тому была фатальная причина.

Общепит, всем известно, породил целый класс пышнотелых трутней, роящихся подле котла обобществлённого. Лишённые элементарных моральных инстинктов, они озоровали на всех ступенях похлёбочной технологии - от раскладки пищесуточных до поганого ведра. Смело, не озираясь на всевышнего, крали из котлов детдомовских, детсадовских и школьных, изошрённо - из котлов заводских, студенческих и общих столовых, с лакейской изворотливостью тянули со стола номенклатурного.

Зашедшему в столовую знаком циничный взгляд общепитовца, понимающего, что такое есть нельзя, что вот эта ослизлая перловка готовилась не для вас, а под вкус домашнего Хрюши. Свинье - свиное,

злиться тут бесполезно, вы оставите счастливому поросёнку гарнир, разве что выклевав из блюда мясные молекулы. Общепит даёт не сытость, а временное отвлечение к еде.

"Чтобы рационализировать питание, - сообщается о котлоноваторах Ныробского района, - есть детская столовая. Качество питания из-за отсутствия жиров и мяса низкое. Паёк делится на три варки, вследствие чего получается разжиженный суп с низкой калорийностью. Более взрослым детям данное питание недостаточно, и они дополняют его кореньями и травой в лесу".⁶³

Массовый переход соотечественников на подножный корм и падаль по советским стандартам голодом не назовёшь, необходимое, скажем мягко, дополнение к пайку. Если говорить о голоде возвышенно, то такой наступил в тридцать третьем. Документально это прозвучало так.

"На первый квартал центральными организациями фонды для членов семейств спецпереселенцев специально не выделены - обезличены в общих фондах, выделенных лесоорганизациям. Наркомлес же выделил фонды организациям только 1 апреля и все ранее выделенные фонды в 3 и 4 кварталах для членов семейств засчитаны полностью в покрытие общей потребности заготовительных организаций...

У лесоорганизаций нет заботы о необходимости обеспечения членов семейств в счёт полученных и имеющихся фондов, последние распределяются лесоорганизациями в первую очередь с учётом производственной программы... В настоящее время снабжение семейств спецпереселенцев поставлено под полную угрозу срыва".⁶⁴

Ни хрена не понятно? Тут нужна привычка к слогу и поступи Советской власти. Под план лесозаготовок и сплава в 1933 году Наркомлесом Уралу было занаряжено 79 тысяч тонн муки. По кило в день на каторжанина, мифически допуская, что он ест на равных со штатом комендатуры и десятниками. Наркомснаб нашёл паёк оскорбительным для пролетарского государства и урезал весь годовой (!) фонд до 66 тысяч

тонн, до семисот граммов в день на классово чуждую душу.

Много позднее, чтобы не взбеленились, опять телеграфно уведомили, что спецфонды для иждивенцев входят в общую сумму поставки. Власть в третий раз сэкономила на стариках и детях ссылки. Сделано это было привычно и в высшей мере подло. Предприятия получали хлебные фонды в объёмах, не покрывающих даже производственную программу. Как только хлеб съедали, Москва закатывала истерику - обожрали, мол, детей!

Объёмы централизованного снабжения уже обеспечивали налѣжный голод. Но сермяжная правда истории заключается в том, что и плановых хлебов каторжане не получали. Хлеб, большие тысячи тонн, надо было завозить сразу, по зимним дорогам. С апреля по ноябрь таѣжные посёлки оторваны от материкового социализма бездорожьем. Вся страна к тому времени тлела по принципу - день прошѣл и слава богу. Ни такой прорвы хлеба, вспомните "семенные" погромы, ни транспорта не было. В конце марта лесопредприятия и кооперация умоляли до распутицы отгрузить хлеба хотя бы по 5-6 килограммов на иждивенца в месяц. Просили не на год, до травы, чтобы не все передохли!

"Из-за недостаточности нормы иждивенческого пайка в особенности нетрудоспособные спецпереселенцы в действительности употребляют разные суррогаты, подмешивая к ним сено, травы, мох. Наблюдается катастрофическое сокращение рождаемости при полном отсутствии браков".⁶⁵ "Во многих трудпосёлках создались весьма тяжѣлые материально-бытовые условия, налицо бегство, заболевания, нищенство, истощение на почве голода. Например, в целом по системе "Западолеса" убыль ссылки за время её существования за счёт смертности и побегов составляет 56%. По бегству на первом месте стоят Чердынь, Красная Вишера, Надеждинск, Кизел, Ныроб и в целом Коми-Пермяцкий национальный округ. За счёт этих районов относится самый высокий процент смертности спецпереселенцев".⁶⁶

Читать эти сообщения с открытым сердцем страшно, без сердца - скучно. Не скажу, что информация из районов принудительной колонизации была самой страшной. Нет. Она поступала нерегулярно, исходила от редких комиссий, направляемых по линии Уралобкома ВКП(б) и облпрокуратуры, других к ссылке и близко не подпускали. Сведения тщательно просеивались даже в секретной внутренней переписке. Все боялись осложнений со свирепым покровителем ссылки - ОГПУ. Отсюда осторожные и тонко подобранные фразы о перегибах, перебоях в снабжении, имеющихслучаях эпидемий и смертности. Пастельные разводы секретных сообщений сгущаются до эскизных очертаний бытовой советской голодухи в бумагах строго секретных.

"На кладбище, - доносит в Уралобком ВКП(б) и транзитом в Москву областной прокурор Виноградов (2 апреля 1933 года), - лежат на поверхности два гроба с умершими, причѣм при осмотре установлено, что у одного трупа отрезаны голова и ноги, а туловище похищено, у второго трупа отрезана мягкая часть ягодицы. Спецпереселенка... (бог её простит) похитила труп, перerezала его на части с целью употребления в пищу. Группа спецпереселенцев 12 марта ночью с кладбища похитили труп человека, изрубили его на части и употребили в пищу".⁶⁷

Так было в Сосьвинском леспромхозе. В уже знакомом Петропавловском леспромхозе один старик зарубил второго и приказал своей жене варить суп из "барана". Ссылный Урал, констатируют отчѣты выездных комиссий облпрокуратуры, вспыхнул пятнами каннибализма. Заметно, что большая часть впавших в поистине "вопиющую" стадию голодухи, приходилась на людей пожилых.

При распределении пайков учитывали преимущественно иждивенцев-детей. Властью ссылка рассматривалась как школа интенсивного трудового перевоспитания, перековки. Какой прок кормить человека, вросшего всей жизнью в прошлое? В спину старости дул ещё один из важнейших принципов коммунистического воспитания - оторвать ссылную молодѣжь от

родителей. Что до стариков, то они и сами, по резону и естеству здоровой души, отдавали малым последний кусок.

Каннибализм обычно расцветал в тех таёжных посёлках, на которые Советская власть плюнула, выкачав из них всех трудоспособных. Голод был настоящим - ели и детей. В обзорах о голоде ссылки, направляемых в обком партии и прокуратуру РСФСР, приводятся многочисленные факты убийства детей с целью употребления в пищу. На этом фоне выигрышно смотрятся приводимые там же факты убийства детишек из духовных побуждений. Во имя спасения их от мук голода.

Путь от абстрактно-всеобщей и документально пожелтевшей истины до чувств закончу свидетельством Павла Андреевича Чернова. Свидетель хорошо помнит себя с тех далеких пор, в коих он шестилетним Павлушкой боронил вместе с отцом своё поле. Вместе - это когда отец сажал его на Карьку и подвязывал ноги под брюхо лошади, чтобы помощник не свалился на полосу. А на пенсию Павел Андреевич ушёл с дирижёрского пульта известного в Челябинске оркестра Дома культуры металлургов.

В свои неполные семь лет будущий маэстро стал полноценным врагом нации и верно потому засёк в памяти, многие про то напрочь забыли, как их семью раскулачили и волокли на Север баржей по чарующе красивой Сосьве. У Черновых в роду много музыкально и художественно одарённых. Всё пошло от отца, поясняет Павел Андреевич, тот, бывало, и кучу говна сложит - залюбуешься.

Зима прижала черновский этап в Гаринском районе. Во второе ссыльное зимовье умер отец. Про ссыльную классику - повальный мор и травоед, вчерашний маэстро излагает с понятной только родовому человеческому существу гордостью. "Вот, - он раскрывает бумажную простынь, на которой графически исполнена генеалогическая схема их рода, уходящая струйкой нетленной памяти во времена петровские. Ветви древа пообсохли на трагических годинах России: война германская, война гражданская, ссылка и

тридцать проклятые, война Отечественная. - Род старинный и чисто крестьянский, - объясняет предмет печальной гордости Павел Андреевич, - а голодовать и видеть, как едят своих детей, пришлось только мне..."

По какой, трудно вспомнить, надобности мать зашла в соседний двор, где ютилась вдова-пере-селенка из Белоруссии. Дело было весной тридцать третьего, когда посёлки уже замирали и вдовели. Хозяйки дома не оказалось, но в углу Татьяна Чернова увидела деревянную бочку, из которой торчали детские ноги. Тело ребёнка было разделано и частью съедено. Вызвали коменданта и понятых. В убитом малолетний Павел признал своего четырехлетнего соседа Конку, Конон полное имя.

Мать-убийца сразу же призналась, что сделала это в полном уме, и показала следователю, где закопала под дёрном внутренности. Поселковые бабы не голосили, к покойникам тут давно привыкли, но в глазах соседок висел немой ужас - как ты могла!? "Смогла, - ответила та, которой выпало решать непосильный для матери вопрос, - думала сберечь хоть старшенького, ела сама и его кормила. Трои м бы нам не выжить, наложи руки на себя - оба сына умрут".

Логика ссыльной матери замыкала в единый круг святость и святотатство. В самом деле, тут важно в какую сторону бежать. Если справедлива власть, презренна детоубийца, если свято материнство, то в корне преступна власть. У соседей не хватило сил осуждать мать Полесья за страшный выбор. Лицемерный приговор ей вынесло пролетарское государство.

Убедительности ради можно бы назвать поимённо всех действующих лиц той трагедии, у Павла Андреевича хорошая память. Бояться ему поздно, поэтому он и рассказал об этом, но не единственным в его спецпосёлке, факте людоедства на всю Россию в нашем телефильме "Сирота Страны Советов".⁶⁸

Павлу Андреевичу Чернову до выхода этой книги не знать, что людей жрали и на его родине - в некогда процветающем Полтавском районе. Это на юге нынешней Челябинской области. Но то была голодуха

кумачового цвета, голодуха колхозная, к изложению исторических вех которой и приступаю.

С колхозниками, помнится, мы расстались сразу после посевной тридцать третьего. В святом писании КПСС этот год вошёл пуском Уралмаша, Челябинского тракторного и партийной чисткой. То правда, и по сей день всё, что сделано на Урале добротнo, сделано из-под кнута либо демидовского, либо сталинского. Памятники естественно вызревшего местного капитала ветхи и редки.

В сооружениях времён послаблений не проглядывается ни искусства, ни усердия; облезлые их фасады кривятся люмпенским отвращением к труду. Если говорить об истории, ушедшей исключительно в навоз, то тут тридцать третий был зело содержательным, скрученные им в вехоть судьбы миллионов смотрятся выигрышно в сравнении с целыми пятилетками морального замора, называемого застоём.

Отечественную историю рекомендую схватывать не образно, а системно. Варварство и грабежи, вырванные из контекста социалистического строительства, тянут на уродливую, даже оскорбляющую национальные чувства копию какой-нибудь английской Реформации. Эти же события в пересвете вселенских сумасбродных идей, декоративного энтузиазма, массового голода и вредительства обретают самоценность национального достояния. Другим так жить нельзя! Россия - страна деревенская, и все истоки её самобытности следует искать на крестьянском дворе. Мы дали миру уникальную общественную особь - колхозника, облатыненно - хомо голодающий.

“Очень скверно с продовольствием, - жалуется в Уралобком активист-пятисотник (о таких позднее) колхоза имени Сталина Бродоколмакского района, - колхозникам дают хлеб из ржи и суррогатов, за выработку нормы - 800 граммов. Но норму никто не выполняет. Лошади слабые, а коровы в плугу и бороне ходят плохо. Получая в среднем 300 граммов в сутки, колхозник думает ещё и о семье. Она ничего не получает, питаются всякими суррогатами вплоть до падали. Смертность велика, за первую неделю мая умерло

12 человек... Кражи - хоть не выходи из дома на работу...”

Последние строки жалобы освежат ваши воспоминания о посевной. “Я сам сейчас работаю в бригаде с плугом на корове и всё вижу. Идёт лошадь с бороной или плугом, запнулась, пала, но встать сама не в состоянии. Её поднимают и снова пашут и боронят. Лошади, которые пасутся, тоже если ляжет, то встать не может. По плану должно быть посеяно 560 га, посеяно 52 га... Уход за конём. Как он был варварским, так и остался, нужно людей садить. Ячейка просит выслать срочно прокурора и судью из района... Чрезвычайно скверно идёт выброска семян, селение находится от железнодорожной станции в 60-80 километров и это гробит лошадей. Ездят две недели, за каждую поездку пропадает одна-две лошади”.⁶⁹

Дело было в мае, голод был в разгаре. “Петуховский, Щучанский, Шумихинский районы, - гласит сводка ПП ОГПУ от 3 мая, - сигнализируют об отказах от работы на почве продовольственных затруднений, о массовом хождении колхозников в поле с целью сбора колосьев, употребления падали, полевых крыс. На этой же почве антисоветский элемент пытается сорвать сев”.⁷⁰

Хорошо голодать в тайге, там природа политически нейтральна, а в подножном корме, всякие там грузди-ягоды, даже благосклонна. Голодуха в советской деревне - вещь классическая, колхозник вынужден голодать в геополитическом пространстве социализма, где натура священна и неприкосновенна. В апреле, после семенных погромов и с коровьей мобилизацией, деревенские земляки подснежниками высыпали на поля. Осторожно ступая босыми ногами по проталинам, собирали, картина до боли знакомая, гнилую картошку, отсыревшие редкие колоски. Голод не тётка, научились выливать сусликов, крыс, хомяков и прочую съедобную живность.

Советская власть, хозяйственно бестолковая, всегда оставалась мелочно скупой. Сходит по-тяжёлому и оглянется, нельзя ли квас сделать. Местные органы подозрения стали срочно запрашивать область - надо

ли судить и садить полевых бродяг. С колосками и картошкой вроде бы ясно - неприкосновенные, но как быть с хищением грызунов и падали. Директивой наркома земледелия Эпштейна Якова Аркадьевича было растолковано, что праздно шатающихся надо гнать не с полей, а на работу. Пусть пашут и сеют вручную. Упорно снижающих етбу насущную на обочине столбового пути велено было звать лодырями и гнать из колхоза.

От Наркомюста разъяснений вовремя не поступило, посему преследование хищников строилось на принципе местной революционной целесообразности. Скотомогильники залили известью и отравой до неоптребности. Грызунов губить не возбранялось с той лишь ссылкой, что этим делом лучше заняться нетрудоспособной молодёжи. Немногим позднее выловленные крысы и хомяки в поштучном измерении вошли в актив борьбы с вредителями сельского хозяйства. Как пионерский вклад в сталинский поход за урожай.

Чтобы избежать подозрений в предвзятости, схватился, мол, за голодный сельскохозяйственный пояс Урала и нагоняет пар, пробегусь по карте региона сверху вниз. "Значительное количество колхозников, - серенький пейзаж из Слободо-Туринского района, - питается суррогатами (льняная, конопляная и гречневая мякина, корни и стебли подсолнуха, рогоза и др.). Едят крыс и форменным образом воруют и растаскивают трупы павших животных, выкапывают на скотских кладбищах и могильниках. На почве систематического недоедания отмечаются систематические заболевания (опухоли), есть смертные случаи. Катастрофически сокращается посещаемость школ учащимися по мотивам отсутствия питания".⁷¹

Теперь сползём на благодатный уральский юг. Полтавский район, родина Павла Андреевича Чернова. По отчёту комиссии, возглавляемой областным прокурором Тумориным, весной тридцать третьего зарегистрировано более 100 случаев смерти от истощения, главным образом среди казахов-нацменов.

Варненский район - более 50 случаев голодной смерти. Брединский район. "По ряду предприятий

проведено большое сокращение рабочих. В совхозе "Овцевод" - 700 человек, по угольным копиям - 400 человек. Сокращённые одновременно были сняты с продовольственного снабжения... Значительная часть сокращённых и членов их семей были вынуждены пережить острые продовольственные затруднения... Начинают учащаться случаи заболеваний, особенно среди казахов-нацменов (из которых состоит большинство сокращённых). По непроверенным данным отмечено до 50 случаев смерти от голода"⁷².

Я проверил эти факты исключительно для того, чтобы определить степень математической достоверности широко практикуемых советской статистикой параметров - "до", "около", "более". В материалах партийной чистки по делу секретаря Брединского РК ВКП(б) Рожина Александра чёрным по белому и констатирующе записано следующее: "В конце 1932 и начале 1933 года в совхозе "Овцевод" произошло массовое сокращение около тысячи рабочих-нацменов, у которых в течение двух суток отняли продовольственные карточки, не произвели с ними расчёт и выбросили на мороз, в результате чего часть рабочих погибла... С наступлением оттепели было собрано и сброшено в шахту 200-250 трупов".⁷³

Неспокойно было по всей границе Большого Урала с Казахстаном. Не скажу, как это должно быть, но, видимо, есть более вопиющая стадия голода, если в ядрёно голодающую Россию напролом рванулись тысячные толпы казахов. Ещё по осени тридцать второго в сводках ОГПУ отмечалось, что в приграничных станциях нередко вспыхивают ужасные по зверству самосуды. Жестокостью местное население пыталось остановить волну беженцев из вымирающей республики.

"По имеющимся в нашем распоряжении от Звериноголовского райаппарата ГПУ, - сообщал Кабакову главный чекист области, - за последнее время наблюдается усиленное бегство казахов-киргизов на территорию Урала. По неточному учёту, в один Звериноголовский район прибыло 252 семьи, из которых 150 семей вступили в члены колхозов названного

района. В граничащем с нами Мендыгаринском районе Казахстана ряд колхозов и аулов целиком побросали места жительства и, забрав скот, группами перешли в районы Урала. Забранный скот из колхозов Казахстана нашим колхозам не сдавался, а реализовывался на частном рынке".⁷⁴

В тридцать третьем вдоль границ были выставлены военные кордоны. Пролетарский интернационализм натошак - вещь никчёмная. У казахов выбора не было, сотнями они умирали прямо перед военными кордонами.

Про казахов ладно, они теперь чужие. В изложении вопроса о голоде отечественной глубинки и впредь буду касаться только тех черт, которые характеризуют его классически. Зачем писать про очереди тридцать третьего? Их не было. Если стоит очередь, значит что-нибудь дают, или будут давать. Украшение голода не надежда, а безысходность. Вторая советская голодуха протянется до осени тридцать седьмого. Имеется в виду спасительный кусок хлеба.

Вернемся к строго секретному. "Прокурору РСФСР, обкому ВКП(б), облисполкому. 10 июля 1933 года. 13 июня в деревне Усть-Турке вскрыто убийство мальчика четырех лет с целью употребления в пищу своим отцом. Днём отец послал свою жену в поле за травой для супа и сказал, что будет варить краденого барана. В отсутствие жены он зарезал сына перочинным ножом, отрезал голову и конечности, остальное тело заложил в котёл и варил..."

При осмотре тело мальчика было обнаружено варёным и, как видно, уже употреблённым в пищу... До того было съедено более 100 кошек и две собаки... За три месяца по Карьянскому сельсовету было зарегистрировано от голода 111 смертей. По заключению врачей, большинство смертей от истощения. В пищу употребляется разный суррогат (берёзовое и липовое дерево, ржаная и гороховая солома, крапива, пиканы и другая трава), многочисленны факты поедания кошек, собак, крыс..."⁷⁵

Цитировался фрагмент донесения облпрокурора Уральской области Леймана в прокуратуру РСФСР.

Документ просто ошарашивает многочисленными примерами каннибализма, где жертвой являются дети. Мною выбран факт оригинальный лишь тем, что детоубийство совершено отцом. "Следствием установлено, - резюмирует прокурор, - убийства произведены исключительно из-за продовольственных трудностей".

Хронология событий тридцать третьего убеждает, что вторая советская голодуха выросла не на засухе. Голод крепчал по мере вымирания единоличника. Ты ешь траву, а я хлеб! - мог говорить сельский хозяин колхознику ещё ранней осенью тридцать второго. После погромных заготовок и семенного шмона на траву сели все. Кулак, за которого в последнее время принимали любого единоличника, живущего вопреки безумию, исчезал. Нырнул в вечность и как класс, и как деревенский индивид.

Напомню, "Инструкцией всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры" весной 1933 года кампании массовых выселений закрыли. "Теперь, - под этими словами стоит подпись Молотова и Сталина, - задача состоит в том, чтобы пойти навстречу растущей тяге единоличных трудящихся крестьян в колхозы и помочь им войти в колхоз, где только они и могут сберечь себя от опасности обнищания и голода. ЦК и СНК считают, что все эти обстоятельства создают в деревне новую благоприятную обстановку, дающую возможность прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий в деревне..."⁷⁶

Насилие открыло столбовой путь, голодуха создала "новую благоприятную обстановку" и "растущую тягу" к колхозу. Исторический процесс перековки человека в колхозника пошёл. Не хрен ждать милостей от природы. В антропогенезе восточных славян большевизм вызвал судороги, породив тип существ не только общественно прогрессивных, но и с более выразительной телесной организацией. Существ политически озабоченных, даже озлобленных, унылых от образа прозябания, приземистых от непосильного труда и пузатых от хронического травоядия.

После освободительной "Инструкции" село ещё долго кипело остервенением. В июне Гольшмановский, к примеру, район обращался в Уралобком и к шефу ПП ОГПУ Раппопорту с просьбой такого содержания: "Для выселения кулаков необходим по инструкции (речь про инструкцию о выселении) запас на три месяца. Выселенные кулаки нищие. Просим выдать 2-4 тонны хлеба для поднятия кулаков".⁷⁷

О...уел мужик, подумали там и там. Впавшим в дурь местным революционерам приказали отправлять кулаков натошак. Районы ещё не знали, что отныне ссыльных предписано садить на государственное довольствие. Проще - отправлять в исправительно-трудовые лагеря ОГПУ.

Под благоприятной обстановкой вожди понимали равенство в предмогильной нищете. Вид на жительство в советской деревне получал только колхозник. Как типаж уже где-то предсоциалистический он переводился на строжайше нормируемый паёк. Внутриколхозный паёк был той соломиной, за которую утопающей деревне надлежало хвататься.

Предвидя то, что тяга к пайку будет несоразмерной и что социализм кормит только самых преданных, партия сразу же сосредоточила теоретическую подозрительность на фундаментальных категориях - колхоз и колхозник. После углубленного научного анализа всем хозяйствам категорически рекомендовали переходить на устав артели. Коммуну, в которой к общему столу лезет без спроса и сопливый, и дряхлый, возненавидели. Различия между утопическим и научным социализмом можно было определить на вес. Унижать ленинскую кооперативную мечту до богачельни и пошлого приюта никому не позволено.

Другое дело артель. Здесь в штате только внесший пай и постоянно работающий. Вся остальная мелочь - иждивенцы, которые вправе просить, но не требовать. О дряблых и дряхлых и рядиться не стоит. Перед нынешними-то можно развести руками - ну не успели для вас создать светлое будущее. Коммунизм строить, сами понимаете, не шапку шить. А старье

тридцатых, те и вовсе чистые нахлебники общественного стола.

Проблемы возникли с бабой. Казалось бы, классический типаж, свая колхозного строя. Думаете её прямо с набегу взяли в артель? Ничего подобного! Долгое время она оставалась внештатной тягловой единицей, подлежащей мобилизации по первому зову партии. Заработанные ею трудодни записывались штатному родителю или мужу. Вот пайка ей не полагалось, потому как не член. Баба она при мужике и есть баба. Потом, когда коммунаров-самцов замордуют и пересадят, она получит высокое звание колхозницы. Как наследный хомут и неоплатный исторический долг.

После формального закрытия массовых выселений вызрел судьбоносный вопрос - "кого теперь?" Вождь провозгласил тезис о крутом нарастании классово-борьбы, особенно в деревне, а области и края уже отчитались о полном уничтожении кулака. И уральское дикополье взялось окультуренным колхозником. Правда, газеты ещё год-полтора, и скорее по инерции, пошумят про кулацкий саботаж, постепенно мельчая в предмете до подкулачников. Тема протухла и души почти не выворачивала.

Слово вождя сильнее факта. Ядро диалектического противоречия обнаружилось в самом колхознике. Истина давно билась к свету. За полгода до съезда деревенских ударников, на котором Сталин выложил догадку о внутреннем недуге колхозника, озарение нашло на коммунаров Ключевского сельсовета, что в Бишкильском районе. "Вот пришло время расправы и с нами-бедняками, - свидетельствует в режиме прямой речи оперсводка ГПУ, - прошлые годы расправлялись с кулаками, а теперь зажмут нас. При Советской власти мы ничем не отличаемся от барщины..."

Сказано вроде бы и верно, да научно слабовато. Чувства много. За теоретически слепое пророчество двоим дали по сроку. По советским стандартам небольшому - по пятилетке.⁷⁸

Копать надо глубже. В режиме должного, то есть в качестве деревенского гегемона, колхознику при-

лична прогрессивная самоотверженность (можно наоборот). Как живая конкретная особь он вороват, ленив и не дурак поест. В щель между должным и сущим следовало вогнать раскалённый клин классовой борьбы. Расщепить колхозника на ударника и вредителя.

Пришла беда - отворяй ворота. В тот год её привалило, хоть в зарод мечи. Голод, классовая борьба, кобылка, засуха. Ранним летом на деревенский Урал навалилась эпидемия невиданной ещё болезни. Начинаясь она с кашля и подозрительной сыпи, потом слабость, понос и затем резкое изменение состава крови. Чаще всего дело заканчивалось смертью.

Первой диагноз поставила партия - кулацкий террор. В ружьё подняли все уральское ГПУ и споспешествующие ему органы. "По имеющимся в областной прокуратуре сведениям, - читаем очень секретный документ от 1 августа, - за последнее время в области наблюдается большое количество падежа скота на почве отравления, а также и случаи массового отравления людей, особенно в колхозах и коммунах..."

Внутренности павших животных направляются для исследования в областную судебно-медицинскую лабораторию, причём при лабораторных исследованиях до 40% дают положительный результат на мышьяк... Всё это даёт основания полагать наличие умышленных вредительских действий, притом действий организованных, а не случайных и единичных".⁷⁹

Логика подозрений безупречна. В самом деле, эпидемия в основном косила скот и народ, идущий по столбовому пути. Кулацкий вариант версии напрашивался сам собой. Как и то, что террористы могли столь успешно действовать только через колодцы и водопой. В профилактических и оперативных целях там выставили дозоры. Ежедневно, морщась и зеленея от страха, пробовали воду на вкус. Сельсоветы получили строжайшую директиву - никаких подозрительных в деревню не пускать, а если таковые объявятся, немедленно арестовывать и препровождать под охраной куда следует. Пионерский резерв сидел ночами у колодцев, сквозь сон мечтая о подвиге.

Деревенщина, между тем, продолжала отходить в вечность по изложенной выше технологии. К приятному удивлению властей обнаружилось, что бог подбирает самых убогих. Начисто вымерло несколько посёлков. Местные медработники в ответ на озлобленные взгляды чекистов сокрушённо разводили руками. Вполне возможно, что кто-то из них догадался о причине эпидемии, но молчал. Связывать заболевание с голодом категорически запрещалось.

Тому примером частный факт из жизни Ярково-ского района. "Масла подлил в огонь фельдшер, который приходящим к нему на приём колхозникам давал заключение, что они болеют от недоедания и голода, и давал предписания правлениям улучшить питание; он привозил в райбольницу образец хлеба и спрашивал - можно ли с такого хлеба работать. После осмотра 50 человек колхозников он сделал заключение, что они от недоедания и голода имеют старческий вид..."

За такие заключения, а также за другие поступки, направленные в помощь кулаку и против коллективизации и хлебозаготовок, сбора семян и лесозаготовок, этот фельдшер отдаётся под суд".⁸⁰

Дальше больше. В порядке следственного эксперимента закрыли в глухом карантине несколько сёл. Не помогло, трудящиеся дохли и там. Если не работают местные причины, подумали партийно-советские лидеры Урала, не свалить ли всё на международный империализм. "Здесь налицо диверсионный акт, - категоричен секретарь Уралобкома ВКП(б) Кабаков в письме Сталину, - и Урал выбран как "опытное поле" для применения бактериологической диверсии".⁸¹ Далее он предупреждал вождя о возможности более широких бактериологических провокаций.

Прямой вины международного империализма установить, к сожалению, не удалось. Срочно выброшенные в районы эпидемии медицинские бригады из Москвы и Свердловска нашли, что население пострадало от чрезвычайно редкой в практике септической ангины, вызываемой употреблением в пищу перезимовавших под снегом колосьев. Накапливающиеся в зёрнах токсины и вызывают опасную болезнь. Весной

тридцать третьего вся заголодавшая деревня, особенно колхозники, промышленяла сбором колосков и гнилой картошки.

Научно болезнь именуется аментарно септической алейкией, в простонародье её обозвали колхозным диатезом. Вот гнилая картошка, хочу сказать как человек опытный и дважды переболевший септической ангиной в послевоенное детство, продукт абсолютно полезный. Положительного мнения не изменит даже пикантный момент приготовления картофельных лепёшек. Червей, которые попытаются из них выбраться при нагреве сковороды, следует брезгливо, или не привлекая внимания со стороны, смахнуть. А всё остальное, как при живом продукте.

Побочным результатом работы медкомиссий стал круглогодичный запрет на собирательную деятельность. С полей теперь выгоняли и под зов весенних вод. Жестокость указа "семь восьмых", таким образом, игриво переплелась с высоким гуманистическим порывом. Рухнула и первоначальная версия - однопричинности падежа скота и колхозников. Скотомор объяснялся банальным обстоятельством. Кормить бы его надо, осторожно посоветовали выездные ветеринарные комиссии. Создатель, к тому же, не полагал, что на коровах будут пахать.

Засуха пришла, когда голод был в зените. Оправдать его вторую советскую голодуху по силам только историку-шулеру. Весенняя сушь при варварских условиях сева краденым зерном дала понять, что зубы с полки не придётся снимать очень долго. Надо бы весной хлеб съесть, сетовали мужики, видя, во что обратилась политика безумного расширения посевов.

Осень обещала быть сердитой. И убирать особенно нечего, но государственный взгляд наливался подозрительностью. К концу августа межрайонные комиссии были обязаны дать сведения о видовой урожайности по всем районам. Затем эти данные подлежали проверке комиссиями государственными. В постановлении ЦК ВКП(б) по этому поводу сулилось "дать решительный отпор всякого рода местническим, антигосударственным попыткам к сокрытию урожая".

Уралпрокуратура довела партийную идею до уголовной нормы - шить статью 111 УК всякому, замыслившему недоброе. Завышение урожайности не каралось. Прессе запретили хотя бы окольно говорить о видах на урожай.

В экономических обзорах засуха исчезла. Но поддых ударила другая нечисть - кобылка. Дурной да ленивый ждёт всё и сразу. С агрономической стороны штурмовой вариант решения зерновой проблемы выглядел ещё авантюрнее. Вся мыслимая и неммыслимая этимологическая мерзость вылезла на беспризорные колхозные поля. Позднее областное земуправление признается, что в сельскохозяйственном Южном Зауралье кобылкой было высечено около половины зерновых.

Борьба с кобылкой приняла чрезвычайные советские формы. Сказать очень скромно - героические. Первыми вытолкнули из окопов журналистов и пропагандистов. Потом пошла гвардия уполномоченных. В июле месяце все человекообразные враги социализма, не исключая даже папу римского, получили передышку. Соввласть обрушилась на насекомых. Выго-реть бы саранче дотла, умей она читать газеты. Местная печать затемнела гневными призывами, зрительное впечатление от которых усиливалось крупными некрологическими шрифтами.

Украшением антисаранчовой кампании явилась организационная сторона. На деревне ввели всеобщее агроминимальное образование, повсеместно в плановом порядке создали агротехнические вообще и кружки по изучению вредителей сельскохозяйственных культур. По контингенту и посещаемости занятий надлежало отчитываться. Дело поставили столь основательно, что обязали местных активистов сдавать агроэкзамен. Какой ты к чёрту коммунист, если не отличишь овса от ржи или, скажем, вошь обыкновенную от более вредных общему благу насекомых.

Организационно-идеологическую работу в тылу из истории не выкинуть. Натурально предположить, что за кобылку немало руководителей было осуждено, на предположениях пока и остановимся. В смысле

реальной борьбы с саранчой надо бы грустно вспомнить про поголовно мобилизованных баб, героически травивших кобылку и себя, так как работали безо всяких средств химзащиты. Они падали в обмороки, блевали и корчились от отравлений, но кобылку заморили.

Золото голодных осенних дней восстановим по лирике архивных бумаг. "Товарищ Сталин! - обращается к вождю колхозник из Слободо-Туринаского района Иван Павлович Потапов. - Прошу ответить. Вы пишете в газете, что надо сделать колхозников зажиточными, на деле получается наоборот. Артелью план выполнен на 100%, но дан встречный план, семена засыпаны полностью, оставшийся хлеб разделён и выдан колхозникам. После этого розданный колхозникам хлеб собрали обратно и был спущен третий план... В данное время колхозники остаются без хлеба совершенно".⁸²

На местной почте письмо выловили и передали в райГПУ. На жажущего справедливости завели скорое дело. И зря, откуда ему знать, что в ту осень вождь приказал не устанавливать колхозам обязательных планов и вести заготовки до полного изъятия урожая.

Арест Ивана Павловича истории не потряс, ибо был явлением не типичным. К тому времени толстовцы-правдоимы уже выродились и в моду входили не философские размышления, а доносы. В соседях по тюремному покою оказались даже вчерашние очень кадровые работники. Спрятать простого колхозника за решётку, что два пальца обмочить. Хлебозаготовки голодного тридцать третьего открыли эпоху массового кадрового вредительства, когда и при высокой должности не следовало зарекаться от случайной тюрьмы. Пока не будем нагонять судебно-следственный туман на ретроспективу колхозного строительства, а заглянем лучше в итоги хозяйственного года.

В приводимых экономических миниатюрах районы взяты совершенно случайно, а хозяйства выбраны по благозвучию имён.

Начнём. Колхоз ВИЛ (Владимир Ильич Ленин) Аргаяшского района: "Семенных и фуражных фондов

нет. На трудодень ничего не осталось, авансом выдано по 500 граммов зерна на трудодень." Колхоз "Победим!" того же района: "Семенных и фуражных фондов нет, на трудодень ничего не остаётся, аванс по 0,576 кг. на трудодень. Должен государству, МТС, соседям..." Щучанский район, колхоз "Путь Ленина": "К распределению на трудодни хлеба не осталось..." Колхоз "Интернационал" Ялано-Катайского района: "На трудодень выдано по 400 граммов хлеба и 0,310 копейки".⁸³

Немного конкретнее и по благу о хозяйствах родного Половинского района. Артель "Путь культуры". Трудоспособных 63 человека, план посева выполнен на 100%. Погибло от засухи и высечено кобылкой 51% посевных площадей. Валовой сбор зерна 728 центнеров, урожайность 1,15 центнера с гектара. В план обязательных зернопоставок сдано 550 центнеров, в погашение семенной ссуды - 108 центнеров. Семенных и фуражных фондов нет, на трудодень авансом выдано по 500 граммов хлеба.

От себя добавлю, что артель прозябала в бывшей богатой и казачьей станице Воскресенской, где ещё пару лет назад народ дружно бунтовал. Про то сказано в одной из глав. Социализм победил и здесь, в год на едока пришлось по 22 кило отходов.

По мнению колхозников соседней артели "Комбайн," это совсем неплохо. Где-то даже хорошо. Завистники план посева выполнили тоже на 100%. Из 244 гектаров погибло от засухи и высечено кобылкой 213 гектаров. Валовой сбор зерна 41 центнер. В план обязательных зернопоставок сдано 74 центнера, семенной ссуды возвращено 108 центнеров. Как!? План зернопоставок и семенной ссуды, поясняет документ, выполнен за счёт хлеба, причитающегося на трудодни колхозникам соседней артели "Стальной пахарь".⁸⁴

Подавляющее число подобных миниатюр, называемых экономической характеристикой хозяйства и собранных в партархивные тома 1933-1935 годов, резюмируется классически - направить в колхоз платного парторга или активного комсомольца, знакомого с основами счетоводства.

Классика русская и классика советская - две большие разницы. Классик дореволюционный в своё время советовал каждой нищей российской семье приобрести полезнейшую книгу Даниэля Дефо "Робинзон Крузо". И использовать её в качестве практического пособия - как сварить щи из ничего.

Партия приказала каждому колхозу иметь по партсекретарю, который жарил бы коммунаров в хвост и гриву. Вторая разница состоит в том, что Михаил Евграфович дурачил читателя, единолично обладая великим умом, а классики ленинизма на полном серьёзе гнали коллективную дурь.

Быть бы второй советской голодуре серым невыразительным пятном на биографии покойного Союза, не окажись тридцать третий к тому же ещё и годом перестроечным. Всякое реконструктивное начало, этой мыслью открывается глава, придаёт соотечественнику ощущение крупной зыби и живой криминальности бытия.

Объектом реформирования стала система заготовок сельхозпродуктов, которая, по партийным директивам, отстала от злобы дня. Раньше продукт выжимался из деревни путём принудительной контрактации, то есть оформлением фиктивных договоров на кабальных условиях, диктуемых государством. Система была несовершенной, оставляя за мужиком, да и колхозом, право на юридическую волокиту. Бумажная работа и деревенское упрямство действительно надоели.

Гром той перестройки грянул в конце тридцать второго. Спаренной директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) существующую контрактационную систему, исключая пока зерно, отменили. Власть повелела отныне установить для колхозов и единоличных хозяйств имеющие силу закона твёрдые обязательства по сдаче мяса, молока и других продуктов. Цены назначало государство.

В новогоднем поздравлении землякам - директиве Уралобкома и Уралсовета от 31 декабря - дословно воспроизведён текст московского приказа и присовокуплены нормы оброка по всем видам продукции.

Каждый единоличный двор, имеющий 30 соток земли и независимо от имущественного положения, должен был сдать государству 45 кг мяса, 280 литров молока, 540 кг картошки и там всякие шерсть-яйцо. Для колхозников, имеющих личное хозяйство, оброк установили с некоторым послаблением - 29 кг мяса, 220 литров молока соответственно.⁸⁵

В январе 1933 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимают очередное постановление - "Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами". И тут прежняя контрактационная система отменялась и устанавливались областные нормы сдачи зерновых с гектара посевных площадей. По Большому Уралу норму сдачи определили в два центнера с гектара.

В июне того же года деревню добивают постановлением "Об оплате колхозами натурой работ, произведённых машинно-тракторными станциями по договорам с колхозами". "Натуральная оплата колхозами услуг МТС, - говорится в документе, - имеет важнейшее значение как для содержания и усиления существующих МТС, так и для покрытия расходов государства по созданию новых МТС".⁸⁶ Машинно-тракторно-государственный оброк взимался с урожайности, потому власть бдила видовую урожайность зорче самого колхозника.

Самое замечательное в новой манере заготовок, обратившей цивилизованную идею социализма в советское феодально-оборочное хозяйство, - сила закона. Взамен договора госпоставки следовало считать первоочередной обязанностью (газетно - и почётным долгом) каждого экономического субъекта. Раз так, то государство вправе во внесудебном порядке изымать причитающийся ему продукт, а в случае недоимок расправляться с должником по своему усмотрению. Убедительности ради приведу выдержки из указанных документов.

"Колхозы, не выполнившие своих обязательств по сдаче хлеба государству в установленные... календарные сроки, подвергаются через сельские Советы дежнему штрафу в размере рыночной стоимости

невыполненной части обязательства и сверх того к этим колхозам предъявляется требование о досрочном взыскании всего годового обязательства, подлежащего взысканию в беспорядном порядке...

Колхозная торговля хлебом будет разрешаться только после выполнения установленного плана хлебозаготовок в целом по республике, краю, области и полной засыпки после выполнения плана хлебозаготовок семенных фондов... Единоличные хозяйства, не выполнившие своих обязательств по сдаче зерна государству к установленному настоящим постановлением сроку, привлекаются к судебной ответственности по статье 61 УК РСФСР и в других республиках по соответствующим статьям уголовных кодексов этих республик".⁸⁷

"Предоставить машинно-тракторным станциям право беспорядного взыскания натуроплаты с колхозов, задерживающих оплату натурой произведённых МТС работ... Причитающееся машинно-тракторным станциям от колхозов зерно по натуроплате за произведённые МТС в колхозе работы должно быть сдано машинно-тракторным станциям полностью и безоговорочно, в полном соответствии с расчётами произведённых МТС в колхозах работ и установленных норм оплаты".⁸⁸

Теперь воспроизведу общую картину реформированной системы хлебозаготовок, просуществовавшей с небольшими изменениями, обычно в сторону ужесточения, более тридцати лет. Итак, области, исходя из фактических площадей, устанавливается годовой план поставок. Если фактически засеянные площади меньше плановых, расчёт поставок идёт по последним. Государство не должно страдать от провинциальной нерасторопности.

Особая статья - поставки единоличного сектора. С 1933 года он попадает под строгий государственный контроль. Уговоры да увещевания закончились. Было введено жёсткое планирование индивидуальных посевов, в январе хозяину вручалось задание по севу в разрезе отдельных культур. Принцип расчёта поставок тот же: если засеял меньше - сдаёшь по плановому

клину, вывернулся и осилил больше - под хлебосдачу идут фактические площади. Норма сдачи с единоличного гектара, особо подчёркивается в высоком постановлении, должна быть на 5-10% больше колхозной.

Разведённый по районам и хозяйствам объём госпоставок загонялся в строгий календарный план по пятидневкам. Обычно он укладывался в первый месяц уборочной кампании. К этому плану жёстко привязывался график необходимых работ - кошение, обмолот и вывозка хлеба. Его соблюдение носило характер закона.

Тот, кто смеётся в адрес мелочного регулирования деревенского производства, не видит глубины государственного пролетарского резона. Темп сдачи зерна должен быть предельно высоким. Дело тут не в высокопарной фразе большевизма, а в шкурных мелочах тому сопутствующих.

Если косовица и обмолот, к примеру, опережают план поставок, колхозники, весьма вероятно, почнут хлеб жрать. В равной мере преступно, что съедят в колосьях, что в чистом зерне. Пустобрюхий колхозник вкуче с мизерной урожайностью делают ситуацию чрезвычайно криминальной. Жизнь нашла достойное решение. Колхозников в данном случае надо авансировать. Пусть едят свой хлеб.

Подозрения на буржуазное потребительство возникли и в другой ситуации, когда темп хлебосдачи отстаёт от планового. Даже при нормальном ходе работ. Центральный комитет ВКП(б) мудро предусмотрел наивную мужицкую уловку. У хозяйств, вспомним цитируемую часть постановления, отстающих от пятидневного графика хлебосдачи, подлежало выгребать всё до последнего зёрнышка в зачёт досрочного погашения годового плана. И сверх облагать штрафами.

Вопреки декларируемой хозяйственной самостоятельности при выполнении плановых заготовок по сельсоветам и районам колхозы сидели на солидарной ответственности. Если артель не могла вытянуть план, у трети хозяйств Урала в год Реформации и последующий тридцать четвёртый погектарная норма поставок превышала урожайность, хлеб изымался у

более удачливых соседей. В порядке взаимного межколхозного кредита.

Соседи оставались на голодуху, но баланс положительно сальдировался заоблачными долгами. Если раньше за гневными упрёками коммунаров одного колхоза к другому обычно скрывалась пропагандистская газетная провокация, теперь межартельная ненависть подпиралась экономически. Власть поощряла подобные проявления общественного самосознания.

“На крыльчке твоём каждый вечер вдвоём...” Эх молодость! На фоне нежной и чистой любви, которой отдан известный фильм, споры о колхозных планах кажутся притянутыми за уши. Конечно, с творческой стороны это уродливо. Идеологическая контузия. А с другой стороны, почему бы и не поспорить, работаем-то по-разному, а голодовать придётся одинаково.

Единоличник во всех заготовительных делах рисковал собственной шкурой и имуществом. Летом тридцать третьего было замечено, что индивидуалы и колхозники в равной мере прибегают к практике тайных посевов. Особенно в глухих углах Урала и на границе с Казакстаном. Хлебные заначки немедленно конфисковывались, а хитрожопых хлеборобов выслеживали и командировали под дедушкин указ.

Вторая часть первоочередных колхозных платежей - нагуроплата за услуги МТС. У нас давно сложилось восторженное восприятие исторической роли машинно-тракторных станций. Как же, техническая основа крупного механизированного производства! Впечатление настолько сильное, что порой толкает к недоумению - как же в Европах-то обошлись без МТС? История становления МТС, если это не партийный вариант демагогии, показывает, что они являются не продуктом организационно-технической мысли, а изощрённой формой ограбления деревни.

Тридцатилетнее существование МТС процветания советской деревне не принесло. Как и городу. Миллионные тиражи тракторов, комбайнов и иной техники, направленные в сельское хозяйство, поражают воображение именно своими масштабами, а не конечным

результатом. Всё ушло в песок колхозной и государственной бесхозяйственности.

В своём юном возрасте, ещё до введения новой системы госпоставок, колхозы отчаянно избегали сотрудничества с МТС по причине грабительских условий. Разорительные “услуги” навязали им кнутом. Можно обвинить земляков в патриархальщине. Обычный аргумент: тащили, мол, мужиков за волосы в светлое будущее. Я не склонен дурно думать о прародителях. Многие из них ещё в единоличниках мечтали о тракторе и порой в складчину покупали. Сейчас им противостояла не просто машина, а инструмент государственной эксплуатации.

Ностальгия по киношным МТС щиплет сердце при виде сегодняшнего разорения машдворов. Помнятся колонны новеньких тракторов, умные, в кителях с гражданской, механики, копия молодого Леонида Осиповича - механизаторы. Прямо жаль, что дело складывалось не так.

Машинно-тракторные станции колхозного отрочества существовали больше на бумаге. Их штат исчерпывался руководящим звеном - директором, механиком, агрономом и бухгалтером. Трое последних сразу же главные. Штатное расписание, как и персонажи его заполняющие, обязательно утверждались Москвой. В основные фонды МТС записали сельхозорудия, которые были конфискованы при раскулачке или отобраны у колхозов в порядке централизации тракторного парка.

Своих рабочих не было. В качестве механизаторов привлекались те же колхозники. Сформированные таким манером тракторные бригады и работали в услугу. Всё как прежде: колхозный трактор с колхозником-механизатором за рычагами, но теперь за это удовольствие надо было отдавать больше трети урожая дяде, который именовался МТС. Четыре эмтэсовские кадровые души давали государству около половины заготовок. Вот это технический прогресс! Не буржуазный, а большевистский.

Артели обязали кормить “привлечённых” в МТС работников и оплачивать их труд. На халяву душа на-

распашку. Наркомат земледелия в тридцать третьем установил расценки для механизаторов не менее 2,5 рублей деньгами и 3 килограммов зерна на трудодень. Откуда такие хлеба и деньги у колхоза? Про хлеба уже сказано, очередь разговора про деньги. Таковых у сталинского колхоза не бывало. История Госбанка не даст соврать, колхозные счета всегда были открыты для бесспорного изъятия любых долгов. А долги были всегда и большие.

Говоря о финансовых возможностях уральского колхоза, приведу действительный, но почти литературно образный факт. Коммунары колхоза "Единение" Далматовского района в тридцать четвертом обратились к секретарю обкома ВКП(б) только что организованной Челябинской области Кузьме Рындиному с жалобой - три года не получаем ни копейки. Новому вождю области хотелось выглядеть достойно, поэтому дело поручили уполномоченному.

Жалоба оказалась необоснованной. Последние три года на трудодень приходилось по 3-5 копеек. Булка хлеба, для ориентации, в городской торговле стоила три рубля. Но колхозников угораздило записать в устав обязательство помогать друг другу при стихийных и прочих бедах. В первый же год у одного из них отравилась тёлка. Воодушевлённые идеей социалистической взаимопомощи, колхозники взяли в банке кредит и возместили пострадавшему ущерб. Кто же знал, что проклятая тёлка с лихвой закроет трёхгодовой фонд зарплаты всего колхоза.⁸⁹

Натуроплата за услуги МТС, предоставленные колхозу, рассчитывалась так. На все виды работ, при этом право выбирать их оставалось за старшим братом колхоза, устанавливалась жёсткая норма отчислений в натуральном измерении, в килограммах. Стоит ли обвинять МТС в том, что они любили хлеб убирать и лытали от посевных работ. Нормы завязывались на урожайности. С повышением её росли и ставки натуроплаты. Кроме того МТС забирало 9% намолоченного зерна уже независимо от урожая.

Обобщённо это выглядело так. При урожайности 3 центнера с гектара МТС по всему комплексу работ

полагалось 65 килограммов, урожайность 10 центнеров обязывала колхоз платить 3,5 центнера. При обычных 7-8 центнерах услуги МТС изымали треть урожая. Помимо этого артель несла затраты по обслуживанию тракторных бригад: оборудование полевого стана, подвозка горючего и запчастей. Любой простой трактора оплачивался колхозом.

Рядовых работников МТС обвинять в грабеже деревни не стоит. Хлеб, намолоченный натуроплатой, пролетал мимо их рта и подлежал немедленной сдаче на пункты заготзерно. На всё про всё механизаторам оставляли 5% хлеба при условии полного расчёта колхозов по натуроплате. Некорректное условие делало рядовых механизаторов заложниками колхозной нищеты. В конце концов МТС разрешили засеять небольшие площади для себя, для самообеспечения.

Таким образом, спаренный агрегат госпоставки - натуроплата обеспечивал полное ограбление деревни при любых климатических и погодных условиях. Засуха и плохой урожай - хлеб изымается через госпоставки (с площадей), хороший урожай - колхоз стригут натуроплатой. В любом варианте из колхоза вымолачивали до двух третей урожая.

По тем культурам, которые обрабатывались исключительно собственными силами и не подлежали натуроплате в пользу МТС, таковыми были технические культуры и овощи, государство предусмотрительно отбирало в поставки те же 60-65 % урожая. В отношении хозяйств, не попавших под крыло МТС по причине удалённости, механика поборов упрощалась до эквивалентного повышения погектарной ставки.

Быть бы колхознику давно ископаемым существом, живи он на один трудодень. На него можно лишь краткосрочно голодать. Лучшая часть скабрезного деревенского юмора вращалась вокруг этой темы. С потерей зернового семейного дохода сельский мужик натурализовался и осел на личное хозяйство. На первых порах индивидуальное хозяйство раздражало пролетарское государство идеологически, как эмбрион капитализма.

С ростом колхозной бесхозяйственности злость усугублялась. Частная корова необычно долго жила и доилась, а картошка на своих огородах вовремя цвела. Нынешней деревне вполне ясно, почему колхозная "Нива" бегаёт всего три года, а своя и в двадцать молодуха. Терпение когда-то должно было лопнуть ещё и от того, что мужик всё упрямее сопротивлялся контрактации. За три года под страхом высылки смирился с колхозной принудилкой и, значит, отвык от сытой жизни. Власть добралась до последнего. С декретом об обязательных поставках продукции личных хозяйств грубо растоптали последнюю надежду мужа жить по-своему.

Каждому двору, повторю, первоначально прописали сдать 280 литров молока. Вскоре оброк подкинули до 415 литров. Эти бы литры да европейской технологически узкого профиля корове. Густяк, две-три недели без натуги. Корова эпохи великого перелома - существо универсальное и подмобилизационное. Было замечено, что при использовании бурёнок в качестве тягла, те провокационно сбрасывают надой и жирность. В зените коровьей эпопеи (1933-1935 годы) надой составлял по 700 литров на дееспособную особь. На фуражную, та, что числится по кормовой ведомости, будет значительно меньше.

В механике молокозаготовок заложено много тонкостей, которые доступны только очень заинтересованному человеку. Декретом установили нормальную жирность молока 4,2%. О таковой мечтали ещё во времена расцвета уральского маслodelия. При пересчёте на фактическую жирность оброк возрастал почти в полтора раза.

Другая уловка тоже далёкого ума. План заготовок давали не под фактическое поголовье, а под потенциально возможное к продуктивности. Под стопроцентное, прямо говоря, покрытие. Промахнулась, к примеру, тёлка, или просто не захотела и на тебе, покупай хозяин полтора пуда масла в погашение молокообязательств. По подсчётам облземотдела до сорока процентов коров, занятых в посевной, к быку не тянуло вообще. Фронт партийной работы обогатился борьбой

с яловостью. Профессионально заглядывать в подхвостку уполномоченные научились раньше, но полной победы не принесло и искусственное осеменение.

Вечерами и утрами потянулась деревенщина с подойниками к приёмным пунктам, называемым молококанками. Тянулась по всей стране и двадцать лет кряду. Коровёнка вроде бы своя, а молоко государственное. А впрочем, своя ли корова-то? План поставок давался загады и на весь год, поэтому забой единоличной, к примеру, скотины рассматривался как прямой саботаж заготовок. С уголовными последствиями. Падёж скота в обеих секторах деревенского хозяйства подлежал строгому актированию в свете подозрений на умышленное вредительство.

Уголовных дел по этому поводу сохранилось мало, и они сюжетно скучны. Вот типичная ситуация. Вдова просит забрать у неё телушку хотя бы в зачёт мясазаготовок. Кормить нечем, а если пропадёт, то хозяйку посадят. Заготовители бы и не прочь, но боятся соучастия в саботаже молокозаготовок. Скотина всё-таки пала, а хозяйка села.

Голый принцип - дурак, если его уздой набросить на жизнь. Молока в госторговле не было и не стало. "Срываются планы молокозаготовок потому, что на севе не было ни одной лошади, всё пахали на коровах. Кроме того не хватает кормов". (Камско-Берёзовский район). "Скот исключительно на ржаной соломе... Дело упирается в нехватку посуды, сейчас обходимся деревянными кадками". (Ворошиловский район).

"Фактически дело обстоит таким образом, - итожил ситуацию секретарь Уралобкома ВКП(б) Кабаков на совещании, из материалов которого взяты предшествующие цитаты, - что не выполняется план, город не может получить литр молока, потому что пока план не будет выполнен, город не имеет права его продавать. И вот летом в силу такой хамской работы у нас ребятишки в городе без молока".⁹⁰ Молоко перерабатывали на масло, а последнее шло в экспорт.

Секретарь говорил правду, до выполнения годового плана любая торговля предметами госпоставок каралась конфискацией и уголовным преследованием.

Типичный из многих сотен документ той эпохи. “Запретить колхозную и индивидуальную крестьянскую торговлю картофелем на городских и сельских базарах, железнодорожных станциях и пристанях с 1 сентября... Установить, что колхозная и индивидуальная крестьянская торговля картофелем будет разрешена лишь после выполнения годового плана сдачи картофеля государству по республике, краю, области в целом”. Бумага подписана Сталиным и великодушно разрешает продажу картошки только на перегонку в спирт.⁹¹

Второй документ тоже подписан вождём, но будет хитрее. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от августа 1935 предписывает начать авансовую сдачу скота в зачет плана 1936 года. По молоку никогда плана не выполняли, а потому и авансовых поставок не было. Под страхом массового падежа от бескормицы или эпидемии скот порой сдавали аврально. Ненадолго опережающий естественную смерть забой засчитывался авансовой сдачей.

Вспомним про молоко. “Хамская” работа выглядела так. Большую часть молока в первый год сгноили. Техническая база уральского маслоделия была с остревением разрушена при раскулачивании. Приёмные пункты не могли переработать оброчное молоко. На этой почве, говоря штампами перелома, родилась особая фракция деревенских вредителей - молокозаготовители. Переработать продукт они не могли, не принимать - тем более.

С мясозаготовками было ещё веселей. Принцип прежний - плати, или недоимки, конфискация в хвосте статьи 61 УК. По молоку план доводили хозяйствам, имеющим продуктивный скот, мясозаготовки носили вседворный характер. 48 килограммов мяса подлежало сдать и тому двору, по которому и худая курица не перебегала. Под обязательные поставки попадали рабочие и служащие, если таковые держали индивидуальное хозяйство.

Принцип поставок других видов продукции мало отличался от изложенного, то есть имущественное положение не принималось в расчёт. Чтобы расши-

рить оброчный горизонт, в тридцать третьем власти развернули шумную кампанию по борьбе с бескоровностью колхозников. Передовикам стали продавать колхозных тёлочек. Тогда же членам сельхозкоммун (к чёрту утопию!) разрешили иметь личный скот.

Земляки сразу же нащупали второе дно кампании. “Не нужно брать тёлочек, цены очень высокие, а выдают вам их только для выращивания, а не насовсем. Потом коров отберут в колхоз”. Колхозники явно догадываются, сообщали “секретные” сводки ОГПУ и квалифицировали такие движения мысли и слова как антисоветскую агитацию, что тёлочек дают с тем, чтобы сразу навесить план молокозаготовок.

Советской власти, как и аспирантке профессору, отказывать не принято. Почти молча роптала душа, когда скотину уводили с родного двора. Теперь молча скрипели зубами в ответ на бесстыдное предложение купить свою корову. Приватизируемые тёлочки, может быть, и радовались тому, что выбрались из колхозного концлагеря. Но восторгов колхозника по сему поводу документы не отметили.

В государственном архиве кинофотодокументов я встречал несколько сюжетов о торжественной передаче колхозных коров на поруки. По сути это демагогия, имеет смысл говорить лишь о художественной и постановочной стороне такой хроники.

Итак, каждый живущий своим двором крестьянин должен был ежегодно сдавать государству хлеб, молоко, 45 килограммов мяса, полтонны картошки, около килограмма шерсти, полторы шкуры с той же овцы и полтысячи штук яиц. Всё это помимо чистопородных денежных платежей, знакомых нам по первой главе. Нормы сдачи для колхозников и полугорожан были чуть ниже, но не обидными для пролетарской власти.

Вокруг натурального оброка развернулась очередная деревенская драма, грустные обломки которой так и не всплыли на поверхность отечественной истории. Сначала всё было секретно, а теперь не очень актуально и трудоёмко. Споры нет, история авторитетных мнений намного дешевле систематизированного навоза прошлых поколений.

“Предусмотренные законом об обязательных поставках репрессии, - наставляет облпрокуратура прокуроров местных, - должны применяться в каждом отдельном случае к тому колхозу, который не выполнил в срок тот размер, который указан ему в обязательстве. Твёрдо учтите при этом, что выполнение районом месячного плана отнюдь не должно исключать применение репрессий к отдельным колхозам, не выполнившим своих обязательств...”

Применение репрессий должно в основном иметь решающее значение для выполнения своих обязательств по зернопоставкам со стороны других отстающих колхозов данного района”.⁹² Пугать надо колхозника, пугать как следует. О фактах эффективной воспитательной работы репрессивных органов на поле оброчном поговорим позднее, сначала о смиренно молящих.

Служил в красных, был пойман белыми и избит до полусмерти; в городе Шумихе судил военно-полевой суд - присудили к каторге, сидел в Александровском центре, освобождён красными. Позднее был признан кулаком и индивидуально обложен: 100 рублей сельхозналога, 200 рублей самообложения, 15 центнеров картошки, 25 центнеров сена, 5 центнеров мяса, 10 килограммов шерсти. За невыполнение этих обязательств был конфискован и продан дом.

Привожу конспект жалобы крестьянина Ялано-Катайского района Морозова Егора. Слывя мужиком умным, он отправил жалобу сразу в два адреса - в родной исполком и председателю Совнаркома Молотову. Всё сделал вроде бы правильно, местная власть отправила жалобу в корзину. Не большевик ты, а кулачина хитрозадый - утвердился в первоначальном мнении райисполком, когда из канцелярии СНК СССР пришёл дубликат жалобы с нейтральной рекомендацией - разобратся. И в жалобе с вызовом отказал.⁹³

Чтобы обращаться с жалобой по поводу неправильного ограбления, да ещё в высокие кабинеты, следовало быть скорее смелым, чем смиренным. Если жалобе давали ход, провинциальная власть в затребо-

ванных на истца документах поднимала такую густую ложь, что взыскующего впору ставить к стенке.

“Характеристика на ярого участника бандита Тамбовцева Ивана Григорьевича деревни Мало-Приютинской Петуховского сельсовета... Имел до революции ветряную мельницу и кулацкое имущество: дом пятистенный, двух лошадей, две коровы, мелкого рогатого скота до 10 голов... В ампериалистическую войну был младшим унтер-офицером, после семнадцатого года хозяйство имел большое, в двадцать первом году участвовал в банде, был взводным командиром... Бежал в Монголию... В 1933 году за вредительство осуждён на 10 лет с конфискацией...”⁹⁴

С такой биографией и на свободе? - удивились в райисполкоме. Власть с ужасом вспоминала ишимское восстание, а тут ещё и злостный хищнец. Ивану Григорьевичу пришлось забыть про отнятое и спасти себя. Живенько собрал показания свидетелей-однодеревенцев. Один под роспись свидетельствовал: обвиняемый до революции имел избёнку и одну лошадь.

Подозреваемый “был в 1917 году с большевиками, - сказал и подписался под тем сосед Фёдор Мандрыгин, - и во время взятия власти в свои руки чехословаками, которые выводили Тамбовцева Ивана на разстрел за ведение разъяснительной работы среди масс за Советскую власть”. В банду, выяснилось таким же образом, он попал под силой оружия, потом бежал и Монголии не выезжал, потому как дальше соседней деревни не выезжал. Про суд за вредительство писарь просто выдумал.

Сельсоветчик, однако, творил обдуманно. По первому времени на жалобы отвечали трафаретно, примерно так: “На основании постановления обкома ВКП(б) и облисполкома к мясозаготовкам привлекаются все без исключения единоличные крестьянские хозяйства и колхозные дворы независимо от имущественного положения и наличия скота. Обязательства на вас наложены правильно, имущество изъято законно”. Потом низовку на совещаниях стали упрекать. Сволочи, мол, нет что ошпарить жалобщика компроматом, вешаете всю вину на родную партию. Компромат не

грузди, согласились кадры низовые, можно собирать круглый год.

“Имею честь доложить областному исполкому, - бьёт изысканно челом ещё один осколок прошлого, - что моё имущество: дом, скотину, инвентарь и одежду в 1930 году взяли в государство без суда и следствия. Я тоже находился под судом, не глядя на то, что все налоги выполнял исправно. В настоящее время мой возраст 64 года, жене 60 лет. К труду я уже мало приспособлен. Живу на квартире, безработный. Нигде не принимают ни в сторожа, ни на производство за неимением паспорта. Обложен, однако, неподъёмным налогом: по мясу - 48 килограммов, по продналогу - 52 рубля и самообложению - 90 рублей, которые я уплатить не могу.

Ввиду вышеизложенного покорнейше прошу...”⁹⁵

Жалоба Смолина Исаака Егоровича вполне заслуживает интеллигентного ответа. “Выполнение обязательств по мясозаготовкам может быть произведено любым видом скота. Если у Вас сейчас нечего сдать, а у близкого Вашего знакомого или сродственника есть бычок или овца, которая весит больше его сдачи, он может по договорённости сдать и за Вас...”

Но Исааку Егоровичу ответили без души. А эту великолепную эпическую вещь получила в ответ семидесятилетняя гражданка сельхозартели “Пламя революции” Звериноголовского района Ефросинья Добровольская. Богатых сродственников и щедрых знакомых она не имела, а из живности держала только кота.

“Прошу Вашего разрешения, - обращается во власть жительница Викуловского района Екатерина Степановна Калинина, - разобрать моё дело в обвинении как классовых людей, которым я не подлежу и в настоящее время я вдова, имею пятерых детей от 12 лет и ниже (12, 11, 9, 6 и 3 лет - А.Б.), сама нетрудоспособная...”

Наложили на меня твёрдое задание, взяли у меня корову в январе месяце и лошадь 25 июля 1933 года, без которой наше семейство подвергается голодной смерти. Лошадь мою тут же продали единоличнику.

Сорвали посевную кампанию, которую я должна выполнить, посевной план посева, который я должна по обязательству... сдавать и урожаем ярового и озимого посева, что мне не придётся жать. А потому прошу снять с меня твёрдое задание и вернуть мне мою лошадь”.

Констатирующе-добывающая часть этого сырого от бабьих слёз дела безупречна по меркам международного трибунала. “План по пшенице Калининой Е.С. - 0,5 га. Выполнено - 0,11 га. Овёс план - 0,5 га, выполнено - нет. Лён - 0,5 га, выполнено - 0,15 га. Итого невыполнение по основным культурам - 1,34 га. Постановили: на основании статьи 61, часть первая УК подвергнуть Калининшу штрафу в пятикратном размере. Стоимость определить 200 рублей с га на сумму 1000 рублей. Предложить последней в течение 12 часов внести сумму штрафа, в случае невнесения взыскать в бесспорном порядке через продажу лошади”.⁹⁶

Закон есть закон. С иконы сталинского правосудия глядит в мир святая троица - статья 58, указ о пяти колосках и статья 61. За вредительство, за хищение, за недоимки.

“Справка дана гражданину села Ялым Гуляеву в том, что он по социальному положению середняк, семейное положение 5 человек. Скот - 1 корова, 1 телёнок сняты в контрактацию и деньги частью зачислены в уплату госплатежей, а часть выданы на руки Гуляеву. Что касается овец, то таковые в количестве 4 штук сняты в контрактацию за то, что паслись в колхозном табуне”.

“Я должна внести государству мясную поставку в количестве 29 килограммов... Считаю это неверным, мне 70 лет, я никогда не облагалась налогом, скота у меня нет никакого, а также и посева. Живу на квартире, что известно сельсовету...”⁹⁷

Две невзрачные жалобы приведены как общий мясозаготовительный фон. Стандартный отказ приведён двумя страницами выше. Про фон картовный и шкурошерстяной рассказывать не буду. Читатель, наверняка,

разумел - из каких доходов произрастало наше советское могущество.

Иногда горечь отказа смягчалась сладкой пилюлей. Пострадавшим-лишенцам возвращали избирательные права. Дабы свежим гражданам не вздумалось качать права, их категорически предупредили, что "восстановление в избирательных правах вследствие утраты кулацких признаков основанием для возврата имуществу служить не может"⁹⁸

Дом у них изъяли за невыполнение плана посева, хотя ни инвентаря, ни лошади уже не было. Всё осталось в колхозе, из которого их вычистили по старости. Просителям - супругам Кукловым из Миньярского района - было по семьдесят. Под просьбой вернуть лошадь или снять план обязательных поставок подписалось полдеревни. Дело металось по инстанциям два года, обрастая лохмотьями рукописных документов. Потребовалось даже вмешательство ВЦИКа. Справедливость опоздала. Оба старика по голоду умерли.⁹⁹

Стон чужой боли может надоесть. А под нами море человеческих слёз. Только в одном госархиве Челябинской области около двухсот толстенных томов с жалобами на государственный грабёж середины тридцатых. Это явно больше всего теоретического наследия марксизма-ленинизма от произведений основоположников до сборника речей Черненко. Лежат анналы реальной истории в сыром подвале. Мы отцвели снаружи, натурально мы советские. Зато странички, нацарапанные политическим бандитом и параноиком, бережно хранятся в тёплых, с кондиционированием, сейфах.

На долгие времена заготовительные кампании стали самым живым местом деревенской жизни. Суэта по сему делу понятна. До войны личное хозяйство Урала полностью кормило сельское население региона, наполовину городское и закрывало более трети государственных заготовок мяса, молока, шерсти. Про картошку и говорить нечего. Менялись нормы и сроки, но неизменными оставались деревенская убогость и внешний произвол.

Ещё в голодуху кое-где отказывались было увести со двора за недоимки последнюю корову. Что за единоличник без лошади или деревенская семья без коровы? Раз идёт борьба с бескоровностью колхозников, рассуждали сельские политики, зачем забирать у него имеющуюся скотину. Пусть она, милая, проходит и по отчётам конфискованного поголовья, и по отчётам борьбы с бескоровностью. То есть передать колхознику его корову в кредит.

Подлость в позолоте не понравилась ни Москве, ни области. От статистической акробатики государство проигрывало. Деньги от продажи конфискованного скота шли в бюджет, а снабжать колхозников коровами было предписано самим артелям. Приступ самостоятельности подавили циркуляром облпрокуратуры "О последней корове". "Взятая в порядке контракта или в порядке самообязательств последняя корова, - сердится документ, - как правило, возврату не подлежит".

Хозяйственная война вылилась в тысячи уголовных дел помимо дел недоимочных. Мужик находил изошрённые уловки: прятал скот на хуторах, втайне сеял хлеб и картошку, рассчитывался по мясозаготовкам не убоиной, а свежей пропастинной, разбавлял и фальсифицировал молоко...

Государство зело бдило. "При каждой попытке классово враждебных элементов, - грозит директива Прокуратуры СССР, подписанная гением советского лжесудия Вышинским, - сорвать или затормозить выполнение планов поставки мяса органы прокуратуры должны нанести быстрый и концентрированный удар. Во всех этих случаях действия этих лиц следует квалифицировать по статье 111, статье 61 или статье 58-14"¹⁰⁰

"Все дела, возникшие по срыву масло- и мясозаготовок, - брал вторым голосом Наркомюст РСФСР, - рассматривать в трёхдневный срок и с таким расчётом, чтобы от каждого следственного дела был результат"¹⁰¹ Один из персонажей Андрея Платонова ел глину, видя в ней самостоятельную сытость. Прокуратура СССР циркуляром "Об уголовной ответственно-

сти за срыв масло- и молокопоставок” учила репрессиями напрямую давить жиры из худосочного деревенского соотечественника. За сокрытие скота - статья 62 УК РСФСР, за сдачу фальсифицированного и снятого молока - статья 169 УК РСФСР...

Социализм крепчал. Со временем обязательные поставки утратили явность грабежа. Оброчная система выкристаллизовалась в заготзерно, заготживсырьё, заготскоты, уполкомзаги и иные вроде бы необходимые учреждения. Ладно власть, теперь каждая бюрократическая гнида помыкала народом как бесхозной скотиной. “Ко всем, уклоняющимся в выполнении обязательств, - директировал, к примеру, начальник Уралзаготскота Шлипперман, - применять репрессии, штрафы, беспорное изъятие скота, к кулацким хозяйствам - судебные воздействия и принудительное изъятие скота”¹⁰².

Что самое главное, в соотечественнике постепенно испарялась склонность к самобытию. Нищета не то по причине её всеобщности, не то из понимания её непреодолимости личными усилиями, а может под давлением идеологии, культивирующей самоотречение до последних порток, не воспринималась больше позором. Опыт страха научил улавливать лицемерие партийных деклараций.

Жить стало легче. В том смысле, что выпала внутренняя проблема бытия и, естественно, проблема личного выбора. Оставалась изошрённая способность выжить. Поэтому в 1939 году, когда по новому “Закону о сельскохозяйственном налоге” в дополнение к натурпоставкам ввели грабительский денежный оборок, деревня почти не роптала. Колхозник расстался с личными доходами спокойнее, чем в начале тридцатых.

Официально голодуху отменили рано. Приказом Наркомснаба за подписью Анастаса Микояна с сентября 1933 года открывалась свободная продажа хлеба в 29 городах Союза, в том числе в Свердловске, Перми, Челябинске и Магнитогорске. Для каждого из избранных городов установили строгий лимит коммерческой продажи. Лимит продаж по всему СССР -

90 миллионов пудов. Булка пшеничного хлеба стоила четыре рубля, ржаного - два пятьдесят.

Мероприятие, проводимое во время голодного обморока страны, сочетало декоративное с доходным. От дефицитного карточного фонда отхватили кусмень для спекулятивной реализации. Спекуляции беззастенчивой, ибо у колхозов государство отбирало хлеб, платя за килограмм зерна всего десять копеек. Свободу торговли тоже следует понимать по-советски. Хлеб распределили по ЗРК, из материального обеспечения карточек он обратился в обеспечение номенклатурных доходов.

Столь же формальной явилась отмена карточной системы распределения продуктов и промтоваров. Решение об отмене принял пленум ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 года. Ликвидацию карточной системы, видимо по забывчивости, мотивировали теми же обстоятельствами, что и введение таковой. Необходимостью улучшения снабжения рабочих. Дефицит хлебных ресурсов не уменьшился. Хитрость состояла в том, что унижительную систему государственного нормирования поэтапно заменить нормированием местным, не так бросающимся в чужие глаза. Установить краевые и областные лимиты, а там пусть себе разбираются. Хлеба не больше, но без карточек.

“Очередь стала собираться с четырёх часов утра, - из хроники первых дней “свободной” торговли в Тюмени, - к шести часам она достигла до 250 человек, преимущественно женщины и подростки. Была ужасная давка и хлеб могли получить только самые бойкие. К девяти часам утра хлеба уже не было, и когда продавцы заявили об этом публике, поднялась паника, шум, крики, и в это время одна пожилая женщина, лет 45, оказалась раздавленной. Прибывший врач скорой помощи констатировал смерть. Тут же у одного подростка была сломана рука”¹⁰³.

“Приходится вставать в 12 часов ночи для того, чтобы купить хлеба. Пока выкупишь два кило ржаного хлеба (другого нет), проходит полдня. Не приходится уходить из очереди, хоть и купишь хлеба, записываешься на следующий день. И так изо дня в

день. Наши дети вместо отдыха, вместо того, чтобы поправляться, мёрзнут в очередях с 4-5 часов утра до 5-6 часов вечера. Поправятся ли сколь-нибудь дети? Хорошо ещё, что сейчас очереди с 12 часов ночи, вот в декабре не спали целыми сутками. Сутками стояли на улице... Нам всем это очень надоело".¹⁰⁴ Коллективное письмо домохозяек города Асбеста живописует события на переломе 1936 и 1937 годов.

В эти времена, утверждают хором советские историки-фундаменталисты, мы уже давно процветали. "Только в 1936 году, - читаем в академической "Истории советского рабочего класса", - семьи рабочих увеличили потребление мяса на 36%, сахара на 60,6%, яиц на 143,8%, сала на 202,3%".¹⁰⁵ Особолюбливают десятые доли процента. Надо же так ювелирно высчитать чужие яйца! Как в своём кармане.

Кормить соотечественников процентами в коммунистической пропаганде всегда считалось хорошим тоном. А по сути единственно возможным статистическим препарированием реальной действительности. Сто граммов хлеба, выдаваемые по карточкам в прошлом году, и нынешние двести - всё одно голод. Но каков рост! Попробуй та же Америка увеличить потребление мяса за год в три раза. Слабо. Там действует буржуазная теория предельной полезности, по мере насыщения потребности и спрос, и экономический резон производства падает.

А у нас марксизм, от пайковой осьмушки до всестороннего развития как до Юпитера и обратно. Просторы можно отгружать десятилетиями. Великая заслуга научных шулеров перед партией в том и состоит, что они у второй советской голодухи отрубили хвост по самые уши.

Продолжим документальную гнусную ложь. Чтобы она не показалась однообразной, разложу её по адресатам. "Колхозники, - письмо Сталину из Егоршино, - покидают самовольно колхозную землю и вынуждены продавать последнюю корову, вынуждены пойти на предприятия, уничтожать детей, убивать друга друга из-за куска хлеба... Рабочий, проработав 8 часов, идёт в очередь за двумя кило хлеба и стоит в ней

по 14-16 часов. Много случаев, когда детишек 8-12 лет задавливают в очередях, убивали за два кило хлеба. Беременные женщины рожают в очередях... Ходит поговорка - если хочешь сделать аборт, иди в очередь".¹⁰⁶

"Колхоз "Уильш" - нацменский, марийский, - здесь тоже насмелились присать прямо Сталину, - в этом колхозе встала вся работа. Вспахано только 180 га, а о бороньбе нечего и говорить. Навоз не вывозится, сеноуборка застряла. Вместо основных работ занимаются изысканием средств на покупку хлеба... Выехали за 160 километров в город Пермь покупать хлеба из хлебной лавки. Как удастся - мукой или печёным хлебом. В колхозе 112 дворов, 180 трудоспособных и состав детей и престарелых, в том числе обессиленных. Имеется смертность от голода не только среди детей, но и взрослых.

Через кооперацию хлеб в село и колхоз не привозится. Что попадает, не продаётся, а распределяется среди служащих. В райцентре (письмо из Суксунского района - А.Б.) у хлебного магазина ежедневно скопление народа и очередь за хлебом превышает 1000 человек. Люди простаивают в этой очереди по несколько дней. Основная масса ожидающих - колхозники из близлежащих деревень. Лето 1937 года".¹⁰⁷

"Здесь колоссальные очереди за хлебом. Хлеба не хватает. Чтобы получить два кило, надо встать в очередь с вечера и на 20-40-градусном морозе простоять всю ночь. В очередях создаются разговоры, дискредитирующие правительство и партию, полные чистой контрреволюции. Зачастую идут драки. Милиция мер не принимает".¹⁰⁸ Житель Алапаевска, больше доверяющий коллективному разуму, написал такое в адрес ЦК ВКП(б).

Как человек партийный или сочувствующий, видно из текста, значит, опытный, он предварил письмо интимной просьбой - "направить эту заметку без оглашения на расследование". Поступок очень осмысленный. Большую часть такой корреспонденции высевали органы ОГПУ-НКВД. Там завели спецотделы, изучающие контрреволюционное творчество

масс и заводящие уголовное дело на каждого выявленного автора.

Николай Бухарин до и после расстрела слыл в народе самым порядочным из вождей. "Об этих незаконностях, - жаловались ему анонимные граждане города Асбеста, - следует только сказать вслух, как тут же к тебе придираются и многих арестовали, очередные дерутся до ножа... Вы живёте в Москве, можете этому не поверить, просто, мол, клеветническое вражеское письмо, как можно, чтобы тысячные очереди стояли у магазинов из-за куска хлеба".¹⁰⁹

За письмо крестьянки Верещагинского района, адресованное 8-му съезду Советов, сотрудники рай-НКВД получили благодарность, а сержант госбезопасности, теперь, поди-ка, махровый ветеран, даже ушёл вверх. Читать чужие письма интересно понову. Скоро это надоедает. Поэтому чекисты часто поручали рутинное дело доверенным почтовым служащим.

Те, не очень обременённые службой, убивать время сплетнями страшились. С плакатов, развешенных по всем учреждениям, очень сердитые товарищи призывали не болтать. В услуге, испрашиваемой чекистами, было что-то. Вроде бы заглядываешь через забор чужой души, а моральных мук никаких. Дело-то общественно полезное, даже ответственное.

"Мы, трудовое крестьянство, - вещало отфильтрованное письмо, - колхозники, говорим правду, врать же никому не дадим. Мы родились в деревне и помирать будем в деревне. Наш бывший вождь тов. Ленин говорил в 1918 году, что крестьяне не волнуйтесь, вас насильно в коммуны призывать не будут. Эти слова крестьяне помнят. А разве не было насилия при создании колхозов, и что же теперь из этого насилия получается? Сами палачи и угнетатели сбежали из колхозов и продолжают избегать, остаются же в колхозах в большинстве старики и недоростки. На долю их досталась колхозная каторжная работа.

Раньше каторга была в Сибири, а теперь в колхозе. Деревня оказалась без хлеба и семян. Амбары не охраняются и нечего охранять. Хоть газеты и хвастают, как "Крестьянская газета". По весне текущего года

писала, что в нынешний год боремся за двойной урожай, а на самом деле засуха одолела. Пишут в газетах, где-то там, за горами, за морями получили на трудодне много хлеба. Всё это считаем обманом и будем считать до тех пор, пока здесь у нас и в окружающих местах не осуществится хорошее положение в сельском хозяйстве...

Лошади против старых далеко не стоят, только лишь кожа да кости. Везде и всюду слышно со стороны колхозников - неужели ещё долго будет продолжаться такая жизнь. Работай как чёрт, а голодай как собака. Колхозники совершенно не знают, за что они работают. Целый год работают, при обчёте заработка не оказывается. Сена и соломы поезжай покупать к единоличнику, а хлеб беги покупать в ларьке. Пропадает всякая надежда на колхозный расчёт.

У каждого колхозника на корову налагают 265 литров, легко ли колхознику выполнить это количество? В каждой деревне многие ушли на производство, коровы у таковых не облагаются, хотя пасутся одним пастухом. Эти люди говорят, что мы бога хвалим - вышли из колхоза. Колхозники остаются рабочими угнетёнными и проклятьем заклеяёнными...

Ещё опишем отношение к женщине, её равноправие. Отработает в летний сезон, не зная никаких выходных и праздничных дней. Не дождавшись отдыха от летних и уборочных работ, отправляют их на зимний сезон на Урал, на лесозаготовки, бродить в снегу по пояс, путаясь в юбке и со слезами на глазах. Бедная женщина. Немало женщин страдает от потери здоровья, немало их убивает в лесу...

Все вышеуказанные факты не ложь, а правда и безусловно газета об этом не напишет. Разве это не правда, что растрёпана деревня: кто выселен, кто сам уехал, кто окна зашил.

Сила деревни мала. Коммунисты - горькие пьяницы, разгильдяи, бюрократы, многожёнцы..."¹¹⁰

Сильная вещь! Сильная вещь, тоже решили верещагинские чекисты, рассыпаясь мыслями в версиях. Пафосом и словом письмо явно превосходило способ-

ности провинциальной бабы, не гармонизировал с контрреволюционным нутром и детский почерк.

Сравнительный анализ почерков местных школьников вывел на шестнадцатилетнего Мишу Пигалева. Тот признался, что писал со слов шестидесятилетнего и слепого дяди - Пигалева Павла Васильевича. Соавтором дали по статье 58 дробь 10. Старшему на убогость не скостили. И поделом! Будь вся Россия такой слепой, сейчас бы не по потерянному веку причитали, а снисходительно подавали на пропитание Европам.

“Свободная” продажа хлеба строилась, куда от этого денешься, на плановых началах. Районам довели строгие лимиты продаж. Но не всем. При выдаче лимитов руководствовались специальным постановлением СНК СССР.

“Ограничить продажу булок и баранок, - говорится в нём, - лишь городскими пунктами. Продажу булок, баранок и других хлебобулочных изделий из высококачественной муки производить лишь через магазины госторговли в городах, разрешённых постановлением ЦК ВКП(б). Продажу хлеба печёного на селе производить преимущественно из ржаной муки”.¹¹¹ Директивы местные рекомендовали торговле продавать хлеб колхозникам в последнюю очередь.

Выполнить сие не представляло труда. О том, что существовали нормы отпуска хлеба в одни руки, читатель догадался. А районы догадались ввести правило - продавать хлеб только по паспортам со штампом о прописке и месте работы. Лишнему, чужому и беспаспортному колхознику у прилавка делать было нечего.

Народ зашевелился. Тысячные толпы голодных мешочников носились от одного посёлка к другому. У магазинов всех городков Урала качались тысячные очереди. “По первости ходили в ближайший район Нырб, - писали в “Известия”, а попали в НКВД челноки из Чердыни, - но руководители района запретили продавать хлеб жителям другого района и сейчас пошли цепочки в Соликамск и Красновишерск. До Соликамска 118 километров, до Красновишерска 60”.¹¹²

“Наступил голод, - письмо в обком ВКП(б) из Кунгура, - рабочие проедают на пряниках месячный

заработок за 6-7 дней. Хлеба рабочим дают по 200 граммов на заводе. Очереди тысячные, бывают несчастные случаи. То раздавят в притворе ларька ребёнка, то задавят беременную женщину...

Ужасы в очереди чуть ли не ежедневные, зачастую возникают побоища - точь-в-точь как собаки дерутся за выкинутую поваром кость. Это при социализме”. Сентенция с тенью пожалимажа - сей приём характерен для писем с открытым авторством. “Обслуживаем полёты, - пишут в “Известия” работники аэродрома, - а жить впроголодь, как в Германии (тонко, да?), не можем”.¹¹³

Закрывая тему о неголодных временах в том куске Урала, который с 1934 года стал называться Свердловской областью, приведу типичный документ. Типичный потому, что сижу на принципе - если хочешь знать, как живёт провинциальная Россия, сходи в гости к школьному учителю.

“Учителя школ, - так было в Щ-Озёрском районе, - живут полуголодными, местами даже совершенно голодными. Они лишены продуктов питания на существование. За декабрь (1936 - А.Б.) месяц смогли получить всего по 3 килограмма. Обратите внимание, за целый месяц на всю семью 3 кило! За январь 1937 года - 3,5 кило. Учителя многих школ работают не обедая целые дни. Бывают случаи, что по 2-3 дня не находят ни одного грамма съестных продуктов и вынуждены работать голодом. Они давно уже забыли думать о культурной весёлой жизни. Они ходят всегда мрачные, бледные, истощённые...”¹¹⁴ Учителю хватило мужества под этим подписаться.

В южной сельскохозяйственной зоне Урала, большая часть которой при административно-территориальном разделе отошла к Челябинской области, “неголодные” 1934-1937 годы протекали ещё содержательнее. Не буду останавливаться на хлебообеспечении городов. Такие же очереди и метели жалоб. Горожанин сидел на общесоюзных лимитах и склонностью к тучности не страдал. Статистически и газетно всё было в ажуре. Ежегодно область отправлялась в сталинский поход за урожаем.

Жить стало весело и легко. Как и написано в академической "Истории советского крестьянства". "...Характерным является тот факт, что в колхозной деревне возросла реализация продовольственных товаров через государственно-кооперативную торговлю. С 1934 по 1937 год она увеличилась почти в пять раз, в том числе хлебобулочных изделий в 26 раз с лишним, консервов более чем в 12 раз, рыбы - в 3,5 раза".¹¹⁵ Может и лучше есть не своё, а покупное, но не в двадцать же шесть раз больше! Щатильней врать надо, старики. Моя мама сказала бы тут исчерпывающе: подставили п...у к щиле - котора шире?

Чтоб злых историков пресечь, собрать архивы бы да сжечь. В самом деле. "Совхозные рабочие, - телеграфировал секретарь Челябинского обкома партии Рындин Сталину в марте тридцать четвёртого, - не получают хлеба, сейчас хлеба нет совершенно. Мы разрешили взаимобразно взять из фондов продовольственной колхозной ссуды 100 тонн и дали рабочим совхозов..."

Зарплата не выплачивается несколько месяцев, создаётся совершенно нетерпимое положение, рабочим большинства совхозов не выдаётся хлеба по несколько дней, в силу чего начинается отход рабочих из совхозов. Этим создаётся угроза в подготовке к севу, ремонту тракторов и сельхозмашин, а также проведению важнейших мероприятий в животноводческих совхозах. Нужна ссуда в 8 713 тонн".¹¹⁶

В телеграмме Молотову, отправленной пять дней спустя, добавлено, что наблюдаются случаи заболеваний от голода, а в животноводческих совхозах рабочие съедают комбикорма, предназначенные для скота. Свеженький секретарь взывал прямо к вождю, ибо положение было действительно аховым. Не о тройной норме сала шла речь, там один лакей солгал, а другой выдал за правду. Голод стоял вопиющий. У совхозов-гигантов, выдаваемых за образец социалистического хозяйствования, отрицали конечности - экономии, сгондобрленные из обсева кулацких семей.

Проанализировать всю секретно-голодную переписку между вождями уральскими и вождями мирово-

го пролетариата оставляю будущим нейтральным историкам. Мне кажется интересным бытовым уровнем событий. Конечно, он менее фундаментален, чем, скажем, архивный пласт КПСС. С другой стороны, пустобрюхих колхозников не заботили проблемы мирового революционного движения, значит, в сообщениях с мест меньше лжи.

Итак, сельхозартель имени 14 партсъезда Щучанского района. Колхозник Худяков на 5 человек имеет хлеба только 15 килограммов, нет обуви. В холодную погоду дети не могут ходить в школу, а родители на работу. Колхозник Соколов на семь человек семьи имеет хлеба 38 килограмм, на выработанные в 1936 году 562 трудодня получено хлеба два центнера. Жена и дети совершенно не имеют обуви, из-за того жена не работает. Колхозница Зырянова Мария хлеба не имеет совершенно. Семья состоит из шести человек. Дети не ходят в школу, самой не в чем ходить на работу.¹¹⁷

Колхоз "Освобождённый Урал", год тридцать шестой. Получено на трудодень по 100 граммов хлеба, 70 граммов капусты, 40 граммов подсолнуха, 16 граммов лука и 10 копеек деньгами. Картинки взяты из экономического обзора, но выбор не случаен. Маслобойни деревень, где прозябали "14 партсъезд" и "Освобождённый Урал", десяток лет назад имели фирменное клеймо, свидетельствующее об авторитете на лондонской бирже.¹¹⁸

Год 1937 был очень юбилейным. Страна готовилась к 20-летию революции и под наркозом судьбоносной сталинской статьи пребывала в состоянии повышенной пролетарской бдительности. Уральская деревня в любое время суток давала повод для продуктивных подозрений. Скорее даже провоцировала на подозрения.

На самом деле, весной, когда парткадр и сочувствующие освежали в памяти "Апрельские тезисы", неожиданно вспыхнул голодомор. Из категории вопиющих и по самым сельскохозяйственным районам Урала. Собственно, для деревни это был обычный, как для чебака на мелководье, весенний замор. Но для

идеологической машины, пущенной на максимальные обороты хвастовства, то был казус.

Газеты тотчас же приняли сторону широких народных масс и призвали разоблачать организаторов голода, намекая на то, что таковые обитают где-то в соседнем околотке. Версия о местных причинах голода обуюла и областных ответработников, выброшенных десантом в районы бедствия.

“Заболеваниями, - сообщал о положении дел в Шатровском районе председатель облисполкома Советников, - на почве истощения от недоедания и случаями смерти особенно было задето село Камышино, которое до сих пор остаётся наиболее поражённым пунктом, село Шатрово, село Духовка. Основной причиной недоедания в отдельных колхозных семьях, особенно многодетных и среди единоличников, явилась беззаботность районного руководства к своевременному вывозу и правильному распределению и использованию отпущенной району продовольственной ссуды”¹¹⁹

Жить председателю облисполкома оставался самый пустяк, каких-то пару месяцев. Сам он того не знал, предчувствия нехорошие были, но, казалось, надежда на благоприятный исход событий бьётся в собственных руках. Поэтому он валил вину вождей московских и областных на плечи мелкопоместных исполнителей, безжалостно выводя их на показуху, - вошедшие в моду показательные расправы над провинциальной административно-партийной лебедой.

Продовольственная ссуда, против ветра истории не устоять, действительно была. Какой же колхозник без хлебной ссуды и кредита денежного? Контра, омерзительный буржуазный кооператор. Оттого и забирали всё, чтобы колхозы жили в милости власти всевышней. В отличие от божьей благодати милость государственная могла спасти телесно.

Но в нашем случае она опоздала. Вместо того, чтобы вывозить хлеб для спасения отходящих в вечность, местные кадры руководствовались директивами, с уголовными намёками приказывающими к тотальной мобилизации мехтранспорта и живого тягла

на полевые работы. Ослушание тоже могло стоить жизни, проблема выбора здесь неуместна. Поэтому ареал неизвестной голодухи тридцать седьмого выглядел клочковато и напоминал карту лесорастительности. Заголодали районы, отстоящие от железнодорожных пунктов заготзерно далее разумной пешей досягаемости.

“Никаких мер, - продолжим изучение отчёта Советникова, - к организованному выявлению больных по деревням, а также оказанию им медицинской помощи и организации им усиленного питания районным руководством принято не было”. Констатировав факты массовой смертности, бумага сосредоточилась на положительном.

“После приезда в Шатрово в апреле медицинского отряда был развёрнут временный стационар для приёма больных на почве истощения. Сразу же поступило 152 человека. Из них 30 единоличников, а остальные колхозники. Лечение больных: режим питания, применение сердечных средств и борьба с белковыми отёками. В апреле месяце в стационаре умерло 8 человек...”¹²⁰

“На почве недоедания, - это уже другой документ, о Мокроусовском районе, - а в некоторых колхозных семьях прямого голода, организованного руководителями колхозов, имеется множество смертельных случаев колхозников и главное детей”. В сообщении члена пленума обкома ВКП(б) Маракулина, датированном 19 мая 1937 года, объект обвинений проясняется до силуэтов.

В колхозе имени Сталина, этот фрагмент излагаю конспективно, в течение марта-мая умерло от голода 12 человек детей и взрослых. В деревне Карпухиной 12 мая на почве истощения умерло 3 человека. Колхозница Карпова Таисия Семёновна, имеющая 5 детей, из-за отсутствия хлеба занималась ловлей крыс для употребления в пищу... В колхозе “Ленинские искры” братья Чернаковы, один 20 лет, другой 9 лет, умерли от голода - один на печи, другой в печи...¹²¹

Судьбы двух семей даю в оригинальной редакции документа. “В деревне Утичьей 19 апреля в поле, в

борозде умер Черепанов Иван, 12 лет. Иван пошёл со старшим братом в поле собирать прошлогодний горох, но в поле они разошлись в разные стороны и потерялись. Иван упал в борозде и умер от истощения. Его нашли только на третьи сутки... В книге актов гражданского состояния этот факт не отражён”.

“Парахина Парасковья Дмитриевна, - вернёмся в колхоз имени Сталина, - имела 5 детей, работала сторожкой, выработала трудодни полностью, в январе 39 трудодней, в феврале была снята с работы, в марте до дня своей смерти - 8 Марта, в Международный женский день, успела выработать 6 трудодней. Работала не покладая рук до самой смерти. Колхозники говорили о ней как о трудолюбивой женщине.

За выработанные трудодни правление колхоза выдало из полученной от государства ссуды в январе 21 кг., феврале - 6,3 кг., в марте - 2 кг. Это всё на семью в 6 человек. Сын Григорий, 19 лет, учился на курсах механизаторов и голодал, зарезал двух чужих гусей. Правление, ссылаясь на факт кражи, отказалось выдавать на него хлеб. Несколько раз безработный просил правление. В последний приход вышел из правления, но до дома не дошёл, упал и умер. Умер в судорогах, хватал горстями землю и так умер на глазах всего села... Дочь Глафира и сын Виктор умерли от голода в апреле...”¹²²

Двоим оставшимся детям посчастливилось умирать в интернате. В райцентре Мокроусово развернули госпиталь для голодающих детей. На сорок мест оказалось более ста детей-сирот голода.

Советская власть, колхоз и голодуха. Самой изощрённой идеологией не скрыть их взаимосвязи. Словесно можно варьировать со степенью нищеты. Да, с осени тридцать седьмого появился хлеб. Тому причиной, как и в последующие два года, благоприятные погодные условия. Хлебным трудоднём кратких предвоенных лет удачно замуровали память о семилетней голодухе. Я сказал “удачно”, имея в виду то, что и в истории, и в народном сознании моих современников сложилось убеждение - война накрыла состоявшийся было колхозный рай.

Верно, если измерять удава попугаями, а сытость желудка процентами. Академическая “История советского крестьянства” утверждает, что средний доход крестьянского двора в 1937 году составлял около шести тысяч рублей, что в каждом дворе стояло по полторы статистические коровы, по поросёнку и две овцы. С чего бы тут голодать? Колхозники, якобы, уже в предвоенные годы жили лучше, чем до революции. Бытовые детали, вкрапленные в цифирь фундаментального издания, просто умиляют.

“18-летний Н.Подкин из артели “Закалённый боец” Алапаевского района Свердловской области работал заведующим животноводческой фермой, окончил неполную среднюю школу, учился на агрозоотехнических курсах, был избран в состав комитета ВЛКСМ. Систематически читал сельскохозяйственную и художественную литературу. Прочитал “Евгения Онегина” Пушкина, “Мёртвые души” Гоголя, “Мать” Горького, “Железный поток” Серафимовича, “Поднятую целину” Шолохова...”

В 1938 году 10 раз смотрел кино, такие фильмы, как “Ленин в Октябре”, “Чапаев”, “Мы из Кронштадта”, “Пётр Первый”, “Юность Максима” и др. Участвовал в драматическом кружке. За год Подкин выработал 300 трудодней, получил 30,6 ц зерна, 3,6 ц овощей, 1,8 ц картофеля и 201 руб. деньгами”¹²³

Земная жизнь Николая Подкина, вполне допускаю, была благочестивой. Чего нельзя сказать о дошедшем до потомков жизнеописании. Сначала оно в скромно-ложном варианте, чтобы поверили свои, прозвучало в отчёте на комсомольской конференции. Потом материал попал в суетливые ручки журналистов областной газеты. Оттуда ушёл в документы облисполкома. Последние, будучи законсервированными в архиве, стали первоисточником высокой науки. На каждом повороте судьбы жизнеописание обрастало салом лжи и святости.

Имена и место событий не имеют никакого значения, перед нами обычная технология заварки идеологического чифиря. В жизнеописании Николая Подкина можно на сто процентов верить про драм-

кружок и прочитанные книги. Участие в художественной самодеятельности считалось, при равенстве прочих условий, смягчающим фактором при получения пайка. В той же ссылке, по докладной ПП ОГПУ, на 1 марта 1932 года числилось 417 художественных кружков, в том числе 209 драматических. Больше, чем медпунктов.

Откуда бы такая тяга к драме у замирающих с голоду, не стой за ней интерес желудочный. С книгами ещё проще. Всякому ударнику надлежало прочитать произведения обязательного списка. Замените в цитате Пушкина с Гоголем "Цементом" и "Как закалялась сталь", вы получите этот список.

То, что прописано о цветущих уральских колхозах, ложь пролетарская, ложь для внутреннего потребления. Она должна поражать голодное воображение пудами картошки. Посмотреть бы читателю ролик кинопропаганды тех лет "Почему не бастуют советские шахтёры", предназначенный для европейских (текст на французском) дураков.

Как он, наш стахановец, проезжает на своём авто мимо своего особняка! У-ух! Дома мебель - мексиканским сериалам делать нечего вообще. Жена сервирует стол исключительно штучным хрусталём. На фоне концертного рояля. Заканчивается бутафория совсем по-нашему. Хозяин, теперь на фоне библиотеки, сосредоточенно конспектирует "Капитал".

Первородная хозяйственная информация, взятая из секретных деловых бумаг Челябинского, к примеру, обкома ВКП(б), выглядит несколько антисоветски. "В целом по области, - речь о благополучном тридцать восьмом, - при распределении денежных доходов получается низкая оплата трудодня... Колхозники остались ещё должны. Например, в Лопатинском районе из 44 колхозов 21 безденежный, в Макушинском - из 78 не выдают денег 48, в Бродоколмакском - из 35 хозяйств 25...

Средняя денежная оценка трудодня 23 копейки. Из 3,2 тысячи колхозов 694 не платили по трудодням вообще, 1288 - менее 20 копеек, 767 - менее 40 копе-

ек". За булку хлеба средний колхозник должен был отработать месяц и полгода за штаны.¹²⁴

В порядке приближения к конкретному выхвачу из колхозных просторов Урала, исключительно наугад, серенькую-серенькую артель "Совет" Б-Сосновского района. Лошадей 14, бык 1, коров 2, овец 10, колхозников 50. По итогам года колхозники остались должны артели 120 рублей, а колхоз государству более шести тысяч рублей. За год снято два председателя и четыре бригадира (при одной бригаде). Политическое настроение масс, уточняет характеристику уполномоченный, ненадёжное, из колхозного штата правильно думают только 8 человек.¹²⁵

Может колхозник процветал за счёт натуроплаты и личного хозяйства? Сразу скажу, что ежегодный подворный доход в шесть тысяч целковых, зафиксированный советской статистикой, отдаёт утягиной. Технология расчёта чужого барыша тут ультрасоциалистическая, поэтому требует особой умственной бдительности. В видовой доход крестьянина включались следующие статьи: денежная оплата по трудодням и работ по найму, денежная оценка натуроплаты (по рыночным ценам), рыночная стоимость продукции подворья, денежное обложение тяглогового скота, что тоже естественно, ибо хозяин мог зашибить на извозе.

Общая сумма по закону 1939 года подлежала 9%-му обложению. Помимо натуральных поставок. Денежный оброк кратно превышал денежную оплату трудодня, подстёгивая деревенщину к хроническому оппортунизму, обяывая быть не только соцколхозниками, но и мелкотоварным буржуазным элементом. Приходилось продукт личного хозяйства продавать в погашение налогов.

И ещё один статфокус. Большая часть продукции подворья уходила в госпоставки. Уходила по мизерным, кратно ниже расчётно-рыночных, государственным ценам, оставляя мужика в символическом положительном сальдо. Доход вроде бы есть, но нечего есть. Продукт забрали, а разницу в ценах подарили. Не стоит чесать затылок в недоумении. Если не уловили смысл дорогой колхозной нищеты, не беда. Обой-

дёмся ближним анекдотическим образом. Это как кататься по развитому социализму на самом дорогом автомобиле ЗАЗ-968.

В который всадил двадцать лет ударного труда.

Нищета и голод суть вещи разные. Голод - это нищета вопиющая. Тогда он погас осенью тридцать седьмого. А через четыре года вспыхнул вновь. На третьей советской голодухе красуется печать патриотического табу. Хвататься можно только за её хвост - первые послевоенные годы. Вроде бы виноват чужой фашизм.

Хотя не Гитлер же выводил нас на "столбовой" колхозный путь.

Марш энтузиастов

Жизнь - это сложная штука. Даже в смысле индивидуального прозябания. То же прозябание, взятое как общественный процесс, обращает бытие в хаос мимолетных впечатлений, в котором каждый нормальный человек пытается постичь замысел божий, а отмеченный печатью революционера - обубожить мир до своих представлений. Путь первого лежит через образование и труд, второму достаточно простенькой идеи капитального ремонта Вселенной.

Вообще простота не противна истине. Выводы народного землеуменьца о готовности почвы к посеву, добытые погружением голого зада в зябь, могут совпадать с тезисами высокой умозрительной науки. Для истины опасна простота оголтелая. Родиной примитивного реформистского нахрапа, это несомненно, является Россия. Почти каждый исторический шаг её дерзок и бесшабашен, как прыжок пьяного с колокольни. В надежде взлететь. За врождённое буйство души заплачено всенародной нищетой, потому мы вправе гордиться тем, что всякий заугольный наш политик не мечтает о меньшем, как шарахнуть в сторону всю Евразию, садануть под дых Западу и обозначиться монументом на углу мировой истории. Пророков, нудно и гундосо жующих экономические подробности, у нас не любят.

Мгновенное осознание того факта, что мы нищие, нищие беспросветно и без смягчающих вину обстоя-

тельств, ввергло соотечественников в уныние. Пространство, время и все цвета жизни растаяли в сером вакууме неопределённости. Исторические амбиции, последнее оправдание нашей нищеты, выглядят нелепо. Хозяйственная живость даже самых деятельных не идет дальше инстинктивного казнокрадства. После привычной трудовинности возможность самостоятельно думать и жить кажется невыносимой обузой, оттого все духовные и материальные устремления скукожились на простом выживании.

Истерика - единственное живое проявление безысходности. И уже кричит ошпаренная свободой душа народа-люмпена, зовет назад к ленивому, но гарантированному равенству в нищете. К привычной и необузданной лжи самодовольства - от краснодемагогической до квазно-патриотической. "Зато мы духовно богаче, наши сердца пропитаны марксизмом-ленинизмом!" - в стекленеющих глазах мечется упрямство и волчи сполохи большевизма.

"Мы просто лучшие в мире, ибо русское всех на свете!" - вместо аргументов рвани зипун и покажи изнеженным инородцам костистую мужицкую грудь. Свежие "минины" разных помётов давно разделили нас на своих и предателей. Могильная жуть советского прошлого выветрилась до простительного казуса, скрытого за частоколом лозунгов, с коих простреленным черепом красного Роджерса снова улыбается в мир пролетарская простота.

В России жить надо просто и ответственно, в этом едины все косящие под патриотов. Различия чисто эстетические. Синонимом человеческого для патриота-большевика остается холуйство партийное, для патриота, выпукло страдающего за державный кнут, безотносительно к его цвету, - холуйство полового.

Насильно мил не будешь. И это правильно, сказал бы автор перестройки, сам поскользнувшийся на корке демократического милосердия. Сострадание других народов нас унижает, вылезать из шкуры ради уважения со стороны презираемых недокоммунистов тошно. Втуне теплится хулиганская мечта большевиков - капнуть скипидаром под хвост Европе и Америке. Пусть

нас просто бояться. Трусят от живой возможности глобальных катастроф по причине патологической злобности наших государственных гениев и старческого полоумия генсеков, от своеволия военных, которых с ефрейторских лычек тянет в политику, от взлелеянной колхозом космической бесхозяйственности.

Розовая ностальгия и повальная державная истерия - вещи сугубо чувственные, голым умом их не понять. Совсем другое дело, если взглянуть на патриотическую одержимость с экономической стороны. Здесь есть всё: мудрость государственных планов, коллективный труд и всенародная собственность, массовый энтузиазм и справедливое распределение. Короче всё, что культивирует чувство глубокого удовлетворения. И, разумеется, героическая самоотверженность целых поколений, всерелигиозная наживка, - жизнь телесную претерпеть, а на том свете навестать. Иллюстрацией тому наш наличный исторический материал.

Когда по весне тридцать третьего уполномоченный Уралобкома ВЛКСМ Еремеев прибыл в колхоз имени Клина Ворошилова Камышловского района, его поразила дикая патриархальщина. Пахали на быках, а боронили на бабах и коровах. Три ночи хватило, чтобы вчерне набросать проект коллективной бороны. Уполномоченный знал по "Капиталу" о преимуществах совместного труда. В материализованное на кузне орудие, названное технически изыщно - "ЗИГ-ЗАГ", цугом впрягли двенадцать мужиков. За неделю заборонили без малого пятьдесят гектаров!

Учение Маркса всесильно, потому что верно, - в среднем на тягловую душу выходило чуть ли не по гектару в день. Это при дневной колхозной норме 0,7 гектара на паробабью борону.¹

От предчувствия открытия у ВЛКСМовского пифагора приятно запершило в горле. Во лбу, парень он был рассудительный, идеи заворочались глобальные. Если все сто пятьдесят миллионов да в одну общенародную упряжь, да строим, да под мудрым руководством... В серёдке концепцию удачно подпирал

исторический факт, имевший место в соседнем Тупицинском сельсовете.

Там по указанию уполномоченного райкома партии Токманцева к боронам приделывали дышло и постромки. Не шедевр, но два колхозника при среднем усердии боронили за день гектар. Автор "ЗИГ-ЗАГа" быстренько обобщил результаты эксперимента в отчете, а следующий проект более надежно привязал к местности. Дефицитный ресурс - мужики слонялись по лагерям и тюрьмам, поэтому широкозахватная борона нового поколения была рассчитана на двенадцатибабью тягу.²

Мир диалектичен, говорил один из персонажей Андрея Платонова, на каждого героя есть своя стерва. На изобретателя накапали. И накапали весьма профессионально, адресовав злую бумагу прямо председателю областной комиссии по чистке Ройзенману.

История не помнит, за что убрали талантливого уполномоченного. Как диверсанта ли, близко подобравшегося к теоретическому фундаменту социализма, или просто за оппортунистическое послабление к замордованным гужповинностью единоличным коровам. Ясно одно, новатора задвинули на работу, не располагаящую к осмыслению исторических закономерностей.

Общество абсолютной нищеты и несправедливости, таковым реально предстал миру отечественный социализм, непривлекательно даже человеку дурного вкуса. Большинству обнищавших соотечественников объектом ностальгии является краткий проблеск "тюменского" социализма, когда мы просадили достояние нескольких поколений. Скорее всего это сентиментальная грусть по молодости и пропиту. Красные патриоты трясут идеологическую шкуру издохшего социализма с трезвым желанием - снова взять Россию за храп. Чем сильнее это желание, тем богаче оклад на образах минувшей мерзости.

Снимем с божницы коммунистическую икону чудотворного массового героизма и пристально взглянемся в ее простые лики. Алексей Стаханов, Никита Изотов, Прасковья Ангелина... "В буднях великих

строек, - успокаивают мятежный рассудок святые слова Евангелия от Академии Наук, - раскрывались неисчерпаемые потенциальные возможности класса-гегемона, его способности и таланты..., высокая ответственность за судьбы социализма, выдержка и трудовой героизм."³

Жалко расставаться с золотым сном, где тонкие девушки в полосатых кофточках лихо управляют колхозными тракторами, а парни с мужественными, как у Евгения Урбанского, лицами самозабвенно истязаются в кубометрах, замесах, тоннах. Где усатый и добрый ветеран, штурмовавший когда-то Зимний и Перекоп, передает опыт восторженному комсомольцу.

В чувственной телесности история пошла, порой даже безобразна. Цветет она под кистью богомаза. Расцветает либо болью истины, либо ядовитым бутонном лжи. Не иронизируя по адресу канонических образов советской истории, они были подопытными особями идеологических экспериментов, смею, однако, утверждать, что истинным героем индустриализации явился репрессированный деревенский мужик. А басни о классе-гегемоне отнести на счёт дубленой совести гегемонов от науки. Перед деревенщиной, вынесшей сначала горе неслыханного произвола, а затем и непосильную принудилровку "великих"строек, мы в преступном долгу. Тут душа народа еще спит, судить можно по теплым воспоминаниям о колхозном кнуте, по тому, что нынешним ультрапатриотам "Кубанские казаки" милее кубанских казаков, замордованных на лесосеках ссылки.

Сначала был призрак коммунизма, и по всему по этому родился Ленин. Ленин родил партию. Партия родила Яко..., простите, Советскую власть.⁴ Власть родила партии колхоз и пятилетку. Колхоз принес власти массовый энтузиазм... Такова библейская версия событий. До колхоза массового вдохновения не было, а царил мрак индивидуального корыстного труда. Розово замерцало в душах с появлением вербовки.

Исходно-утопически мыслилось, что путем организованного набора рабочей силы полностью закроется тягловая потребность пятилеток. В октябре

тридцатого барщину индустриальную ввели в гражданские обязанности. Бумага называлась классически - "О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью." Всем, кто способен командовать, предписывалось развернуть обязательную вербовку. Наряды на заготовку пролетариата не обошли даже самого последнего туземного стойбища. Не потому, что работать было совсем некому, в городах толпилась безработица, а потому, что даром и груши околачивать в раю никто не станет.

Промышленный прогресс обычно начинается с лесозаготовок. Это вам подтвердит развитая, но рано облысевшая Англия. Советскому Уралу в планах партии отводилось ведущее место, уже в зиму тридцатого десятки тысяч рекрутов индустриализации были доставлены к местам героических свершений. В леса.

"Крестьяне горячо откликнулись на призывы Коммунистической партии!" - кокетливо соврала им вслед академическая наука. В документах ОГПУ ситуация протокольно сера. "Из Далматовского района с 9 по 13 ноября должны были перебросить 3000 человек и 290 подвод на лесозаготовки... Однако заявки на вагоны не удовлетворены. Вследствие изложенного создается большое скопление крестьян в центре района. На почве этого возникают недовольство и благоприятные условия для агитации отдельных антисоветских элементов против лесозаготовок. Крестьяне, прибывающие для отправки на лесозаготовки, на 80% в пьяном состоянии и с запасом вина. Благодаря этого нередки явления среди них скандалов и драк."

Сообщение обыденное и типичное. Черные толпы дышали в небо паром и пьяно куражились на всех станциях перевалки. Под план заготовок тридцатого Уралтруд запланировал вербовку трехсот тысяч человек - 140 тысяч пеших лесорубов и 160 тысяч коновозчиков. Ну и там по мелочи: трест "Востоксталь" добивался 11 тысяч рабочих и 6,5 тысячи лошадей, угольные предприятия требовали 15 тысяч рабов, оговорив, что нужен полноценный материал преимущественно для подземных работ, трест "Асбоцемстрой"

настоятельно просил у партии 10 тысяч рабочих, "Машстрой" - 30 тысяч...⁶

Москва погоняла периферию как колхозную лошадь - палкой под хвост. Екнув от неожиданности, уральское начальство бросалось в народ. Не успели наряды Уралтруда добраться до мест, грянула предновогодняя депеша председателя облисполкома Ошвинцева. "Требую немедленного со стороны предриков выполнения планов вербовки с превышением на 20%. В противном случае не останавливаться до снятия нынешнего состава райисполкомов."⁷ Подстегивающую часть директивы он сдул с кремлевской бумаги, там, правда, увольнение обещалось самому председателю облсовета. Приказывалось командировать ответственных товарищей для кадровой работы в лесу и на деревне.

Принцип работы заготовителя прост - либо ты вербуешь, либо попадаешь в энтузиасты сам. Своя шкура, естественно, ближе к телу. Трудовым энтузиазмом приятнее восхищаться со стороны и после. В силу важности и экстренности задания ответственному товарищу выдавались оружие и бумага, обязывающая всех к пособничеству. Технология низовой работы имела хитрые узелочки. Первые вербовщики сразу кинулись в сельсоветы и, руководствуясь классовым подходом, углубились в загодя составленные списки кулаков. Энтузиаст пошел. Но сверху вдруг спустили обжигающую бумагу - сельсоветам запрещалось вводить под вербовку потенциально ссыльные элемент. Этих мы и так заберем, возмущался Уралобком ВКП(б) халявством вербовщиков, самим надо быть расторопнее.

Уклон выправляли хлопотно. Кулаков, энтузиастующих в высоких географических широтах, перевели на режим ссылки, вскоре туда же доставили их семьи. Позднее власти поняли, что разбивать ссыльные этапы на семейные ручейки до хохмы милосердно. Этапы пошли до места назначения монолитом, теперь семья ждала кормильца. Низовая кадровая работа соскочила в колею.

“Поедешь на лесозаготовки или с первым этапом отправлять в ссылку? - спрашивали вызываемого в сельсовете, - ведь жизнь доживаешь, а белых медведей и не видывал”. Зимой тридцатого в деревне помнили хорошо. Возмущались больше тем, что сверкали по сутробам голыми пятками, от ветра спрятав муди в горсть. Чистый пролетариат. Кое-где попытались экипировать босняка в кулацкие обноски и вытолкнуть на лесосеку. Классовая природа брала своё, на первой же станции обмундирование пропивалось до нитки, и одичавший пролетарий возвращался к посильным обязанностям деревенского активиста.

Вербовка была первой, а потому аляповатой попыткой всеобщей принудиловки. С мобилизацией ещё как-то бог помогал, но в лесу энтузиаста следовало всеминутно стеречь. Народ-то был недисциплинированный, если десятник бил в харю, - возмущались вслух, штабеля заготовленного леса изнутри тайно подпирали козлы и полаты - прообраз классической советской туфты. Ночами, уперев нос в заиндевелый потолок барака, каждый думал об одном - как дать тягу.

Первый год и в первый раз не бежать с вербовки было просто стыдно. Поморозившись и понюхав голодовки, обычно рядом со ссыльными, вербованные разбегались как тараканы. Только этим фактом объясняется постоянное завышение нарядов на мобилизацию. У многих дезертиров хватало ума зацепиться в городе, возвратившихся в деревню могли направить на лесозаготовки в административном порядке. Бегство с принудительных работ, так отныне квалифицировалась деятельность энтузиаста-рецидивиста, прямо выводило на скамью подсудимых.

Больше всего массовое дезертирство вербованных досаждало таежным жителям. За поимку беглого спецпереселенца, при передаче его райуправлению ГПУ, выдавалась премия - мукой, крупой, охотничьи-ми припасами, солью, нередко наличностью. В тридцать первом, во времена всесоюзного гона, опытному следопыту на этом деле можно было сколотить со-

стояние, чтобы впредь не таскаться по стылой тайге за промысловой обычной мелочью.

Закавыка состояла в том, что ни визуально, ни по запаху ссыльного не отличить от вербованного. Не брала его даже собака. За беглого энтузиаста полагалась, увы, только благодарность лесотреста. До тонкости морального поощрения таежные аборигены не доросли. Сдавая живой товар властям, они все чаще сокрушались. Как над корзиной грибов, собранных подслеповатой старухой.

Чем выше лезла пирамида социалистической индустриализации, тем большего напряжения стоила она народу. Переброска мобилизованных крестьян принимала размах военно-стратегических операций. Судите сами. Реэвакуация вербованных с лесозаготовок Урала в марте тридцать первого (приближалась посевная) выглядела так. Для переброски 41 тысячи лесорубов подано 1240 вагонов, 23 тысяч коновозчиков - 650 вагонов, 23 тысяч лошадей - около трех тысяч вагонов. Вся операция потребовала шесть тысяч вагонов при условии, что треть занятых в кампании добиралась до дома самоходом.⁸

Осеннюю мобилизацию тридцать первого можно считать образцом партийной мудрости. Хотя накануне голова шла кругом. “Положение с рабочей силой на Урале, - гнал истерику отдел труда Уралсовета, - остается крайне напряженным. Если даже допустить, что в народное хозяйство может быть привлечено всё трудоспособное население (включая трудоспособных женщин), дефицит рабочей силы составит 106 тысяч человек. Фактический дефицит - 186 тысяч.” Выходило, что социализм на Урале строить некому. На путанников положили взгляд с последним предупреждением, а расчёты поручили Уралтруду, обязав “установить районам задания с применением классового подхода”.

Сводный баланс рабочей силы по Уралу, смонтированный подрядчиком, открывал социалистическую перспективу настежь и выглядел так. Наличное трудоспособное население - 4,2 млн. человек. Потребности промышленности - 525 тысяч, сельского хозяйства -

1,8 млн., строительства - 233, лесозаготовок - 240 тысяч человек. Положительное сальдо - 628 тысяч. Правда, отмечают авторы документа, сальдирует исключительно природный полуфабрикат - глупое деревенское бабье. В балансе предусмотрено, что 156 районов Урала будут экспортировать рабочую силу, а 28 - ввозить.¹⁰

Экспорт начали с душевным подъемом. Вошло в силу постановление облисполкома о полной замене платных гужевых и транспортных услуг принудительной мобилизацией лошадей. Дублируя текст кремлевской директивы, уральские большевики схватывали только внешний чисто изымательский смысл. Большевики московские были на порядок хитрее и заложили в документ психологическую мину. Раньше вербованный при крутом осложнении обстоятельств нырлял в тайгу, оставив на память тресту паспорт. Через неделю-другую он выходил к околице родного села. Даже потом, когда дезертиров достали уголовным наказанием, упрямо бежали.

От собственной и единственной лошади, мобилизованной заодно с хозяином, вербованный бежать не мог. Потому лямку заготовок тянули на пару до конца. Весной на ближайшей к дому станции, размазывая слезы жалости, выводил её, обессилевшую, на помочах из вагона.

Гранитные и бронзовые персоны, восседающие на гордом скакуне, украшают многие города мира. Есть просто памятники лошади, дань уважения другу и помощнику. Но на полукружье моей страны не найти могильного камня второму великомученику и герою советской индустриализации - российскому Коняге. В те злые тридцатые и для него началась мучительная агония (но-но, каторжный!), которую в людях называли социализмом.

“Лесозаготовительные организации, - информирует Москву Уралобком ВКП(б), - не имеющие собственного конского транспорта, ежегодно забирают у крестьянства области около 120 тысяч лошадей, которые возвращаются только к началу весенних работ. Как правило, эти лошади непригодны для работы в

поле и требуют отдыха и подкормки. Потери поголовья лошадей на лесозаготовках достигают 20% от количества отправленных лошадей”.¹¹

В заготовки 1933 года, по отчету секретаря обкома партии Молотову, было мобилизовано 160 тысяч лошадей, более четверти из них издохло от бескормицы и варварской эксплуатации. Председателю СНК можно и соврать, если ложь благовременна. Много важнее, чтобы лгущие были связаны круговой порукой. Услужливая записка зав. орготделом обкома Павловского прямо Сталину (минуя Кабакова) характеризует обстановку круче. За год из 800 тысяч лошадей в опорном краю державы пало более 130 тысяч, а у большинства из тех, что заняты на лесозаготовках, остались только мослы да пахи.¹²

Тонкий резюмирующий намек вождю - падёж де является результатом отсутствия большевистского отпора кулакам и вредителям - не возымел ожидаемого кадрового перемещения. В родном обкомовском коллективе заворгу все по-прежнему приветливо улыбались и желали здоровья. Пришло время, вспомнили. В тридцать седьмом на первых допросах арестованные члены Уралобкома ВКП(б) назвали Павловского одним из руководителей тайной организации правых.

Социализм в конце концов загнал безответного Конягу. Каждая павшая в котловане, в борозде или на трелёвке леса скотина приближала голодуху. Перед самой войной в регионе осталась десятая доля досоветского поголовья. Скорость, с которой мы расправились с живым тяглом, подобна экологической катастрофе, но читателя она вряд ли удивит. Мы горды и сами себя со свету столкнуть. Изложенные исторические события могут дать мыслительные метастазы в прошлое и будущее только человеку, склонному к аналогиям. Факт внезапного и полного исчезновения мамонтов перестанет быть казусом палеонтологии, если допустить, что мы уже не первый раз строили социализм.

“12 мая 1932 года я был вызван к начальнику милиции, где мне было объяснено, чтобы я взял с собой продуктов на три дня, а также пару белья, так как меня

направляют на работу... Я безоговорочно выполнил приказание начальника милиции и собрался. Меня в числе других направили в Курган и передали в ведение ОГПУ, где у меня был произведен обыск, отобрали все документы и справки, имеющиеся у меня. Просидел там три дня. Мне объявили, что я лишен прав. 18 мая я должен был направиться в город Челябинск, куда я и поехал..."¹³

Жизнеописание крестьянина Звериноголовского района Амирова Хакима изнутри высвечивает механизм вербовки на "великие" стройки. Хаким был честным человеком, читал газеты и верил в новую справедливость. К жалобе на произвол и просьбе отпустить домой, что он направил в райком партии, приложил справку от сельсовета о политической благонадежности, от колхоза - о должном усердии в труде, от комиссии по хлебозаготовкам - об отсутствии недоимок, а также справку из школы и другие положительно характеризующие его документы. И как главный довод защиты - ударную продовольственную карточку "Челябтракторостроя" с тремя только, из тридцати, выкушенными купонами.

Честный и умный был Хаким. Но Хаким не читал секретных партийных бумаг, поэтому удивился, получив отказ. Заорали и карточку - настоящий ударник не имеет права жаловаться на власть.

В самом деле, вербовка на индустриальные стройки отличалась от лесозаготовительной мобилизации, хотя обе декларировались как формы добровольного найма. В тайгу волокли на сезон, с расчетом возвращения к посевной. Примитивная барщина. Вербуемым в котлован про сроки найма говорить не надлежало. Рабзаготовителю вменялось в должность только одно - любыми средствами выдернуть мужика из деревни. Инструменты хорошо известные - план и наган.

Хозяйственная практика и тут нашла выражение в порайонных разнарядках. Районы налажали людской оброк на сельсоветы. Планы вербовки исходили из планов производства и строительства, данных Москвой. Столица их творила с политическим прикидом - догнать и перегнать. Понятно, планы были страшно

дефицитными по всем ресурсам. Их трудоустройство возложили на местное руководство, содействуя тому лишь директивно. Области подсчитали, на Урале очень кропотливо и профессионально, нужно для высоких темпов и развернули заготовительные кампании.

Первым попал под вербовку единоличник. Выкупить его из деревни не составляло особого труда. На сумму недоимок облюбованных вербовщиком мужиков скорёхонько оформлялись иски в суд. До сих пор система нашего налогообложения при всей ее разорительности исповедует высокое духовное начало - потенциальную возможность немедленно взять за заговор любого гражданина. В сельсовете должникам участливо предлагался альтернативный лагерю вариант искупительного труда. Методу интенсивно использовали более трех лет. В тридцать четвертом, после убийства Кирова, власть нашла вербовочную льготу неуместной. Должников стало выгоднее отправлять в лагеря, да и организованный набор энтузиастов перешел в надежные руки судов и НКВД.

Надеяться в строительстве фундамента социализма лишь на двуличного единоличника, сами понимаете, глупо. Что он работает хорошо, сказал как-то Ильич, это очень хорошо. Но идеологически он невыносим, потому что работает на себя. "Положение с рабочей силой прямо катастрофическое! - сообщал обкому еще в тридцать первом Володя Шарапов, работавший до вайнеровского МУРа и Жеглова реальной руководящей единицей на строительстве железной дороги Магнитогорск - Карталы. - В июле ушло полторы тысячи человек по причине начала сенокоса и ввиду плохого питания. Вербовщики возвращаются безрезультатно."¹⁴

Единоличник привык много работать и много есть. Колхозник, по мысли классиков, должен прежде всего думать о благе общем и склонностью к пресыщению утробному не страдать. Постановление ЦИК и СНК СССР об отходничестве, вышедшее летом тридцать первого, всячески поощряло переход коммунаров на индустриальные стройки. Бежать из колхоза

желали многие. Однако, чтобы беглый не ускользнул в темную глубину советских пространств, переход надлежало документально огородить.

Уже принятый на стройку и завербованный были обязаны получить разрешение на выезд от сельсовета или правления колхоза. Ну кто же отпустит трудоспособного мужика при грабительских планах хлебозаготовок? Трусливые попытки задержать энтузиастов в деревне и вернуть сбежавших угрозой исключения их из колхозов и ссаживания с пайка оставшихся дома членов семьи власти пресекли. Более того, обязали колхозы заключать с предприятиями договора на поставку рабочей силы. Отказываться от сотрудничества, как и занижать прописанную в крепостном акте норму, категорически запрещалось.

Правления артелей пошли было на хитрость, задерживая вербованных под предлогом их задолженности колхозу. То была правда, натуроплата по трудодню порой не покрывала летних авансов из продовольственной ссуды. Не задерживать вербованных-должников, грозно предупредила московская директива, подписанная зампредом СНК РСФСР Рыскуловым, отдадут потом из зарплаты.¹⁵

Колхозы легко смирились и даже намерились вернуть директиву мехом наружу. А именно, при заключении договоров потребовали перечисления заработка вербованных в колхоз. Мы тут с голоду пухнем, а они будут карман набивать! В порядке военного компромисса предлагалось конвертировать зарплату отшельников в трудодни. Вербовку моментально заклинило, пожилой соотечественник знает - голодать приятнее дома. И эту инициативу признали вредной.

Под самую четырнадцатую годовщину Октября вышла послабляющая директива. Заводам и стройкам предписывалось выплачивать колхозу по пять рублей за каждого завербованного. В деревне сначала вроде обрадовались, не забогатеешь (две буханки хлеба по коммерческой цене), но и доход-то неожиданный, как посылка от покойника. Торговля пошла бойко, но мимо денег. Сбывал колхозников оптом Колхозсоюз.

Гиганты пятилеток тоже остались довольны, им денег не занимать, тысячи даром работающих ссыльных и заключенных обрабатывали покупку земляков-колхозников. Открыл торги трест "Ураллес", купивший у Уралколхозсоюза сразу 18 тысяч мужиков.¹⁶

Бухгалтерия вербовки сложна и требует особого коммерческого анализа. Планы вербовки и цены постоянно менялись и корректировались. Оборот героического поголовья ускорялся, энтузиасты мёрли как мухи, ломая статические и динамические модели трудообеспечения. Все счета дефицита оплачивала деревня. Только за один тридцать третий год Уралмаш вывез из Шадринского района более четырех тысяч человек. Каждого десятого из трудоспособных, Химмаш чистил соседний Далматовский район в той же пропорции. Из безобидного Нагайбакского района магнитогорский Коксохим выкачал за год три тысячи крестьян, укоротив его трудовые ресурсы на треть. Жилые кварталы соцгородка в Магнитке стоили Куртамышскому району шести тысяч душ...¹⁷

Общеуральский план вербовки на тот же тридцать третий год исходил из принудительного привлечения в производство четверти миллиона человек, 195 тысяч из уральской деревни, 55 тысяч путём ввоза из Татарии, Башкирии и автономий Поволжья.¹⁸ Переход к импорту покорных нацменов говорил о многом. К тому времени через уральские центры колонизации прогнали на Север и индустриальные стройки более миллиона спецпереселенцев, поток каторжан спадал, весной закрыли массовые кампании выселения. Кулак кончился, голод начался, а ряды энтузиастов зачернели людом туземным.

Власть и вербовка умнели наперегонки. Стоило принудиловцам найти лазейку, правозащитные органы бросались ее затыкать. На профилактику времени не оставалось. Не заставляйте юристов беспомощно разводить руками, сначала упрасивал Верховный Суд РСФСР, сразу отбирайте у вербованных самообязательства, иначе беглых нельзя привлечь к суду. В лесотрестовских и великостроевских конторах к мышинной бумажной кропоти относились канителью

до тех пор, пока не поступило инструктивное письмо Верхсуда, обещавшее уголовную 61 статью УК бюрократам, у которых не обнаружится письменной присяги дезертира.¹⁹

В пору цвета колхозной голодухи ситуация, однако, шарахнулась в сторону. Деревенщина поняла, что индустриальная барщина гораздо ближе к хлебу. Пусть по карточкам и крохи, но ближе. Народ побежал в города, мигом утопив их в трущобах самостроя. Большая часть бежала в отход, на временный заработок по найму, а для молодежи вербовка стала единственной путёвкой в жизнь. Выбитые из привычного уклада рваные деревенские толпы металась по вокзалам и предприятиям. К осени, столь же обычно, людская волна откатывалась в деревню с надеждой подкормиться на свежих хлебах.

Кочующая публика партийную власть раздражала. В инстинктивных, казалось бы, порывах деревенщины пристальным взором схватывалась антисоветчина. Нет, инстинкту самовыживания не откажешь. И все-таки в каждом движении толпы сквозило стремление выскочить из лап Советской власти. Устраиваешься на завод - лучше вольнонаемным. Пусть в землянке Кирсарая (район самостроя в Челябинске), да с надеждой со временем вытащить семью из колхозного гнилостоя. Отбываешь из деревни - беги совсем и безо всяких обязательств перед колхозом и государством. Иначе быт и барак вербовки.

В марте голодного постановлением СНК СССР отходничество совсем отрубили. "Исключать из колхоза тех колхозников, - требовала подписанная Молотовым бумага, - которые без разрешения уходят на производство, а потом (к уборке) возвращаются в колхоз, чтобы расхищать зерно."²⁰ Про зерно здесь отвлекающе. За него бил по рукам дедушкин указ и статья 162 УК. Суть в другом, во всегосударственной облеве на злостно уклоняющихся от всемирно-исторической миссии.

Партия решила - быть отныне всем энтузиастами, одним в котлованах, другим на столбовом пути. И наступила на хвост суетно взыскующим личное благо.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 года вводится всеобщая паспортизация населения и институт прописки. В целях "лучшего учета населения городов, рабочих посёлков и новостроек, а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов".

Учет антиобщественного поголовья начался с капитального жилфонда. Проживающие в государственных и частных домах были проверены на право местопребывания, социально чистые и родственно очень близкие хозяину или съёмщику получили паспорт со штампом о прописке. К деревенским и иногородним родственникам подозрений не скрывали, потому немедленно выселили. Домоуправам и ответственным квартиросъёмщикам вменили в служебный долг наблюдение за прописанной паствой и гостями.

Кампания паспортизации, к чести ее авторов, не впала в пустые эмоции - дать каждому серпастое удостоверение личности, вынув которое из широких штанин, можно было требовать гражданских свобод. Чего, в самом деле, удостоверить? Соотечественника за версту угадаешь по унылому крою хари. Главное не паспорт, а прописка. Широка страна моя родная! - заставляли с пафосом рвать горло тех, кому недельная самоволка в соседнюю деревню грозила судом. На принудительной оседлости строилась государственная дисциплина местожительства да и институт гражданства.

Выдавать паспорт вербованному надо и нельзя. Надо для оформления документов по месту работы, для получения продуктовых карточек, места в общежитии, кровати, тумбочки и других сопутствующих романтическому образу жизни вещей. Временный и принудительный характер вербовки культивирует естественно варварское отношение к материальной и духовной обстановке. Это не только факт, а принцип. При переходе к принудительному высшему образованию, например, когда ВУЗы стали прибежищем дезертиров воинского долга, студент духовно оскудел до приматов, а в вандализме материальном их заметно

превзошел. Вербованным энтузиастам, чтобы нести ответственность за бытовую экипировку, нужен был хотя бы формально статус гражданина.

Давать вербованному паспорт на руки никак нельзя. Каждый колхозник мечтает стать гражданином. Не скажу - буржуа, имея в виду среднее сословие, могут обидеться. Просто сбежать в город от деревенской рутины, нищеты и бесправия.

Лучшая форма Советской власти - власть колхозная. Не верьте патриотам колхозной деревни, но снизойдите до участливого понимания. Когда жизнь стorerла в многолетнем бесплатном труде, разменена безысходно на кусочную суету, остаётся утешение лишь в деревенском патриотизме. В памяти постепенно розовеет прошлогодняя постылость, поизносившиеся чувства идеализируют развороченную "Кировцами" околицу и стойкий аромат не то свежего навоза, не то прокисшего силоса. "Деревня моя, деревняная дальняя..." - сентиментально, растворив взгляд в пространстве воспоминаний, поют даже в компаниях пожилых горожан, удачно дезергировавших из колхоза в послевоенную голодуху.

Деревенские тридцатых любили обитель реальную и по естеству чувств. Но больше хотели жить. Дай таким паспорт, а они дадут тягу. Лесотресты поначалу отбирали документы у вербованных. Те навадились бежать не после аванса, как раньше, а на пути следования к месту работы. Поэтому на попавших под вербовку волокитно оформлялись паспорта (колхозник на гражданина не тянул - зачем ему паспорт?) и пересылались из сельсовета в нужный адрес. На манер учётных карточек коммунистов.

Дезертирство, таким манером, из устремления инстинктивного превратилось в глубоко осмысленное антисоветское деяние. Так квалифицировало его постановление Верховного Суда СССР "Об ответственности за вербованных рабочих за дезертирство" от 27 октября 1933 года. Беглый энтузиаст обрекал себя на пожизненную нелегальщину или пятилетний легальный лагерь.¹¹

Манера советского оргнабора хорошо знакома автору не только теоретически. В январе пятьдесят девятого нас, группу ремесленников техучилища №1 города Челябинска, завербовали. На далёкую сибирскую стройку. Деревенскую зелень соблазнили романтикой, запахом тайги и дикой фанеры. Вежливо попросили заполнить листочки с подробными анкетными данными. Ну там - не был, не имею, ни привлекался, не жил ли за границей дед... В июле я уже начал было работать в цехе пусковых моторов ЧТЗ, вдруг нас собрали, и усатый вербовщик объявил о немедленном выезде в Сибирь.

Вербовщик, оказалось, купил уже всем билеты и велел собрать паспорта. Даже глухие к романтике друзья потемнели завистью, а комсомольский шнырёк из Тракторозаводского райкома сунул нам по бумажке с известным профилем. Чтобы прошли по отчёту энтузиастами. Моего лёгкого сомнения - почему поезд тянет на север, а не в Сибирь, никто не разделил. В шуме и не заметили, что около часа стоим на станции Кыштым и что наш вагон отцепили. Недоумение застыло в глазах каждого, когда вошли военные и повели нас в "финский домик" - неказистое сооружение, служащее "строго секретной", но известной всей округе пересылкой в запретную зону.

Потом была долгая, под охраной, ночная дорога через лес. Все сосредоточенно и молча, военные рекомендовали вопросов не задавать, шупали взглядом кромешную темноту за окнами автобуса. Картина последующая опрокинула самые смелые фантазии. Убегающее в далёкую темь освещённое многорядье колючки, КСП и столбы в гирляндах изоляторов, солдаты с автоматами, лай собак и вышки. Заведение, чувствовалось без энтузиазма, будет похлеще Сибири. Утром на встрече в режимном отделе было сообщено, что мы находимся на сугубо секретном предприятии - п/я 21, химкомбинат имени Менделеева. Почтовые реквизиты - Челябинск-40. Ныне - атомное объединение "Маяк". Через год, добавили в режимном отделе относительно наших судеб, при хорошей работе и

примерном поведении можно получить разовый пропуск для поездки к родителям.

Были и мы рысаками когда-то. Энтузиастами то бишь, впроголодь и подрежимными. Но теперь готов босиком бежать в розовую даль юности, где кыштымское КПП и заявления на разовый пропуск в Большую землю с удачно подделанными (спасибо и прости меня, Господи!) подписями начальника цеха Илясова, начальника сорокового объекта Панасика и начальника режимного отдела "Сороковки" полковника Кравцова.

Кружевной почерк первого, бывшего председателя горсовета Челябинска-40, мне настолько понравился, что самый эффектный его узор застыл в моей подписи. Да и кому из ныне больных и злопамятных сынов "Сороковки" не снится счастливым пятном талон разового пропуска с росписью инспектора режимки Чикунова.

Возвращаясь в наши таёжные исторические палестины, должен упомянуть, что паспортизация вербованных носила временный и вынужденный характер. Как и всем и в точном соответствии с Циркуляром Главного Управления Рабоче-Крестьянской милиции при ОГПУ СССР от 26 апреля 1933 года в паспорт ставился штамп о месте работы. Прописка места жительства и работы действовала временно.

По окончании вербовки всем деревенским надлежало вернуться домой, но уже без паспорта. Теперь многие, особенно холостые, не рвались в голодный колхоз и пытались приткнуться хотя бы на временную городскую работу. Часто предприятия, зарясь на грошовую рабсилу, предпочитали сокращать постоянный штат и пользоваться услугами временных нелегалов. СНК СССР принял несколько жёстких директив, запрещающих применение наёмного труда с нарушением установленного паспортного режима. Особенно против лесотрестов, принимающих вербованных на постоянную работу и потакающих тем самым колхозному дезертирству.²²

С населением скороспелых городских трущоб обошлись ещё круче. Не имеющих паспортов немед-

ленно выселили, а их хибары уничтожили. Только на территории Уралмаша за первую половину тридцать третьего снесли более тысячи землянок самостроя.²³

В толпе энтузиастов индустриализации и колхозного строительства вербованный элемент составлял заметную, но далеко не самую организованную часть уральского гегемона. Возможность тихого дезертирства в какой-то мере ограничивала применение идеологического допинга и средств лагерного принуждения к труду. Среди вербовки тридцатых мало легендарных, плавающих на слуху персонажей. Вернее будет так. Многие из них начинали с эшелона вербованных или ссыльных. Потом, чаще посмертно, их биографию отретушировали.

Кому, скажите на милость, нужен закрывший амбразуру герой с пропавшими в советскую голодуху родителями? Вымарать невзрачных родителей! Кого вдохновит пример еманжелинского шахтера Петра Турищева, наломавшего за смену угля больше самого Стаханова, но имеющего неисправимо дурную биографию? Сам он был выслан как кулак, а отец, Герасим Васильевич, мало того, что кулак, служил когда-то гвардейцем в Зимнем, при двух метрах роста и страшной силе любил нервировать прогрессивную общественность теплыми воспоминаниями о тёмном прошлом и холёной, в пояс, белобандитской бородой.

Человеку вербованному больше свойственны меркантильные, чем идейные, соображения суеты. Дома ждали не орден, поэтому он старался не впутываться в партийные игры, подозревая, что они выйдут ему боком. Героем-ударником мог быть человек кристальный, пришедший на стройку по зову партии, из-за дефицита таковых практиковался интенсивный макияж прибывших не по зову.

Лучшую половину массового энтузиазма монополизировали ссыльные. Тому вяще способствовал комendantский режим и невозможность гласно возразить. Ну и масштабы эксперимента, разумеется. Первая кампания высылки, уже упоминалось, имела вид чисто репрессивного порыва с куцым осмысленным моментом - затолкать евших досыта поглубже в

тундру. Классовая брезгливость преобладала над резонансом.

Нет, государственные и партийные документы всех уровней, касающиеся выселения и расселения кулачества, обращали особое внимание на использование труда репрессированных. Но основной смысл выселения оставался неколебимым - расправа, то единственное, что мы умеем делать быстро и толково. Поэтому фрагменты документов ссылки о трудоустройстве, особенно в первой кампании, выглядят скорее декорациями, чем директивами. Если говорить о хозяйственной истории спецссылки вообще, она чётко вписывается в общепризнанную схему социального прогресса, образуя запоздалую ветвь - от большевистской дикости к советскому варварству.

Протокол заседаний фракции ВКП(б) Уралобл-исполкома от 19 марта 1930 года утвердил общий план размещения кулацких семейств в северной части Уральской области по округам и районам - 39 250 семейств. Из них предполагалось использовать: в тресте "Волгокаспийлес" - 10 000 семей ссыльных, "Камураллесе" - 13 200, "Уралмете" - 11 100, "Рыбтресте" - 3 000 семей.²⁴

С географией расселения кулацких масс мы познакомились ранее. Сейчас перед нами план их хозяйственной дислокации. Должен сказать сразу, что эти планы совершенно не взаимосвязаны и принимались с политической дуры. Ссылка оказалась сволочным сюрпризом даже для партсекретарей таёжно-тундровых райкомов. Вспомните их визгливые просьбы помочь с оружием и кадрами для этапирования.

Для руководства трестов-отчимов планы размещения оказались более неожиданными, чем майская озимь на лысую голову. Спец-энтузиасты уже сидели на мешках в Надеждинске, Соликамске и Тобольске, а порой и в леспромхозах, когда поступили озадачивающие бумаги. Директивы преследовали не экономическую цель, надо было куда-то и хотя бы формально приткнуть переселенцев, сбросить лавину обездоленных, и пугающую ответственность на чужие плечи.

У ссылки, таким образом, оказалось два хозяина. Подъёмом, транспортировкой и расселением командовало ОГПУ, указанные выше тресты должны были стать работодателями. Самый главный хозяин, чтобы разгрузить пересыльные центры, расталкивал жертвы абы куда - по поселкам и стойбищам аборигенов, скидывал по берегам рек и давал займы нуждающимся в дармовом ресурсе. К середине лета, по расселении и установлении комендантского режима, намерились было доложить об исполнении. Ан нет! Спецпереселенцев предстояло тащить к местам их хозяйственной прописки. Те же эшелоны и баржи, но теперь по плану трудоварательной операции.

Год тридцатый из истории массового ссыльного энтузиазма выпал. И вот почему. До глубокой зимы окапывались там, где приспичили морозы. По свидетельству ссыльных, многие землянки даже не имели печей, грелись у костров, которые разводили в шалашах, построенных на манер юрт. Новые нищие частенько горели. По причине отсутствия кирпича и невозможности производить его зимой без печей сдавались и бараки.

Первое время, до начала зимнего лесозаготовительного сезона, переселенцы оставались безработными. В смысле государственной повинности. На просьбы ссыльных предоставить работу и соответствующий паёк и в ответ на директивы сверху, обязывающие эффективно использовать кулаков, комендатуры могли организовать лишь ритуал работы. Вести обустройство поселков, заготовку дров и иные не дающие дохода мероприятия.

Всё изменилось с получением леспромхозами планов заготовки. В них про кулаков не забыли, объёмы лесозаготовок исходили из полного вовлечения прибывших в работу. Ни общего контингента ссылки, ни географии сложившегося расселения, ни численности кулаков, осевших на территории лесхозов и трестов, никто не знал. Ссылка качалась. Поэтому планы составили прикидочно, принимая в расчёт запаряженное на трест количество кулаков и переводной